

Я. Д. МИХАЙЛИК

СОКОЛИНАЯ СЕМЬЯ

Яков Данилович
МИХАЙЛИК

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
П О Л К О В Н И К
Я. Д. М И Х А Й Л И К

СОКОЛИНАЯ СЕМЬЯ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
Москва—1971

Михайлик Я. Д.

М69 Соколиная семья. Военные мемуары. М., Воен-
издат, 1971.
256 стр.

Автор воспоминаний начал свой боевой счет в грозовом небе Подмосквья и закончил его над поверженным Берлином, уничтожив более двух десятков вражеских самолетов. В разгар Сталинградской битвы он стал коммунистом, а на Орловско-Курской дуге — гвардейским офицером. Вместе с другими крылатыми воинами 16-й воздушной армии принимал участие в освобождении Белоруссии и земли польской, громил врага на Висле и Одере. О себе и своих однополчанах, мужественно сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками, и повествует кавалер Золотой Звезды в книге «Соколиная семья».

Ныне гвардии полковник Я. Д. Михайлик продолжает службу в Военно-Воздушных Силах страны.

ВОЗДУШНЫЙ ЩИТ МОСКВЫ

*Ой, дороги дымные, военные,
За Москву тяжелые бои!
На дорогах воры иноземные
Растеряли головы свои.*

Иван Молчанов

1

Прошлое где-то далеко-далеко — за недобрым июньским рассветом сорок первого, за суматохой начальных дней лихолетья, за спешным переучиванием в Белом Колодце (под Волчанском) и Богай-Барановке на волжском берегу, за томительным ожиданием приказа: «На фронт!»

И вот наконец подмосковный аэродром. Это, конечно, не совсем фронт, о котором столько мечталось, но ведь авиация, особенно истребительная, никогда и не дислоцировалась непосредственно на переднем крае, а в нескольких десятках километров от линии фронта. Наша часть вошла в состав бригады резерва Главного Командования. Полк должен был прикрывать с воздуха подступы к столице Родины — Москве, сопровождать бомбардировщиков за линию фронта.

Первые вылеты на патрулирование большого удовлетворения не принесли: покружишься в воздухе около часа — и домой. Ни встречи с противником, ни боя. Так и ждешь, — может, сегодня повезет. А другим, судя по газетам и радио, везет. Только с 1 по 5 марта 1942 года в воздушных схватках и на аэродромах уничтожено более 250 немецких самолетов. Правда, это на всех фронтах. А здесь, под Москвой, всего лишь шесть.

Несколько дней мы совершали патрульные вылеты, охраняя столицу от налетов вражеской авиации. А через неделю нам было приказано перебазироваться на полевой аэродром Спас-Загорье. С этой площадки начались настоящие боевые действия фронтовой авиации.

Сразу же после перелета я и мои сослуживцы познакомились с новым командиром эскадрильи старшим лейтенантом Андреевым Степаном Филипповичем. Прежний комэск капитан Баклыгин погиб.

С. Ф. Андреев был невысокого роста, светловолосый. Как и все боевые летчики, постоянно носил кожаный реглан. На фронте с первого дня войны, дрался с врагом в небе Прибалтики. На его счету 63 боевых вылета.

Ознакомительные полеты в паре с Андреевым научили меня многому: осмотрительности в воздухе, умению взаимодействовать с ведущим, построению маневра для обозрения окружающего пространства...

Мастерством полета командира эскадрильи на «Яковлеве-1» гордились все однопольчане. Уважали его и как прекрасного методиста.

В один из мартовских дней эскадрилья получила задание сопровождать бомбардировщиков «Петляков-2» для нанесения бомбового удара по наземным войскам противника. В ожидании Пе-2, которые должны были подойти к нашему аэродрому, летчики сели в кабины. Меня назначили ведомым старшего лейтенанта Андреева.

На мне меховой комбинезон, унты, огромные краги и шлем, на плечах парашютные лямки. Слева от моей машины в припорошенных снегом ветках притаились другие самолеты.

Настроение приподнятое. В голову лезут картины необычной баталии. Вот из облаков вываливается стая «мессершмиттов». Делаю разворот с набором высоты и сверху на скорости 580 иду на сближение с ними. Хищные силуэты в прицеле. Немедля открываю огонь из пулеметов и пушки. «Ду-ду-ду!» — и два — нет, даже три! — «мессера» вспыхивают, разваливаются на части. Ай да Яшка-сержант, настоящий ас! Но что это? Мой самолет встряхивает. Проваливаюсь вниз. Выбрасываюсь с парашютом. Затяжной прыжок. Приземление. В рогах касках ко мне спешат темно-зеленые чудовища. Что-то кричат, торжествуют. Я мгновенно выхватываю пистолет и...

Рука в самом деле тянется к кобуре. Фу, черт, развоевался с призраками... Это, должно быть, от нестерпимо долгого ожидания «пешек». Возбужденный, нетерпеливо ерзаю в кабине, бесцельно хватаюсь за ручку управления

и сектор газа, смотрю на приборную доску. Скоро, что ли? Кажется, бомбардировщики никогда не появятся.

И вдруг над заснеженной взлетной полосой, обрамленной с двух сторон для выдерживания направления на взлете и посадке воткнутыми в снег ветками, взмывают четыре зеленые ракеты.

В воздух! Басовито загудели моторы.

Еще не успела догореть последняя ракета, как начался разбег самолетов. Оставляя за собой хвосты серебристой пыли, «яки» уходят в небо. Чуть выше нас ложатся на заданный маршрут Пе-2. Они идут красивым, плотно сомкнутым строем — клином. Боевой порядок (три треугольника звеньев) обеспечивает надежное прикрытие огня от истребителей противника. Сердце поет: мощь! От перевозности не осталось и следа.

Еще несколько минут, и мы на высоте 2300 метров, занимаем общий боевой порядок. Четыре Як-1 стали справа и чуть позади бомбардировщиков, мы с Андреевым — левее. Превышение над Пе-2 — 200 метров.

Оторвав взгляд от приборов, гляжу по сторонам, вверх, вниз. Под крылом белым-бело. Прямо-таки зимняя идиллия. Красота. Но вот на одной высоте с нами появился черный шевелящийся клубок. Что такое? Оглядываюсь. Вокруг боевого порядка наших самолетов все больше и больше этих грязно-серых тюльпанов. Молочное покрытие земли разорвано багрово-желтыми сполохами взрывов, запятнано сизыми султанами вздыбленного грунта. Умирает красота. Идиллии нет и не было.

Линия фронта. Верчу головой на все 360 градусов: осмотрительность прежде всего. Внизу показались какие-то строения. Они плюются шевелящимися клубками. В ответ «петляковы» сбрасывают черные чушки бомб. Вражеский объект исчезает в карающем смерче. Молодцы бомберы!

А где же Андреев? Отвлечшись, чуть не потерял командира из виду. Он уже на левом развороте, вместе с «пешками». Надо догонять. Даю полный газ. Спереди и чуть справа на фоне облаков показалась черная точка. С каждой секундой она растет, увеличиваются ее очертания. Это же самолет! Но чей?

Комэск покачивает плоскостями: внимание! Круто развернулись вправо, набираем высоту. Тотчас же под нами мелькнул Ме-110 с уродливыми крестами на крыльях.

Вот он, стервятник. Сколько мечталось о поединке! Наконец-то тебе повезло, сержант. В атаку!

С левого разворота ринулся в хвост «мессеру». Но фашист оказался стреляным воробьем. Бросив самолет в крутой вираж, он искусно увернулся и пошел в сторону от бомбардировщиков. Неужели уйдет? Наши «яки» ринулись вдогон. «Не подведи, Марья Петровна!» — мысленно обращаюсь к пушке марки МП. На мгновение враг в прицеле. Ожесточенно жму на кнопку управления пушечным огнем и пулеметные гашетки. «Сейчас загорится, гад. Отлетался!» — шепчу в азарте.

На выходе из атаки разочарованно замечаю: Me-110, целый и невредимый, продолжает кружиться. Вспыхнув от досады, становлюсь в круг и пытаюсь зайти противнику в хвост. Вираж, второй, третий... Что случилось? Почему не я преследую фашиста, а он меня? По спине побежали колющие мурашки, словно кто-то сорвал одежду. Почти физически ощущаю, как гитлеровец целится в меня. Ну и дела...

Выжимаю из «яковлева» все, на что он способен, пытаюсь как можно уменьшить круг виража. Однако «мессера» впереди по-прежнему не видно. Он несколько сзади, и вот-вот всадит в меня свинцовую очередь. Неожиданно самолет охватила дрожь. Слева на меня прыгнула земля. Все закружилось неприятной круговертью. Сбит? Инстинктивно сбавляю газ, до боли в руке стискиваю ручку управления. Однако «як» не слушается. Бросаю взгляд на приборы. Мотор работает. Радость возвращает на минуту потерянное самообладание. Нет, не сбит, черт возьми! В штопор свалился, в обыкновенный штопор на крутом вираже. Вывод. Разгон скорости — и опять вверх.

Встревоженный Андреев пронесся надо мною почти у самой земли. Пристроился к нему. От обиды хочется плакать. Чувствую себя как побитый щенок. Черные на желтом фоне кресты так и маячат перед глазами. Хочется развернуться на обратный курс и вцепиться в эти проклятые кресты зубами. Но рядом идут «пешки». Их надо сопровождать домой.

В землянку шел как на казнь. Сейчас командир учинит такой разнос, что хоть сквозь землю провались. Мальчишка. Фантазер. Тебе не на боевое задание ходить, а сухари да тушенку возить на тихоходе где-нибудь в Средней Азии или Сибири.

— Да ты, никак, чем-то недоволен, Яш? — удивленно встретил меня Андреев. На его широком белобрысом лице лучилась хитринка. — Может, устал?

— При чем тут усталость, — безнадежно махнул я рукой. — Немец теперь, поди, ехидничает. Как же, вдвоем не могли справиться с ним...

— Э, да ты что, — улыбаясь, прервал меня комэск, — и в самом деле думаешь, что гитлеровец одержал победу?

— Так ведь ушел же он. Без единой царапинки. А мы... а я... чуть в землю не врезался. Еще бы хоть одну атаку. Я бы ему показал!

Андреев посерьезнел:

— Ничего бы ты, сержант, не показал. Если бы ему удалось отвлечь нас в сторону от «петляковых», на них немедленно набросился бы десяток «мессеров». Фашист не справился со своей задачей, ему не удалось связать нас боем. А мы выполнили боевой приказ — обеспечили бомбовый удар. Кто же, по-твоему, оказался победителем, а?

На душе немного отлегло, но я ничего не ответил командиру, промолчал.

— Войне, брат, еще и конца не видно. Еще не раз встретишься со «стодесятыми» и «сто девятыми». Да и не только с ними, — тихо сказал Степан Филиппович.

Неудачный для меня день окончился еще одним конфузом. На разборе полета я задал вопрос: что это за черные клубки шевелились вокруг наших самолетов?

Землянка взорвалась хохотом. Ребята смеялись над моим неведением. А я и в самом деле не знал, что клубки — это разрывы снарядов. Откуда же мне было знать, если увидел такое впервые.

2

С утра погода испортилась. С неба, как из худого мешка, повалил снег. Он был таким густым, непроглядным, что о вылетах не могло быть и речи. Летчики коротали время в тесной землянке. Одни шумно резались в козла, немилосердно стуча костяшками домино, другие состязались в искусстве красноречия — рассказывали охотничьи и рыбацкие истории. Остро переживая вчерашнюю неудачу, я горестно думал о себе, вспоминал о родных, оставшихся на Полтавщине.

Восьмой месяц идут тяжелые, непрерывные бои на нашей земле. Давно захватили фашисты родное село Максимовку, давно не приходят письма с поклонами от отца — Данилы Дмитриевича и матери — Харитины Тимофеевны. Где они? Что с ними? Может, гнут спину на оккупантов, а может, и в живых нет... А ты, Яков, их защитник, надежда, и видел-то всего одного гитлеровца, да и того не сумел убить. Если так воевать — это сколько же времени пройдет, пока народ, земля дождутся освобождения?

Снег... Снег. Люует непогода. Неприглядная. Тоскливая. И на душе сумно, мрачно...

Сержант Николай Выдриган попросил командира эскадрильи рассказать о первых днях войны. Андреев охотно согласился.

— Летали мы тогда на истребителях И-16, — начал старший лейтенант. — Конечно, эта машина уступала «мессершмитту» по скорости и вооружению, но мы не давали себя в обиду. Вот хоть бы такой случай.

29 июня 1941 года в паре со старшим лейтенантом Сидоровым мы вылетели на боевое задание. Пересекли Двину южнее Риги и взяли курс на юг, вдоль шоссе, просматривая лес справа и слева. Через несколько минут показалась колонна, движущаяся по шоссе. Она состояла из трех частей: головное охранение, основные силы и тыловое охранение. Что за войска? Снизились до бреющего полета и убедились в том, что это были гитлеровцы: на белых кругах автомашин и фургонов — черные фашистские кресты. Долго не раздумывая, начали штурмовать колонну, переходя с одной стороны на другую, чтобы не дать противнику возможности сосредоточить по нас ответный огонь. Произвели более десяти атак, расстреляли две трети боеприпасов. Уничтожили около трехсот вражеских солдат и офицеров и подожгли пять автомашин. Наши самолеты были повреждены, но мы все-таки благополучно возвратились на свой аэродром.

А на другой день, когда мой И-16 был отремонтирован, я решил облетать его. Отошел от аэродрома километров на десять и начал набирать высоту над железнодорожной станцией. Сквозь разрывы облаков увидел два эшелона и множество людей, ожидавших отправки в глубокий тыл. «Не налетели бы «юнкеры», — тревожно подумал я, внимательно просматривая воздушное пространство. Беспоко-

ился не напрасно. Вскоре между облаками появились два Ю-88. С открытыми бомболюками заходили они на курс в направлении железнодорожной станции. Чтобы предотвратить беду, решил атаковать гитлеровцев. Прибавил обороты мотора и с набором высоты перешел в атаку. Сблизившись на дистанцию не более ста метров, открыл по одному стервятнику огонь. На самолете загорелась левая плоскость. Стремясь сбить пламя, немец начал скользить, но вскоре с резким снижением врезался в землю. Я перешел в атаку на второй «юнкерс». С большой дистанции произвел три атаки. Бомбардировщик нырнул в облака и больше не появлялся.

Возвращаясь домой, я снизился над станцией и увидел такую картину. Люди благодарно махали руками, в воздух летели головные уборы.

Слушая командира, мы не заметили, как открылась дверь в землянку. В белых космах стужи выросла фигура посыльного.

— Товарищ старший лейтенант, вас вызывает командир полка майор Лесков.

Перестали стучать костяшки «козлятников», угомонились «анекдотчики». На командный пункт. Значит, жди новостей. Какие они будут, новости?

Андреев вернулся минут через пятнадцать. Запорошенный. Оживленный. Что скажет, чем порадует?

— Погода улучшается. Эскадрилье поставлена задача — прикрыть наземные войска с воздуха. Вылетаем шестеркой. — В числе других старший лейтенант назвал и мою фамилию.

В районе прикрытия все небо в облаках. Высота метров четыреста — пятьсот, а кое-где и того меньше. В воздухе противника нет. Делая круг за кругом, расширяем радиус виражей с заходом на вражескую территорию. Перестроились во фронт. Слева — пара Андреева, справа от нее — командир звена младший лейтенант Сугокон, а я еще правее.

Внизу замельтешили желтые языки, нас обстреливают из зениток. Спокойно, сержант. На такой высоте трудно предпринять противозенитный маневр. Накреняюсь, чтобы осмотреть заданную полусферу. Огонь усиливается. Но откуда появился сноп пламени здесь, в воздухе? Не успев как следует осмыслить, увидел взрыв. Обломки самолета командира звена беспорядочно падали вниз.

Острая боль утраты сдавила сердце. Погиб мой ведущий Сугокон. Холодная бездна поглотила горящие останки. Даже могилы со скромным деревянным обелиском не будет. Ничего не будет, кроме трагизма похоронной и долгой, бережливой памяти однополчан...

На аэродром вернулись впятером. Расстегнув привязные ремни, я долго сидел в кабине. Усталый. Опустошенный. Бессмысленно тикали часы, вмонтированные в приборную доску. Остывал разгоряченный мотор, и в мареве, поднимавшемся от него, чудился падающий факел.

Подошел невысокий, щуплый паренек, механик сбитого самолета.

— А мой командир?..

Безответная тишина. Что ему ответить? Понял — нет ни командира, ни самолета. Смахнув со скуластой щеки скудную солдатскую слезу, он повернулся и медленно, волоча поги по снегу, побрел на стоянку. Теперь она выглядела пустой глазницей.

С трудом выбравшись из кабины, я попросил у молчаливого техника Шаповалова закурить. Неумело свернул толстенную самокрутку и впервые в жизни затянулся горьким табачным дымом. Глубоко, на весь вдох. Дым обжег гортань, легкие...

А вечером, тоже впервые в жизни, выпил положенную порцию водки. Выпил, чтобы заглушить боль утраты. Но боль не проходила. Не прошла она и тогда, когда Степан Филиппович Андреев, выходя из столовой, попытался утешить:

— Война, Яша, суровая штука. Без потерь не обходится. Мы за него рассчитаемся. С завтрашнего дня будешь летать со мной.

Ночью сплились желтые всплески огня, шевелящиеся клубки разрывов, факелы, падающие в ледяную бездну. И еще сплились глаза командира звена. Живые, призывающие к возмездия: «Отомсти, сержант!»

В ходе наступления наших войск обстановка для нас, авиаторов, становилась все сложнее. Дело в том, что аэродромы слишком далеко отстояли от передовой, и мы на практике все чаще убеждались, что из-за дальности расстояний эффективность обеспечения наступающих полков и дивизий становится все менее результативной.

К тому времени от гитлеровцев уже полностью были освобождены Московская и Тульская области, и командование решило перебросить наш полк на медынский аэродром, что километрах в сорока пяти западнее Малоярославца.

Батальон аэродромного обслуживания подготовил для нас все необходимое: стоянку для самолетов, взлетно-посадочную полосу, штабное помещение, жилые землянки.

Летчики повеселели. Командир полка Лесков, высокий, плотный майор с продолговатым, обветренным до красноты лицом, говорил, что теперь нам придется и разведку вести, и на свободную охоту летать, и бомбардировщиков сопровождать, и блокировать неприятельские аэродромы.

— В общем, без работы сидеть не придется. Враг рядом.

Продвинувшись на 80—100 километров на гжатском и юхновском направлениях, войска Западного фронта предпринимали попытки восстановить коммуникации группировки, действовавшей в тылу противника, соединиться с нею и в дальнейшем уничтожить гитлеровцев в районе Рыляки, Милятино, Вязьма. Однако фашисты прочно закрепились на занимаемых рубежах, и преодолеть их оборону наступающим соединениям не удалось...

Был обычный, будничныи день войны, о которых в сообщениях Совинформбюро говорилось, что на фронте ничего существенного не произошло. Дежурные летчики сидели в кабинах, остальные коротали время в помещениях.

Майор Лесков, разгоняя рукой клубы табачного дыма, появился в землянке внезапно:

— Андреев! Немцы бомбят соседний аэродром. Поднимай пару «яков». За ней — звено.

Бежим к машинам, на ходу застегивая шлемы. Минут через пять-шесть после взлета увидели пять «юнкерсов». Фашистские бомбардировщики, видимо, делали второй заход. На аэродромном пятачке зияли воронки с рваными краями.

Заметив нас, Ю-88 потянули вверх, поближе к спасительным облакам. Вражеских истребителей не видно. Обнаглели, ходят на разбой без прикрытия. «Ну теперь-то уж отведу душу!» — дрожа от нетерпения, подумал я и снял предохранители с пулеметных гашеток.

Туши «юнкеров» расплываются в облачном молоке. Вслед за ведущим ныряю в белесый омут, отвернув в целях безопасности градусов на десять вправо. Облачность оказалась не очень толстой, и через минуту я снова увидел бомбардировщиков.

Раздумывать некогда. Враг передо мной. Моторы Ю-88 оставляют полосы несгоревшей смеси. Значит, работают на пределе. Даю максимальный газ и занимаю выгодное положение для атаки. Фашисты отстреливаются. Вижу точечные вспышки. Нет, не выйдет! Небольшое скольжение, и очередь вражеского стрелка прочертила небо в стороне от меня. Маневр удался. Теперь буду бить я. Выравниваю самолет и самому себе команду: «Огонь!»

Снаряды зажгли переднюю часть фюзеляжа. Бомбардировщик резко сбавляет скорость. Чтобы не столкнуться с ним, круто ухожу вниз. Сбил или нет? Смотрю: летит, гад... Повторяю атаку. Теперь уже с набором высоты. Но скорость потеряна, и огненная трасса прошла где-то впереди «юнкера». Вспомнилась неудача с «мессершмитом». Довольно уроков, этого не упущу. Левый боевой разворот, и бомбардировщик снова в прицеле. Стрелок молчит. Видно, получил свое. Капут. Надеюсь спастись, летчик крутым пикированием пытается уйти в облако. Поздно! Длинная очередь прошивает правое крыло и мотор. Из-под капота выбивается пламя. Еще удар! Фашистский бомбардировщик рухнул вниз.

Боевым разворотом выхожу из атаки. Вокруг меня черные шапки разрывов. Это бьют вражеские зенитчики. Бьют сквозь облачную пелену на звук мотора. Но теперь я знаю, что такое шевелящиеся клубки. Подальше от них! Ложусь на обратный курс. Смотрю на часы. Ого, сорок с лишним минут в воздухе. Наверное, далеко забрался в погоне за «юнкерсом». Удача подмывала на размышления. Зря, пожалуй, ныл, приbedнялся. И сам я — парень не такой уж никудышный, и самолет у меня что надо. Скорость куда больше, чем у «юнкера» и даже «мессера». Значит, бьет советский «як» фашистских вояк. Дай время, мы еще загоним их за Одер...

Радость первой победы, открытия личного боевого счета вытесняется тревогой — как попасть на свой аэродром. Облака. Облака снизу и сверху. Что делать? Набрать высоту и выброситься с парашютом? За это никто не осудит. Но у тебя есть совесть, и она не позволяет

бросить самолет. Нельзя бросать: в полку каждая машина на счету. Бросишь — останешься «безлошадником». А жизнь, разве она дешевле машины?

Прочь сомнения! Надо снижаться. Вот уже пятьсот метров, двести пятьдесят... А кругом все так же клубится непроглядная муть. Едва видны плоскости «яка». Стрелка высотомера подходит к цифре «двести». Где же земля? Еще мгновение — и самолет столкнется с землей. Сокращаю угол планирования до минимального. Прибор не показывает потерю высоты. Еще немного и... в кабину ворвался свет. Свет, отраженный от снега.

Стало легко. Так легко, будто с плеч сброшена многослойная тяжесть коварных облаков. Впрочем, ощущение легкости оказалось недолгим. Где я? Ни одного знакомого ориентира. Снега да лесные массивы. Насколько хватает глаз. И облака. Они уже прижали меня до семидесяти метров. Где-то поблизости должна быть железная дорога Брянск — Москва. Мой курс перпендикулярен к ней.

Лечу. Каждая минута кажется вечностью. А их прошло семь, этих минут, пока подо мной показалось железнодорожное полотно. Теперь-то найду своих. Очертания строений. Дымящиеся трубы. Город. Знакомое шоссе. Но что за наваждение? Не узнаю города. Делаю круг, второй, третий... Смотрю на карту. Карта не помогает на такой высоте. Зло отшвыриваю планшет и снова до боли в глазах всматриваюсь в очертания города. Ба, да это же Малоярославец! Разворачиваюсь и иду на Медынь.

Наконец-то свой аэродром. Из кабины вылез совершенно обессиленный.

К утру Шаповалов залатал плоскость машины, развороченную снарядом. Я поблагодарил уставшего, озябшего на морозе техника. Он стеснительно улыбнулся:

— За что меня-то? Это вы сбили гитлеровца, а я...

Он так и не закончил фразу. Может быть, оттого, что технический состав не очень баловали вниманием, а может, оттого, что Шаповалову тоже хотелось летать, но в силу каких-то обстоятельств он вынужден обслуживать самолет.

Кстати, я никогда не думал о техниках, механиках и мотористах высокомерно. До войны, после окончания Казалинского железнодорожного фабрично-заводского училища, мне пришлось работать слесарем-паровозником

в депо. Я любил технику и с уважением относился к людям, знающим ее. Что же касается Шаповалова и его товарищей, то я всегда считал, что они делают не менее важное дело, чем другие войны. На неисправном, неподготовленном самолете не вылетишь. Каждая мелочь, зависящая от них, влияла на исход боя в воздухе, на результат выполнения полетного задания. Откажи пулемет, какой-нибудь прибор, выйди из строя незначительная на первый взгляд деталь, и летчик может оказаться небоеспособным, а то и просто беспомощным. К тому же в то время были нередки случаи, когда техники и механики после краткосрочной учебы обретали крылья, становились летчиками.

— Спасибо, Шаповалыч, — еще раз поблагодарил я техника самолета. — Моя удача — это и твой успех. Враг у нас общий, и боремся мы против него вместе.

Техник приосанился.

— Вот так-то, дорогой мой друг. А теперь иди отдыхать. Кто знает, сколько придется работать над нашим «яшкой» после очередного полета.

Шаповалов улыбнулся шутке: меня ведь тоже зовут Яковом, Яшкой. «Яшка полетел на «яшке», — балагурили порой ребята.

Солнце уже поднялось довольно высоко над горизонтом, разогнало мгlistую хмарь, поубавило ярость все еще не сдававшегося мороза и подкрасило заиндевелившие махлаи деревьев. В такую погоду хорошо поохотиться на зайчишек с ружьем. Тишина. Поскрипывает под лыжами снег. Петляют узорчатые следы, ведут в пехитрый тайничок — овражек, ложбинку, выемку. Но в нынешнюю пору люди охотятся на двуногих зверей. И нет в этой охоте ни прелести, ни романтики. Только злость, только священная ненависть...

На стоянку пришел озабоченный Андреев. Нет ни улыбки на его широком лице, ни добродушия.

— Вылетаем двумя парами, — коротко сообщил он мне. — Ты со мной, Ефтеев — с Выдриганом.

Пять тысяч пятьсот метров. На этой высоте Як-1 развивает максимальную скорость. Со снижением идем в заданный район для прикрытия наших войск от бомбардировочной авиации противника. Беспредельная даль, не омраченная ни разрывами зенитных снарядов, ни росчерком трасс гитлеровских самолетов.

Постепенно углубляемся на вражескую территорию, чтобы встретить «юнкеров» на дальних подступах к прикрываемому объекту. Солнце осталось в хвосте, и мы периодически делаем отвороты то вправо, то влево, просматривая воздушное пространство. Если бы не перестрелка внизу, можно было подумать, что просто утюжим небо, зря расходуем бензин.

Я даже начал вспоминать безмятежную голубень над кременчугским аэродромом. Там курсантом аэроклуба впервые поднялся над землей на По-2. Там отросли мои крылья. Там впервые ощутил чувство власти над высотой, такой заманчивой, зовущей! Что и говорить, чумазный слесаренок за штурвалом воздушного корабля! Дети рабочих и крестьян штурмуют пятый океан...

Командир эскадрильи резко развернулся в мою сторону, словно заметил атакующего врага. Мне ничего не оставалось делать, как маневрировать, чтобы оказаться у Андреева с противоположной стороны. Пристроившись, тотчас же почувствовал, как вздрогнула машина. Тяга мотора прекратилась. Фонарь кабины покрыла темно-желтая пленка, сквозь которую почти ничего нельзя рассмотреть.

«Снаряд! — обожгла мысль. — Но откуда? Кто стрелял? Ни «мессеров», ни «юнкеров» нет. Неужели зенитки?»

Открываю фонарь кабины, залитый маслом. Иначе ничего не видно. Стараясь выдерживать необходимую скорость, иду со снижением. Ребята остались где-то вверху. А территория? Чужая... Надо развернуться в свою сторону. В глаза ударили лучи солнца. Плохо, но все же на мгновение успел увидеть бешеную карусель. Это Андреев с хлопцами ринулся в бой против «Мессершмиттов-110», пытающихся нанести штурмовой удар по нашим войскам.

Убедившись, что за мной погони нет, выбираю площадку для посадки. Впереди между двумя лесными массивами — снежная поляна. Прямо под крылом мелькают окопы. Свои? Чужие? По мне не стреляют. Вероятно, свои. Необходимо спасти самолет. Жалко сажать его на фюзеляж: погнутся винт, щитки, обшивка. И я решаюсь па запретное — приземлиться на лыжи. Будь что будет... «Як» плавно касается наста у самой опушки леса и, замедляя движение, оставляет глубокий след.

В лес. Немедленно в лес! А как быть с самолетом? Не отдавать же его немцам, если они поблизости отсюда. Вон уже бегут. Еще минута, и будет поздно. Загоняя патрон в ствол пистолета. И вдруг...

— Хлопцы, сюда! — зычно гаркнул какой-то детина по-украински. — Тут наш летак сив.

Свой. На душе отлегло.

Держа перед собой автоматы, ко мне поспешно приблизились несколько красноармейцев в ушанках, стеганках и валенках. Расспросы. Соболезнования. Но сейчас не до этого. Осматриваю самолет. Не поторопился ли сесть в это укромное местечко? Кажется, нет. Сквозь распоротый капот вижу пробойну в моторе. Вот откуда масло-то било... Что же теперь делать?

Красноармейцы с любопытством осматривают машину, пробуют на ощупь, восхищаются плавностью ее линий, всем ладным, стремительным корпусом. Вероятно, они и не догадываются, что лететь на таком самолете нельзя.

Тот самый детина, с зычным голосом, простодушно спросил:

— А дэ ще люды сыдять?

В другой раз я, наверно, посмеялся бы над его вопросом, но теперь было не до шуток.

— Это истребитель, — ответил я, — и летает на нем один человек.

— За скільких же вин чоловик вправляється?

— Считайте: за летчика — раз, за штурмана — два, за стрелка — три...

— От цэ голова! Нэ голова, а цила рада.

Разговор прервал подошедший командир роты.

— Васильев, — козырнул он, очевидно полагая, что летчик должен иметь большое воинское звание.

— Михайлик. Сержант Михайлик, — уточнил я, заметив, что командир постарше и поопытнее меня.

— Как же это вы так? — кивнул он на беспомощную машину.

Пришлось рассказать все по порядку.

— Тогда пошли на командный пункт, оттуда разрешите по своей части. Мотор привезут?

— Не знаю. Может быть, легче самолет увезти. Приедет техник и решит, что целесообразнее, легче и быстрее.

А Шаповалов, должно быть, запрокинув голову, на-

пряжепно вглядывался в суровое небо и с трезогой ждал моего возвращения. Они, техники, всегда беспокоятся о нас, командирах экипажей.

3

Пышет жаром раскаленная докрасна буржуйка. По справедливости эту печку надо бы называть не буржуйкой, а фронтовичкой: столько уюта приносит она непритворным в быту военным.

Мы сидим на грубо сколоченных топчанах и табуретках. Слева от меня примостился Виктор Ефтеев. Теперь он ведущий, вместо погибшего командира звена младшего лейтенанта Сугокона. Поодаль от Виктора — лейтенант Поселянов. Каждый думает о чем-то своем, глядя на потрескивающие поленья в приоткрытой печурке. Должно быть, сама обстановка подсказывает грустно-лирическую мелодию «Землянки».

Глется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,—

тихо начинает Ефтеев. Поправив растрепавшиеся русые волосы, он вздохнул и вместе со всеми продолжил:

И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Эта песня дошла к нам солдатскими тропами и поселилась, прижилась в полку, как добрая знакомая, врачующая сердца и души. Гибель и в самом деле могла настичь каждого из нас в любой момент, но тем не менее мы спокойно пели суровые, правдивые строки:

...До тебя мне дойти не легко,
А до смерти — четыре шага...

«До тебя» — это до любимой. А у всех ли они есть, любимые? Всем ли довелось изведать трепетное чувство любви? Наверное, не всем. Многие, как и я, ушли в армию восемнадцатилетними пареньками, и никто нас, разумеется, не ждет. Но уж такова сила слова, что его, как говорят, не выбросишь из песни.

— Так, чего доброго, и слезу недолго пустить,— встре-
пенулся Поселянов, потирая ладонью синевато-бурые пят-
на на лице — следы от ожогов.— Может, баланду потра-
вим?

— Давай! Витек, ты не против? — спросил сержант
Выдриган.

— Что же, пускай травит,— равнодушно ответил Еф-
теев.

— Тогда послушайте, как мой дед на тетеревов охо-
тился без ружья.

— Как это — без ружья?

— Очень просто. Они ведь любопытные, но, как вид-
но, глупые. Заметит этакий расфуфыренный космач деда
и глядит на него, как на чудо: охотник, мол, а без
ружья. А дедок-то мой шустрый. Бегаёт вокруг дерева —
тетерев за ним поворачивается. Накружится до одури,
и шмяк деду под ноги. Тот его в мешок и к следующему
дереву. А там уже другой красавец дедовых фокусов
ожидает...

— И помногу приносил? — подмигивают ребята шут-
нику.

— На эскадрилью хватило бы, кроме Михайлика,—
продолжает балагур.

— Это почему же?

— Так вин же хохол. Сало да галушки лопае, а пта-
хами брезгует,— закончил по-украински Поселянов.

Ребята смеются, лишь Виктор по-прежнему задумчив.
Он трогает меня за рукав и показывает на часы: пора
на дежурство.

С сожалением покидаем свой подземный салон с жарко
пылающей времянкой, разбитного неунывающего Посе-
лянова. Надо: за два часа дежурные летчики порядочно
промерзли в кабинах и теперь, пожалуй, нетерпеливо
поглядывают на снежный горб землянки...

Прогрели моторы, чтобы в случае сигнала на взлет
немедленно запустить их. Не прошло и двадцати минут,
как над аэродромом появились два «Мессершмитта-109».
Ясно — прилетели блокировать, чтобы не дать нам воз-
можности взлететь. А тем временем бомбардировщики,
наверное, сбрасывают свой разрушительный груз на со-
седний аэродром.

Из реденького леска затрещали пулеметные очереди,
однако гитлеровцы не ушли.

Разворачиваясь для повторного захода на соседей, «юнкерсы» попутно высыпали на нас несколько кассет «лягушек» — мелких прыгающих бомб. Надо бы немедленно взлететь, но проклятые «мессеры» висят буквально над нами. И тем не менее кто-то с командного пункта дал зеленую ракету. Это приказ на вылет.

Поднимаемся в паре с Ефтеевым. Слева от меня проносится Ме-109. Я знаю, что сейчас произойдет, и от бесильной ярости стискиваю зубы до боли. Но зубами фашиста не проймешь, поэтому пытаюсь повернуть нос «яка» в сторону вражеского самолета, чтобы ударить по нему хоть не прицельным, а заградительным огнем. Машина почти не слушается, слишком мала скорость после отрыва от земли. А времени нет...

«Мессершмитт» коршуном кидается на Виктора, и его самолет, вспыхнув, сваливается на левое крыло. Эх, Витя, Витя...

Словно щепку, подбросило и мой «як». Мотор заглох. Кабина наполнилась острым запахом гари. В жуткой тишине слышу треск пушечных и пулеметных очередей. Это меня расстреливает второй фашист.

На ногах ощущается липкость. Кровь? Но думать об этом некогда. Надо садиться прямо перед собой, пока не взорвались бензобаки. Инстинктивно посылаю ручку управления вперед. Из-за дыма и какой-то вялости ничего не вижу. Толчок.

Вспарывая фюзеляжем податливые сугробы, самолет ползет по полю.

Сейчас налетит Ме-109 и добьет машину и меня. Надо выбираться из кабины. Отстегиваю привязные ремни и переваливаюсь через борт. Слева и справа вздымаются мелкие снежные фонтаны. Поднимаю голову — прямо на меня пикирует гитлеровец. Бежать в лес! Но противная вялость, потяжелевшие комбинезон и унты приковывают на месте, вдавливают в рыхлый снег.

Немец повторяет заход. В бессильной ярости ругаюсь, потрясаю кулаками. Брань и кулаки против пушек и пулеметов? Смешно. Снаряды и пули решетят «як», бороздят снежную целину.

Третье пикирование. Зарываюсь в снег. Голову накрываю парашютом. Слышу, как на моем самолете начинают рваться раскаленные огнем снаряды. Сейчас воспламятся бензобаки...

Взрыв выбросил меня из снежного логова. Немец ушел. Дымящийся трубчатый скелет растерзанного «яка» торчит страшным привидением.

— Яша, жив?..

Это Шаповалов. Сколько времени прошло, как я лежу у останков самолета? Не знаю. Для меня оно остановилось с того момента, как сгорел Виктор Ефтеев. На миг вспомнилось: «До тебя мне дойти не легко, а до смерти — четыре шага...»

Трясущимися от нервного потрясения руками сворачиваю самокрутку и глотаю дым. Жадно. Взахлеб.

— Яш! — тормозит за воротник комбинезона техник.

А что — Яш? Без друга. Без самолета. Без желания жить. Что — Яш?!

— Пойдем, — Шаповалов показывает в сторону деревни, где догорает крайний дом.

В горячке рванулся из сугроба, встал. Но острая боль подкосила колени, и я снова упал. Техник бережно берет меня под мышки, поднимает и молча волочет, проваливаясь по пояс в снегу. Он что-то говорит. В памяти застревает единственная фраза: «Горящий самолет Виктора врезался в дом...»

Доктор насчитал тридцать восемь осколочных ранений от разрыва эрликоновского снаряда. Тридцать восемь? Почему не сто? Почему я остался жив, а Ефтеев погиб?

— В госпиталь отправлять не будем.

А мне все равно.

— Отлежишься в полку.

А Ефтеев никогда не отлежится.

— Ранения не очень опасны...

А Виктор отжился.

— Скоро будешь летать.

А моему ведущему теперь все равно — буду я летать или нет.

— Ты еще счастливо отделался.

— Доктор, идите к черту!

Медик ушел. Рад: человек ругнулся, значит, в своей тарелке. А это главное.

Ноги распухли, как бревна. Возле кровати лежат посеченные осколками снаряда унты. И унты в дырках. Если бы не меховая обувь, ранения могли быть намного опасней. Остаться без ног... Это для летчика трагедия. Ползун. А сердце — в небе. Какое счастье иметь ноги.

Обыкновенные ноги, которые необходимы тебе не для ходьбы, нет,— чтобы управлять педалями, чтобы слушался тебя руль поворота.

В комнате никого нет. Лежу один. На тумбочке газета. Что делается в мире? Читаю сводку с фронтов. Общая обстановка: «...ничего существенного не произошло». Знакомая формулировка. А что пишут об авиации? «...Позавчера уничтожено 25 самолетов. Вчера под Москвой сбито 5 самолетов противника».

«За минувший день частями нашей авиации уничтожено или повреждено 75 немецких автомашин с войсками и грузами, более 30 подвод с боеприпасами, 33 полевых и зенитных орудия, 43 зенитно-пулеметные точки, взорвано 6 складов с боеприпасами и склад с горючим, разбит паровоз и 18 железнодорожных вагонов, рассеяно и уничтожено до роты пехоты противника».

Действительно, «ничего существенного». Так, мелочь. Мелочь по сравнению с тем, что пишет своей жене Фриде гитлеровский ефрейтор Менг: «Если ты думаешь, что я все еще нахожусь во Франции, то ты ошибаешься. Я уже на Восточном фронте... Здесь все наши враги, каждый русский, независимо от возраста и пола, будь ему 10, 20 или 80 лет. Когда их всех уничтожат, будет лучше и спокойнее. Русское население заслуживает только уничтожения. И их всех надо истребить, всех до единого!»

Всех... Значит, и мою мать, и отца, и меня, и моих однополчан. Все сто пятьдесят миллионов... Жуть. Бред. Химера!

Скомканная газета летит на пол. А при чем тут газета?

— Яков, не балуй!

Это военврач. Он знает — первничаю от вынужденного безделья. Осмотрел мои распухшие ноги. Поколдовал над ними, смазал, перевязал.

— Будешь хандрить — в госпиталь отправлю.— И ушел.

Угроза действует отрезвляюще. В самом деле, отправит — болтайся там, в тылу. А попадешь ли снова в свой полк — бабушка надвое сказала. Лежи, Яшка, лежи, не брыкайся...

Принесла обед Вера, наша официантка.

— Кушай, Яшенька. Поправляйся.

Поставила тарелки на тумбочку, а сама стоит рядом, тербит белый передничек.

— Больно?

Мотаю головой: нет. Может, еще юнии распустить перед ней?

— Что нового?

Всплеснула руками.

— Надо же, забыла сказать... Наши только-только пришли с задания. Двух «мессершмиттов» сбили. Коля и Ваня. Веселые такие, озорные. Наливай-ка, говорят, Верочка, побольше, погуще и пожирней. Налила, конечно. Разве жалко? Только бы все хорошо было. А ты ешь, ешь. Моими словами сыт не будешь.

Вера, Верочка, милая говорунья. Если бы ты знала, как мне нужны были вот эти твои слова — «двух «мессершмиттов» сбили». Это за Виктора Ефтеева, за меня. А сколько еще таких, как мы! За всех надо свести счет. За всех!

Так идут дни за днями. На дворе уже апрель. Снеготаяние. Ледолом. Скоро взбурлят реки от напора студенной воды, взопреет земля, пробьются первые усики зелени. А там теплынь, солнце. Солнце? Черное оно, сумрачное. И останется оно таким для наших людей, пока землю родную топчут ефрейторы менги...

В дверь постучали. Показался объемистый ящик. Потом сияющее лицо адъютанта эскадрильи Поселянова.

— Тебе, товарищ сержант, подарок! Ташкент вай как далеко, а сердце его совсем близко. Узбекистан — фронт. Опшалак. Дружба!

Поселянов поставил посылку на тумбочку, под столом отыскал отвертку и ловким движением поддел крышку. Перчатки, носки, кисет, носовые платки. Розовые гранаты, разные сласти, бутылка портвейна «Узбекистон»... И, наконец, письмо. Читаю по слогам:

— Йулда жангчи Кизыл Армия!

— Дорогой боец Красной Армии! — переводит адъютант.

С особым старанием, с любовью произносит он каждое слово. Уж очень хотелось ему хоть чем-нибудь утешить меня.

— Да ты откуда знаешь узбекский язык? — спрашиваю его.

— Я все языки знаю, — улыбаясь, отвечает Поселянов.

Отдаю ему письмо и молча слушаю. Слушая, мыслен-

но переносусь в далекую среднеазиатскую республику, которую по-настоящему не знаю. Узбекистан в моем представлении — буйство садовых красок, море солнца, снеговые тубетейки гор, голубые разливы Аму- и Сыр-Дарьи, неоглядные поля хлопка — белого золота. Экзотика. Мирная жизнь. Мечта!

А Поселянов читает, что узбекский народ приютил сотни тысяч эвакуированных стариков и детей, разместил на своих землях десятки заводов, поставляющих фронту боевую технику и оружие, что люди теперь день и ночь работают с думой о нас, бойцах Красной Армии, с думой о победе над немецко-фашистскими захватчиками.

И блекнет экзотика, растворяется в гуле заводских и фабричных цехов, в неустанных хлопотах земледельцев. В Узбекистане тоже фронт. Трудовой фронт.

Отзвенели вешние ручьи, вошли в свои берега небольшие речушки, вьющиеся меж лесных массивов Подмосковья. А речушек здесь великое множество. Только в окрестностях Медыни около десятка: Шоня, Лужа, Изверя, Угра, Ресса, Воря, Суходрев... В зеленые гимнастерки оделись деревья, цветной полушалок накинула на плечи земля.

Осколки эрликоновского снаряда оставили на моих ногах шрамы, а некоторые зарубцевались, «прижились» под кожей.

— Прощай, доктор! Спасибо за все...

Полковой эскалап рад за меня, будто он сам, а не я выздоровел и теперь возвращается в эскадрилью.

— Будь здоров, сержант. Воюй позже!

И снова боевые дежурства, вылеты, воздушные бои.

...Утро выдалось ясным и тихим. До того тихим, что с окраины аэродрома, где начинался нечастый лесок, слышен беззаботный птичий пересвист. Радуются пичуги теплу и свету.

Вместе с Шаповаловым лежим под крылом самолета, на траве. Слушаем птичью звень, дышим свежим травяным настоем, перемешанным с запахами бензина и масла. На желтую пляшку одуванчика сел шмель. Сонный, еще вялый. Лапками раздвинул пестики цветка и уткнулся хоботком. Лакомится, шельмец. Что же, лакомься.

Прямо передо мной играют, как дети в пятнашки, белокрылые мотыльки. Кружатся почти на одном месте, то сходясь, то расходясь. Завидная маневренность. Человеку бы такую, мне, летчику.

По теплой земле деловито снуют темно-коричневые муравьи, похожие на цифру восемь. Зачем снуют, о чем хлопчуют? Это известно только им. Снуйте, живите, работяги.

Метрах в десяти от машины сквозь малахит еще не примятой травы растет черный бугорок земли. Это что еще за землерой?

— Крот, — говорит Шаповалов. — Портит аэродром. Может, бензинчику плеснуть в нору?

— Не надо. Разровняешь бугорок, и делу конец. Верно?

— Угу, — соглашается техник.

У соседней машины заливается телефонная трель. Командир эскадрильи С. Ф. Андреев поднимает трубку. До нас долетает его голос:

— Есть, подняться четверкой!

Позабыты птицы, мотыльки и прочая живность. Покой весеннего утра нарушает неистовый рев «яков».

Мы идем на разведку в район железнодорожной станции Угра. По предположению, там сосредоточиваются вражеские эшелоны с танками, горючим и боеприпасами. Обычно на разведку высылается пара, но майор Лесков предупредил Андреева, что над станцией непрерывно барражируют истребители противника. Поэтому в воздух поднимаются четверка. Так надежнее.

Над нами плывут кучевые облака. Они, возможно, пригодятся нам. Андреев всегда напоминает о необходимости умело использовать их. Облака могут быть отличной маскировкой и даже укрытием.

Заходим на Угру со стороны солнца и, пикируя, осматриваем подъездные пути. На линиях стоят восемь эшелонов. На открытых платформах — техника. Вперемежку между ними — круглые цистерны с горючим. А чем набиты закрытые вагоны? Вероятно, боеприпасами.

Вражеские зенитчики всполошились. Но было уже поздно. На бреющем полете мы уходим в сторону своего аэродрома. Снаряды рвутся где-то за хвостами наших самолетов. А «мессершмитты» почему-то кружатся в стороне. Скорее всего, они ожидали налета наших бомбардировщиков или штурмовиков.

Мы доложили в штабе полка о результатах разведки и вскоре получили приказ сопровождать «ильюшиных» на штурмовку станции Угра. Об этих самолетах слава ходила по всем фронтам. Знаменитые «горбачи» были грозой для фашистов, которые называли их «черной смертью». А у нас о крылатых бронированных танках с уважением говорили: советские «илы» роют фридам могилы. Точная, меткая поговорка.

Строй Ил-2, сопровождаемый звеном ЛаГГ-3, показался над аэродромом. Штурмовики шли очень низко, едва не задевая макушки деревьев. На зеленом фоне лесного массива сверху обнаружить самолеты было почти невозможно, а снизу они были неуязвимы, разве только зенитка саданет в упор. Но это почти исключалось.

Андреев и я заняли свои места в общем боевом порядке, чуть выше «лагов». Уже на подходе к станции противник открыл сильный зенитный огонь. Но «ильюшиным» не впервые идти напролом. Не мешкая, они делают заход, обрушивают на Угру ливень свинца и море огня и исчезают за ближайшей рощицей. Станция окутывается дымом. Сквозь его густые клубы вздымаются желтые смерчи. Это взрываются цистерны с горючим, вагоны с боеприпасами.

А штурмовики появляются вновь, чтобы еще раз ударить по скоплению вражеских эшелонов. Немного выше «илов» идет четверка истребителей, ведомая капитаном Кузнецовым. Я знаю только фамилию командира сопровождающей группы. Встречаться с ним не приходилось, хотя и живем по соседству.

Добавив в заваренную кашу солидную порцию перца, «горбатые» правым разворотом выходят из атаки и устремляются в сторону линии фронта. «Лаги» перестраиваются. Кузнецов спешит прикрыть «ильюшиных» справа и натывается на зенитный снаряд. Его машина перевернулась вниз кабиной...

Что с капитаном? Подхожу к нему. Из левой плоскости «лага» струей бьет бензин, но летчик упорно тянет за своими, к линии фронта. Он, кажется, увидел меня и теперь чувствует защиту. Дружеское крыло — великое дело в бою. Это утраивает силу, удесятворяет надежду на благополучный исход.

В голове созревает план: если Кузнецову не удастся дотянуть до аэродрома, обеспечу ему посадку на подхо-

дящей поляне и помогу уйти в лес. Или сам произведу посадку. А там возьму капитана в свою кабину — и домой.

Основная группа самолетов уже скрылась за горизонтом. Оглядываюсь. Станция Угра полыхает вовсю. Хорошо поработали «ильюшины»! И вдруг замечаю двух Ме-109. Идут за нами, стервятники. Будь я один, им бы ни за что не догнать меня. Но со мной капитан Кузнецов на покалеченной машине. Не теряя времени, набираю высоту и прижимаюсь к самой кромке тех кучевых облаков, о которых еще в прошлый вылет думал, что они, возможно, пригодятся. Выходит, не ошибся. Пригодились.

Гитлеровские летчики ведут себя так, словно в воздухе, кроме беспомощного Кузнецова, никого нет. Предвидя легкую добычу, они наглеют, устремляются к машине капитана. Не рановато ли торжествуете? Бросаюсь в атаку. Удар, хотя и с дальней дистанции, был настолько ошеломляющим, что ведущий «мессер» не успел даже увернуться. Оставляя за собой длинную полосу дыма, он кое-как развернулся и пошел со снижением восвояси. Его напарник тоже трусливо повернул назад.

Горячая волна радости заполнила сердце. Меня стали бояться. Бояться вдвоем одного. Это что-нибудь значит, черт возьми! Кузнецов уже перетянул линию фронта. Теперь он вне опасности. От восторга беру ручку управления на себя, сектор газа — до отказа вперед и свечой ввинчиваюсь в небо. С высоты пикирую вслед за самолетом Кузнецова.

Под нами запасный аэродром. Капитан идет на посадку. У него кончилось горючее. А может быть, ранен. Делаю круг и тоже сажусь. Винт «яка» еще вращается, а Кузнецов уже карабкается на плоскость моего самолета. Перевалившись через борт кабины, обнимает меня, целует.

— Спасибо, друг! Большое спасибо! Я обязан тебе жизнью.

Оказывается, он все видел: и бой с «мессершмиттом», и свечу, и мою заботу о нем после перелета линии фронта.

Вместе с техниками залатали пробоины в крыле «лага», заменили бензобак, заправили машины горючим и к вечеру уже были дома.

ОТ БИТВЫ — К БИТВЕ

*Я твой солдат, твоих приказов жду.
Веди меня, Советская Россия,
На труд,*

*на смерть,
на подвиг —
я иду.*

Николай Грибачев

1

«**Н**а Вол-гу, на Вол-гу, на Вол-гу...» — ритмично выстукивают колеса поезда. Вагон набит битком. Люди, чемоданы, мешки. Духота. Перебранка и смех. Перед глазами в едком махорочном дыму — фуражки, пилотки и кепки, гимнастерки и пиджаки. На столиках, чемоданах, а то и прямо на коленях — хлеб, сухари, консервы. Кто пьет кипяток без заварки, кто пробует напитки покрепче.

Утолив жажду и по-дорожному закусив, люди снова загомонили на разные лады. Сквозь этот разноголосый гомон слышался нехитрый мотив гармонии. Пение вполголоса:

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...

Обрывки разговора:

- Ордена учредили новые. Слыхал?
- Какие?
- Отечественной войны.
- Добрая память будет, кто в живых останется...
- И гвардейские военные звания установили.
- Значит, ты теперь гвардии ефрейтор?
- Поднимай выше — гвардии младший сержант.
- Так, чего доброго, и до большого чина дойдешь.
- И дойду. До Берлина-то шагать далеко.
- Дошага-аем!..

За опущенными рамами окон лето. Торопливо бегут, обгоняя друг друга, поля и перелески, разъезды и полу-

станки. На крупных станциях невообразимый содом: охрипшие проводники, военные коменданты и их вконец задерганный наряд не в силах справиться с огромными толпами людей — военных и гражданских, здоровых и раненых. Безбилетники штурмом берут крыши вагонов. Похоже, вся Россия находится в движении.

Мы едем в тыл на переформирование. Я снова буду там, где научился летать на истребителе Як-1, где осталось столько юношеских впечатлений и надежд. Но мысли сейчас не об этом. Душой я все еще в Подмоскowie. Там принял боевое крещение, прошел сквозь отчаяние бессилия перед врагом, пережил горькие минуты гибели друзей и собственного ранения.

Там же, в Подмоскowie, я впервые испытал и радость победы. И не только я, вся наша армия, вся страна. Мы вырвали из рук врага стратегическую инициативу. Разбойные силы немецко-фашистской Германии в первый раз за всю вторую мировую войну потерпели крупное поражение. Наши успехи в знаменитой битве под Москвой означают собой коренной перелом в ходе смертельной схватки двух миров — социализма и фашизма. Мы оказались сильнее, и я горжусь, что мне довелось быть участником этого грандиозного сражения.

И еще все мои думы о Подмоскowie потому, что там... Впрочем, об этом незаурядном событии в моей жизни нельзя рассказать в двух словах.

Батальонный комиссар полка Косников за последнее время все чаще начал заходить в наше звено, приглядываться к ребятам, беседовать. То о настроении спросит, то о вестях из дому. Бывал в землянке, на стоянку самолетов приходил. И в этом ничего особенного я не видел: летаем много, напряжение большое — почему комиссару и не потолковать с нами.

— Ну как, сержант, обвык в полку? — спросил он меня однажды.

Отвечил ему, как и положено подчиненному:

— Так точно, товарищ батальонный комиссар!

Он улыбнулся, дружески хлопнул по плечу:

— Зачем же так официально, по-уставному? Давай запросто. — И предложил закурить. — Знаю, сердись ты на меня. И есть за что... Я и сам, Яша, не меньше твоего переживаю. Да что там переживаю — порой сам себя ругаю... Жалко Витю Ефтева. Ведь это я тогда шумнул

на заместителя начальника штаба, чтобы дал ракету на вылет. Но было решение командира. Помнишь, «мессеры» блокировали наш аэродром? Так вот, не подумай чего плохого... Все ведь хотели... Сам понимаешь: фашисты бомбят соседей, значит, надо выручить их из беды. Думали, что вам удастся взлететь и отогнать «мессершмиттов». Почувствовав опасность, за ними, мол, ринутся и «юнкеры», наспех высыпав бомбы куда-нибудь в лес или в поле. Но, как знаешь, ошиблись. Расчеты не оправдались. Виктор погиб, а тебя изрешетили...

Комиссар умолк. Ему тяжело было говорить.

Затаенная обида на комиссара как-то сгладилась, уступила место другому чувству — вере в искренность признания допущенной ошибки.

Вспомнилось недавнее прошлое. Вместе с Андреевым я возвратился с задания, выполнив его ценой огромного напряжения, связанного с риском для жизни. Именно тогда комиссар Косников спросил меня, не думал ли я еще о том, чтобы вступить в партию. При этом он сказал, что и сам мог бы дать мне рекомендацию, но... Я понял это «но». Он опасался, не пойму ли я его предложение как цену за историю с трагическим вылетом...

Звание коммуниста ко многому обязывает, и поэтому я попросил время, чтобы подумать. Решение, конечно, могло быть только одно. И я согласился. Эскадрильское партсобрание проходило в перерывах между боевыми вылетами, на самолетной стоянке.

Коммунисты говорили коротко: «Обстрелян... в бою не робок... открыл личный боевой счет... спас жизнь капитану Кузнецову... Принять!»

На переформирование я еду кандидатом в члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Колеса стучат и стучат. Все ближе к Волге, к небольшому городку Вольску, к аэродрому, куда я когда-то приехал из Белого Колодца.

Это было год назад. Мы спрыгнули с полуторки на раскисшую осеннюю землю. Сквозь серую пыль дождя на ровном поле угадывались длинные горбатые сооружения, вроде силосных буртов, и приземистое деревянное здание барачного типа. Здесь и располагался учебно-тренировочный авиационный полк.

«Силосные бурты» оказались землянками. Вошли в одну из них. Народу как сельдей в бочке.

— О, пополненьце! Свеженькое,— услышал я над головой хриповатый озорной басок. Его обладатель, скользя по моей спине каблуком сапога, прыгнул на пол.

— Петухов! — прокричал он. — Гони пяток «яковлевых»! Не видишь, люди ждут. — Потом уже другим, дружелюбным тоном: — Здорово, ребята! Занимайте любое купе.

На следующий день мы узнали, что многим летчикам Як-1 казался недостижимой мечтой. Машии не хватало, и командиры формирующихся частей в первую очередь отбирали тех людей, которые уже имели боевой опыт.

О новом истребителе конструкции Яковлева ходили легенды. Он не уступал «Мессершмитту-109» на горизонтали и превосходил его на вертикали.

Спустя несколько дней мы как бы рассосались в общей массе «земных соколов», завели новые знакомства, запаслись терпением. Не помню сейчас, кому из нас пришла в голову идея организовать в нашей четвертой эскадрилье драматический кружок, но приняли мы ее охотно. Жена одного из техников, бывшая артистка, работавшая в канцелярии тыла, вызвалась руководить самодеятельностью и предложила поставить чеховского «Медведя».

Мне досталась роль слуги. Много было хлопот, тревожений. Трудно было из безусого, розовощекого юнца преобразиться в пожилого, флегматичного и забитого лакея. Но руководительница кружка добилась своего. Я вошел в роль так, что близкие друзья не узнавали меня во время постановки. Маша, официантка, игравшая вдову-помещицу, никак не могла избавиться от украинского акцента, слово «медведь» она произносила «медвидь». На премьере артистка схватилась за сердце, когда Маша должна была произнести это «медвидь». Однако девушка не подвела. Слово прозвучало чисто по-русски. Клуб — такая же землянка, только без нар, гремел аплодисментами. Частично виновником их был и я. Слуга получился натуральный.

«Медведь» прославился на всю округу. После празднования 24-й годовщины Октября нас, что называется, разрывали на части. И самодеятельный кружок начал выезжать в другие подразделения.

...А с фронта приходили вести одна другой тревожнее. Гитлеровские дивизии рвались к стенам Москвы, их воздушные стервятники засыпали бомбами наши города. Здесь, в приволжских степях, царила тишина. Но рев вражеских бомбардировщиков, злобный свист бомб и плач осиротевших детей мы слышали сердцами. Жили только одним — скорее на фронт, в бой! Какое это счастье — поймать в перекрестье прицела желтобрюхую тушу с крестами на крыльях и давить, давить на гашетки, пока пламя мести не смахнет стервятника наземь.

Ожидание становилось мучительным.

Однажды наш комэск пообещал командиру соседней эскадрильи устроить вечер самодеятельности, поставить прославленный водевиль «Медведь». Вызвал нас к себе, в отдельную комнатуху с крошечным оконцем, и сказал:

— Собирайтесь к соседям. Надо выступить. Очень просили.

И тут я решил показать характер. Насупился, сделал непроницаемое лицо и заявил:

— Я не гастролировать в авиацию пришел. Не водевили играть. Приказание ваше выполняю, поехать поеду, но играть не буду! Не буду, пока не назначите в группу переучивания!

— И я тоже! — пробурчал сержант технической службы, коренастый, широкий в плечах тридцатилетний блондин, игравший главного героя пьесы.

Капитан оторопел.

— Да что вы, ребята?! Я же обещал. Народ там собрался. А на фронт еще успеете. Это вам не к теще на блины... Самолет и мотор вы уже освоили, подойдет очередь, зачислю в группу переучивания.

Но мы стояли на своем: или назначайте в группу переучивания, или не видать вам больше «Медведя». Комэск уговаривал, приводил всевозможные доводы, убеждал. Мы замерли навтыяжку и молчали.

Наконец капитан внимательно осмотрел меня с ног до головы. Не спеша прошелся взглядом по моей худенькой фигуре в яловых сапогах и сером меховом комбинезоне, по мальчишескому подбородку, которого еще не касалась бритва, поймал решительность в глазах и вздохнул. Потом он неожиданно рубанул рукой воздух и глухо, в три приема, проговорил:

— Ладно. Так и быть. С завтрашнего дня начнете.

Во мне ликовала каждая клеточка. «Як», долгождан-
ный «як» стал не мечтой, а явью.

Никогда я, наверное, не играл на сцене с таким подь-
емом, как в тот вечер...

Очередь на завтрак на этот раз занимать не потребо-
валось. Назначенных на полеты кормили вне очереди.
Вдвоятером, сдерживая нетерпение, отправились по мяг-
кому снежку на аэродром. Восторгаться не полагалось,
тем более что инструктор разговаривал с нами с легкой
усмешкой бывалого аса, хотя был чуть постарше меня.
А так хотелось пуститься в пляс или выкинуть еще ка-
кую-нибудь штуку!

Пришлось здорово померзнуть, пока подошла моя оче-
редь. Лейтенант слетал с одним, другим, третьим... Затем
дозаправили самолет. Инструктор очень долго, как мне
показалось, курил, словно испытывал мое терпение. Нако-
нец он бросил окурочек и бесстрастно сказал:

— Твой черед, Михайлик.

Стараясь унять волнение, я надел парашют, сел в
переднюю кабину...

«Яковлев» рвется вперед, стоит только легко нажать
на сектор газа. Тебя плотно прижимает к спинке си-
денье. Вот это скорость!

Полет по кругу завершен.

— Ну как? Все понял? — также бесстрастно спросил
инструктор.

Не только понял, но, кажется, сердцем прирос к новой
машине.

— Так точно! — выкрикнул громче, чем следовало.

Лейтенант понимающе улыбнулся.

После третьего вывозного полета инструктор коротко
спросил:

— Полетишь с командиром эскадрильи на поверку.
Уверен в себе?

Конечно же уверен!

Зачетный полет прошел, как говорят, без сучка и за-
доринки. Так мне, сержанту, доверили первоклассный
истребитель.

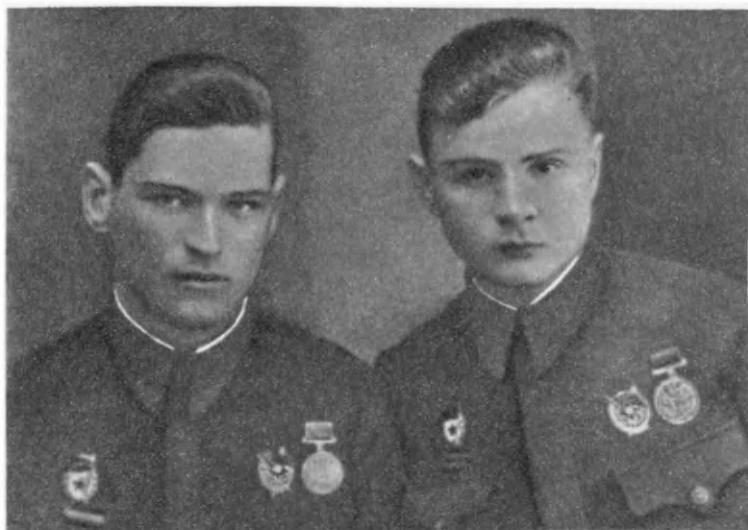
Самоуверенность подтолкнула меня на рискованный
эксперимент. Дело в том, что среди некоторой части на-
ших летчиков было распространено мнение, будто Як-1
невозможно посадить с неработающим мотором. Кое-кто

С. Ф. Андреев

Е. П. Мельников

Слева направо: И. Х. Ищенко, Г. В. Шерстнев

П. Д. Ганзеев

А. И. Русанов

Слева направо: Я. Д. Михайлик, В. К. Поляков, В. К. Слесарев,
И. М. Чумбарев и Ю. В. Маркевич

авторитетно утверждал, что при выборе угла планирования истребитель делает некоторую осадку и, если не увеличить газ, теряет скорость. Не имея запаса высоты, в этом случае машина может разбиться.

Я не верил. И вот, ни с кем не поделившись замыслом, во время третьего самостоятельного полета решил опровергнуть это мнение. Пилот должен знать возможности своей машины, верить в нее. «Как же так,— рассуждал я,— разве конструктор не учел, что в бою обязательно стреляют, причем стремятся попасть именно в мотор? Выходит, если снаряд повредит двигатель, то не будет никакой возможности спасти машину. А не распустили ли этот слухок люди, которым туговато давался новый истребитель?»

На четвертом развороте полета по кругу, после уточнения расчета на посадку, я убрал обороты мотора. Холодок сомнения закрался в душу, засосало под ложечкой, рука несколько раз ложилась на сектор газа. Совершенно ясно, что в расчете на посадку допустил ошибку. Однако волнение уняло.

Вот уже машина подведена на высоту выдерживания и несется буквально в нескольких сантиметрах от снежного покрова. Нет, эксперимент нельзя прерывать. Коснувшись лыжами снежного наста, «яковлев» плавно катится по посадочной полосе. Кажется, все нормально! И тут подвернулась левая лыжа. Пробежав еще несколько метров с задранной левой плоскостью, самолет остановился у посадочных знаков.

За самовольство мне объявили пять суток ареста с содержанием на гауптвахте. Наказание не было обидным. Куда сильнее оказалось чувство удовлетворения: я доказал на практике, что посадку Як-1 производить можно без увеличения оборотов на выравнивании.

Кстати, этот эксперимент позже пригодился мне в боевой обстановке. И не только мне, но и моим боевым товарищам.

2

И вот я снова на знакомом аэродроме. Здесь почти ничего не изменилось, только летняя пора как бы омолодила округу, сделала ее более привлекательной, приятной глазу. Зелень еще не успела выгореть от солнца, и людям,

привыкшим видеть на фронте истерзанный лик земли, было отрадно.

Как и прежде, летный состав готовился в тех же авиаэскадрильях, затем поступал во вновь сформированный полк или ту часть, которая прибыла на пополнение.

Пока устраивались организационные дела, меня и еще троих летчиков направили в местный дом отдыха, что километрах в пяти от аэродрома. Это была простая трехкомнатная крестьянская изба с высоко поднятым фундаментом. Народу здесь немного, кормят сытно и вкусно. Где же, как не в этой тихой деревушке, можно отдохнуть от фронтового грохота и дорожной суеты, полюбоваться природой, увидеть своими глазами, как живет и работает народ в глубоком тылу.

День-другой мы отсыпались. Потом лейтенант Поселянов предложил сходить на рыбалку. Речушка рядом. Вместо леса обыкновенная нитка. Крючков же наделали в деревенской мастерской, а удилица срезали на речном берегу.

Соорудив снасти, пристроились у старой ивы, наклонившейся до самой воды. Тишину изредка нарушает дергач, окликающий куда-то запропастившуюся подругу. Следом, как бы выходя на смену, начали переключку перепела: «фить-фидем, фить-фидем». Вокруг нас, попискивая, летали трясогузки. Сначала они тревожились о своих птенцах, раскрывавших большие желтые рты. Потом, убедившись в нашем миролюбии, успокоились и начали ловить мошкарю.

— Клюет! — крикнул Поселянов Николаю Выдригану. — Тащи!

Сержант, загадавший поймать рыбину чуть ли не в полпуда, поспешно дернул удилице. Кроме насадки, на крючке ничего не оказалось. А поплавок моргал потому, что на него села лупоглазая стрекоза, за которой гонялась большая зеленая лягушка.

Выдриган сделал вторую закидку. Поплавок нырнул.

— Тяни! — снова крикнул лейтенант.

Николай подсек добычу и... вытащил лягушку. Бросив удочку, он сплюнул и ругнулся. Рыболовы расхохотались.

— Ай, — махнул рукой Поселянов. — Ну кто так ловит! Вот мой дед ловил — это да! Без всяких снастей. Завязывал внизу штанины, заходил в речку и потихоньку

опускал пояс. Только налим либо сазан ткнется в мотню, дед поддерживает штаны. Есть, голубчик! Просто и быстро. Смотришь, каких-нибудь полчаса, и уха уже кипит.

— Что-то ты не удался в деда.— Выдриган смеется вместе с другими.— Он и тетеревов без ружья брал, и рыбу портками ловил. А ты все больше языком ловишь.

— Не удался,— шутит и наш комэск, старший лейтенант Андреев.— Потому ни дичи у нас нет, ни ухи.

— Подождите,— насторожился Поселянов. Он дернул лесу, и из воды показалась большая рыба голова.

Все бросились помогать лейтенанту. Вот так удача! Значит, отведаем ушицы.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда мы возвратились с рыбалки. В доме отдыха нас ожидало приятное сообщение: завтра к десяти быть на аэродроме. Начинаются полеты.

Следующее утро выдалось как на заказ. На небе ни облачка. На стоянке выстроились самолеты Як-4, УТИ-4, УТ-2. Каждому из нас необходимо выполнить полеты по кругу, в зону, под колпаком и по маршруту.

Инструктором на УТИ-4 — мой товарищ по училищу Николай Барабаш, коренастый, со светло-голубыми глазами и гладко причесанными назад светлыми волосами. Он очень переживал, что попал в «шкрабы», то есть стал школьным работником, и уже давно просился на фронт. Но начальство отказывало: учи хлопцев.

Поселянов когда-то летал на бомбардировщике Пе-2. После того как его подбили, попал к нам в полк. На «яке» он еще не летал, поэтому ему надо было освоить специальную программу. После провозного полета на УТ-2 лейтенант вылез из кабины весь мокрый. Снял шлем, вытер вспотевшее лицо носовым платком и сказал:

— Это же не самолет — блоха. Пока я к нему припоровился, семь потов сошло.

— Вот тебе и блоха! — улыбнулся сержант Выдриган.— Этакого молодца вымотала за несколько минут.

— Николай! Твоя очередь лететь,— напомнил Андреев сержанту.

Взяв парашют, Выдриган привычно набросил его на плечи и продел обе руки в подвесную систему. Сел в кабину и, запустив мотор, пошел на взлет. Полет по

кругу был уверенным и точным. Затем Николай стал готовиться к вылету в зону.

— Давай посмотрим, Яша, как он пилотировать будет,— предложил Поселянов, закуривая папиросу.— Мне это полезно. А ты комментируй, в чем сам не разберусь.

Мы отошли в сторону, чтобы никому не мешать.

Самолет начал разбег.

— Сейчас оторвется,— заметил Поселянов.

Я кивнул головой. Машина, как бы подпрыгнув, повисла в воздухе. Молодец! Как выдерживает! Но что это? Во время уборки шасси винт чиркнул по земле. Затем самолет ткнулся носом. Триск. Пыль. Ничего не видно.

Все, кто был на старте, срываются, бегут к месту аварии. Санитарная машина обгоняет нас. Что с Николаем? Жив ли?

Возле самолета, осматривая повреждения, ходил майор Лесков, врач забинтовывал Выдригану висок, разбитый о прицел. Слава богу, Николай отделался только ушибом. Могло быть хуже. Оказывается, он поторопился. Как только машина оторвалась, начал убирать шасси, не следя за землей. Земля мстит, если ею пренебрегаешь...

Командир полка еще раз напомнил летчикам о необходимости быть внимательными на всех этапах полета и разрешил продолжать работу.

Вечером того же дня к нам прибыло пополнение — младший лейтенант Пятов и сержанты Линенко и Никитин. Никто из них на фронте еще не был. Василий Пятов был инструктором в училище, подготовил одиннадцать летчиков и настоял на том, чтобы вместе со своими выпускниками его направили в действующую часть. Просьбу инструктора удовлетворили, но сказали при этом, что ему необходимо пройти переучивание на новом типе самолета. Так он и два его младших товарища попали в наш полк.

Сержанты были обучены технике пилотирования, самолетовождению и некоторым элементам воздушного боя. Пятов же имел значительно больший опыт, и потому его назначили командиром звена.

Во время ознакомительной беседы с новичками старший лейтенант Андреев рассказал о боевых действиях эскадрильи и полка, о наиболее характерных фронтовых эпизодах. В заключение комэск напомнил:

— Сроки переучивания очень сжатые, в любое время

может поступить приказ о вылете на фронт. Поэтому вам придется заниматься теорией и летной практикой с большим напряжением. Особое внимание обратите на изучение силуэтов немецких самолетов, расположение огневых точек и наиболее уязвимые места истребителей и бомбардировщиков.

Наши новые друзья оказались дисциплинированными, старательными людьми. Не жалея сил и времени, осваивали они новую материальную часть на земле и в воздухе, отрабатывали технику пилотирования, учились искусству воздушного боя под руководством бывалых летчиков. Узнав о том, что Василий Пятов туляк, старший лейтенант Андреев проникся к своему земляку еще большим уважением, чаще, чем с другими, летал с ним и его подчиненными, оказывал всяческую помощь, добиваясь быстрого ввода их в строй.

Забегая несколько вперед, скажу, что впоследствии Пятов, Линенко и Никитин стали хорошими воздушными бойцами, смело сражались с врагом.

Однажды, после облета облегченного самолета Як-1, командир авиаэскадрильи Андреев приказал сержанту Никитину быть готовым к перехвату самолетов-разведчиков, которые начали пробираться в наш тыл. Спустя некоторое время с поста ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи) поступил ожидаемый сигнал. Самолет Никитина быстро набрал высоту и вскоре скрылся из виду.

Вот что потом рассказал сержант.

Обнаружив разведчика, он набрал необходимую высоту и буквально через несколько минут уже занимал выгодное положение для атаки самолета противника. Казалось, все в порядке: разведчик летит без прикрытия и его можно смело атаковать.

Никитин еще раз проверил, все ли готово для атаки, и, взяв необходимое упреждение, пошел на сближение с вражеским самолетом. Экипаж разведчика, по-видимому, был опытным, поэтому, как только истребитель начал приближаться, он развернулся на 180 градусов и со снижением начал уходить к линии фронта. Первая атака была сорвана, и Никитин начал готовиться ко второй. Заняв выгодное положение, открыл огонь. Однако разведчик продолжал лететь. Тогда сержант перешел на другую сторону и предпринял еще одну атаку. Очередь была длинной, но самолет и на этот раз не загорелся.

«Надо подойти вплотную», — решил Никитин. Так и поступил. Снаряды попали в цель. От хвоста разведчика потянулся длинный шлейф дыма...

Когда командир эскадрильи узнал, что летчик израсходовал весь боекомплект, он сказал:

— Допустим, неприятельский самолет не сбит, а снаряды кончились. Что бы вы предприняли?

Сержант Никитин не находил ответа.

— Надо таранить врага, — напомнил С. Ф. Андреев, — ни в коем случае нельзя упускать его. Поняли?

— Так точно, — ответил Никитин.

Спустя несколько дней на перехват самолета-разведчика поднялись Василий Пятов и его ведомый Николай Кавун.

Пробив облака, как рассказывали позже летчики, они осмотрелись. Чуть выше и правее себя заметили небольшую темную точку, которая быстро превращалась в силуэт вражеского самолета-разведчика.

Пятов и его напарник выполнили маневр в сторону солнца и пошли на сближение с «Дорнье-215». Это был самолет с высоко расположенным крылом, сильно вытянутым фюзеляжем без всяких надстроек и трапециевидным вертикальным оперением. Экипаж, по-видимому, заметил истребителей, потому что начал постепенно прижиматься к облакам.

Пятов отлично знал До-215. Он имел два мотора, мощностью 1100 лошадиных сил каждый. Его максимальная скорость у земли 390 километров в час. Разведчик вооружен шестью пулеметами калибра 7,92 мм; два передних обслуживает стрелок-бомбардир, два бортовых, установленных на шкворнях, и задний верхний на турели — стрелок-радист, огнем нижнего заднего управляет стрелок в положении лежа. Наиболее уязвимые места До-215 — бензобаки в центроплане и моторы, а также кабина экипажа — спереди.

Расстояние между самолетами сокращалось быстро. «Дорнье» нырнул в спасительные облака, но они оказались не столь плотными. Через несколько секунд младший лейтенант Пятов вновь увидел разведчика. Он взял упреждение, вынес перекрестье прицела вперед носа До-215 и нажал на гашетки. Струя огня молнией понеслась навстречу врагу. С борта немецкого самолета полетели ответные снаряды.

Пятов повторил атаку. Ему были видны вспышки на фюзеляже, кабине и плоскостях, однако самолет продолжал лететь. Наконец, почувствовав опасность, гитлеровец попытался развернуться в сторону фронта. На развороте Василий Пятов еще больше приблизился к До-215 и теперь уже отчетливо наблюдал верхнюю турель, из которой раньше вели по нему огонь. Она бездействовала, ствол торчал вверх. Значит, стрелок мертв.

Истребитель подошел почти вплотную, прицелился по кабине и левому мотору, нажал на гашетки, но огня не последовало. Василий немедленно перезарядил оружие и снова перешел в атаку. Однако результат был прежний. А разведчик продолжал полет, прижимаясь к облакам.

Во время разворота Николай Кавун отстал от своего ведущего и, находясь в шестистах метрах от него, не мог оказать действенной помощи. И тогда Василий Пятов решил идти на таран. Другого способа борьбы с фашистским разведчиком у него не оставалось. До боли сжимая ручку управления, младший лейтенант пошел на догон. Еще одно усилие, и его самолет вплотную сблизился с разведчиком, на котором четко видны ненавистные черные кресты.

Идя сзади, Николай Кавун никак не мог понять, что хочет предпринять его ведущий, почему прекратил огонь по гитлеровцу. Спросить об этом командира он не мог, потому что на борту не было радиопередатчика. Вмешиваться же в действия старшего тоже не имел права, хотя боекомплект оставался неизрасходованным.

Тем временем Пятов подошел вплотную к До-215, положил свой самолет в небольшой разворот и правой плоскостью ударил по хвостовому оперению разведчика. «Як» провалился на несколько метров вниз: у него не было конца плоскости. Противник остался без кия и руля поворота, но, к удивлению Кавуна, продолжал лететь строго на юг, где его могли спасти свои истребители или зенитная артиллерия, сосредоточив огонь по «якам».

Убедившись, что машина управляема, Василий Пятов развернул ее в обратную сторону и начал снизу приближаться к разведчику, чтобы повторить таран. Он не мог допустить, чтобы «дорнье» ушел вместе с фотопленкой, на которой засняты наши тыловые объекты.

Подойдя к противнику, отважный летчик взял ручку управления немного на себя и начал винтом рубить ста-

билизатор вместе с рулем глубины. Разведчик резко перешел в пикирование, увлекая за собой и самолет Пятова. Не задумываясь, Василий со всей силой потянул ручку управления на себя, чтобы уйти от падающего До-215.

«Як» трясло. Пятов убрал обороты мотора, и тряска немного уменьшилась. Василий перевел самолет в планирование. Выйдя под облака, он создал небольшой левый крен и по спирали, выполняя виток за витком, стал постепенно терять высоту. Его сопровождал ведомый Кавун.

Беспокоясь о том, не потерял ли командир сознание во время повторного тарана, Николай резко перевел свой самолет в пикирование и в одно мгновение был возле Пятова. Чтобы не проскочить мимо, развернулся так круто, что с концов плоскостей сорвались две белые полосы. Подойдя почти вплотную к машине Василия, увидел его улыбающееся лицо. Значит, все в порядке. Теперь остается посадить поврежденный самолет на подходящую для этого площадку. Кавун взял ручку управления на себя и, взмыв метров на пятьсот выше командира, поставил «як» в вираж, чтобы удобнее наблюдать за полетом Пятова.

Подобрав пятачок для приземления, младший лейтенант вывел машину из спирали и начал планировать. Самолет по-прежнему сильно трясло, но летчик не терял надежды на благополучное приземление. Он полностью убрал обороты винта, уточнил расчет скольжением влево и выпустил щитки. Казалось, «як» вспух и понесся над травянистым покровом. Площадка оказалась не очень ровной, поэтому Пятов все еще не решался выпустить шасси. А когда до земли оставалось не более одного метра, летчик перевел рычаг вниз и выпустил шасси. Самолет встрепенулся. От энергичного удара шасси стали на замки, и на табло загорелись две зеленые лампочки: все в порядке! Пробежав несколько десятков метров по неровной степной площадке, «як» остановился неподалеку от догоравшего До-215.

Николай Кавун снизился до бреющего полета и, увидев машущего рукой командира, взял курс на свой аэродром. Вскоре туда же были доставлены Пятов и его самолет.

Слава о мужественном комсомольце, смелом летчике облетела всю дивизию. Затем в армейской газете был опубликован о нем обширный материал. За образцовое

выполнение задания младший лейтенант Василий Ефремович Пятов удостоен ордена Красного Знамени. Командиры и все однополчане сердечно поздравили сослуживца с блестящим завершением двойного тарана и боевой наградой.

3

Сердца наши сжались от боли, когда мы узнали, что воздушные пираты начали массовые налеты на Сталинград. Две тысячи самолето-вылетов только за один день, кстати говоря воскресный — 23 августа 1942 года. Сколько бессмысленных жертв, сколько слез и страданий принесла эта варварская бомбардировка мирного города на волжском берегу. Правда, летчики и зенитчики сталинградской ПВО сбили 90 крестатых стервятников. А остальные? Опять будут убивать детей и женщин, разрушать жилища, фабрики и заводы, выжигать красоту, оставляя вместо нее мертвые камни?.. Нет, этого нельзя допустить! Надо бить проклятых потомков тевтонцев, как бьет их капитан И. П. Моторный: шестерка его истребителей смело вступила в бой с 65 вражескими самолетами, и 5 из них больше никогда не поднимаются в небо.

«Скорее бы на фронт. Скорее», — только и слышно от летчиков и техников богай-барановского аэродрома.

Не куда-нибудь, а именно под Сталинград, уже объявленный на осадном положении, рвутся ребята. Там началась эвакуация мирного населения и ценностей на восточный берег Волги. Еще вчера и даже сегодня утром в сообщениях Советского информбюро упоминалось, что наши войска вели бои с противником юго-восточнее Клетской, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Прохладного и южнее Краснодара. А вечером 25 августа мы впервые услышали о боях, развернувшихся северо-западнее Сталинграда.

Возвратившись с аэродрома, где уже заканчивали последние полеты перед тем, как отправиться за получением новой техники для полка, мы поужинали и стали готовиться ко сну. Подъем был чуть свет, поэтому легились рано.

Андреев подошел к репродуктору:

— Послушаем?

Со всех нар полетели реплики:

— Что вчера, что сегодня — одно и то же: о нас ни слова...

— Может быть, концерт передают. Включай!

— Давай расшевеливай запасников!

«...части вели активные бои», — вырвалось из черной тарелки репродуктора.

— Тихо! Разгаделись.

«Северо-западнее Сталинграда наши войска вели напряженные бои с крупными силами танков и пехоты противника, переправившимися через левый берег Дона. Обстановка на этом участке осложнилась. Наши бойцы самоотверженно отбивают атаки немцев и наносят противнику огромный урон».

Притихли ребята. Ни реплики, ни шепотка. Многие приподнялись на нарах, застыв в самых разнообразных позах, устремили взгляды к бумажной тарелке, вещавшей человеческим голосом о событиях минувшего дня.

«Н-ская часть, сдерживая наступление неприятеля, уничтожила 17 немецких танков и 450 гитлеровцев. Наши танкисты днем и ночью непрерывно контратакуют немцев. Одно подразделение в течение суток семь раз ходило в контратаку против численно превосходящих сил противника и уничтожило 22 немецких танка, 3 самоходных орудия, 9 противотанковых орудий, 34 автомашины и не менее 600 немецких солдат и офицеров.

Нашей авиацией на подступах к Сталинграду и огнем зенитной артиллерии в течение двух дней уничтожено 92 немецких самолета...»

Диктор продолжал говорить о боях на других фронтах, но ребята его уже не слушали. Каждый думал о Сталинграде, самом близком от нас направлении.

Первым нарушил молчание командир эскадрильи:

— Кажется, пора прощаться с Вольском. И так засились тут. Скоро жарко будет под Сталинградом. Наверное, туда и пошлют. Поскорее бы самолеты получить.

— Наши здорово работают, — вступил в разговор лейтенант Поселянов. — Девяносто два гроба спустили с небес на землю.

— Это почему же девяносто два? — спросил Николай Выдриган.

— По числу самолетов.

— Э, а еще бывший бомбардировщик, — хохотнул сержант. — Ты, наверное, не на «пешках», а на «кукурузниках» летал. Сам подумай, ведь не говорится же, что

сбиты только истребители. Наверняка были и Ю-88 и транспортные Ю-52. Значит, гробов около полутора сот.

Поселянов согласился.

Разговорам не было конца. Люди, побывавшие на фронте, вспоминали минувшие бои, а те, кто еще не видел войны, мечтали о предстоящих схватках. Всем было ясно, что с открытием сталинградского направления перемещение и формирование завершится быстрее.

Предположения наши сбылись. Утром майор Лесков объявил, что в течение двух дней мы должны закончить свои летные дела в запасном полку и отправиться за получением новой техники. А оттуда — под Сталинград.

Летчики были рады: кончились тыловые дни.

211-й истребительный авиационный полк в составе двух эскадрилий направили под Сталинград. Посадку мы произвели на полевом аэродроме, что рядом с совхозом «Сталинградский». Это была открытая площадка, представлявшая собой большое круглое поле, на окраинах которого стояли штурмовики Ил-2 и истребители.

Едва техники успели заправить машины горючим, маслом и сжатым воздухом, к стоянке подошел майор Лесков.

— Андреев! — позвал он командира эскадрильи.

— Слушаю вас, — вытянувшись по команде «Смирно» и приложив руку к шлемофону, отозвался старший лейтенант. Он был небольшого роста и выглядел по сравнению с Лесковым почти подростком.

— Самолеты готовы? Все исправны?

— Так точно.

— Приказано немедленно вылететь всем составом на прикрытие наших войск в районе станции Котлубань. — Лесков показал цель на карте, заложенной в планшет.

Андреев тоже достал карту и начал быстро наносить линию боевого соприкосновения.

— Котлубань наша? — спросил комэск.

— Наша, — уверенно произнес майор и, как бы подтверждая, еще раз провел карандашом по еле заметной линии фронта. — Собирайте летный состав и ставьте задачу на вылет. Будете прикрывать войска до тех пор, пока в воздухе вас сменит вторая эскадрилья.

— Ясно. Разрешите выполнять?

— Действуйте.

Спустя несколько минут мы начали взлетать звеньями прямо со стоянок. Ведь аэродром — это просто очень ровная и твердая целина, взлетать и садиться можно с любого направления, любыми группами одновременно.

Высота три с половиной километра. Несколько минут полета — и под нами передний край. Внизу отчетливо видны траншеи, ходы сообщения. Временами их почти сплошь покрывают черные кусты разрывов мин и снарядов. Там — огненный ад.

Не успели сделать и одного круга, как появилась восьмерка Ме-109. И вот уже в воздухе бешено кружатся две карусели — из наших самолетов и немецких. Мой ведущий — по-прежнему старший лейтенант Андреев. На какую-то долю секунды он успевает поймать в прицел одного из «мессеров». Вражеский самолет как бы напарывается на огненную трассу, вспыхивает и камнем идет к земле.

Неподалеку от меня в багровом облаке разрыва «як» исчезает. Кто-то погиб за землю сталинградскую. Кто? Пока еще не знаю...

Вскоре небо становится пестрым. Волнами идут фашистские бомбардировщики. За ними появляется группа истребителей. С. Ф. Андреев выходит из круга и кидается в атаку. Я неотрывно слеую за ним, обеспечиваю прикрытие и одновременно просматриваю то левую, то правую полусферу.

Карусели смешались. В каждом из горизонтальных и вертикальных кругов теперь и наши и немцы. В воздухе творится черт знает что. Такого мне еще никогда не приходилось видеть. Даже под Москвой, в самые горячие дни.

Еще раз вглядываюсь и замечаю: на нас идет звено «мессеров». Андреев упорно держит курс к бомбардировщикам. Значит, то, что сзади, — на мою долю. Перевожу самолет в резкий разворот и атакую ведущего Ме-109 в лоб. Так учили меня командиры, так подсказывала боевая обстановка. Избегая столкновения, гитлеровец торопится отвернуть и на мгновение подставляет мне свой бок. Гашетки нажаты, и струя металла успевает зацепить врага. «Мессер» загорается и переходит почти в отвесное пикирование. Следить за ним некогда.

Разворачиваюсь снова на сто восемьдесят градусов, что-

бы отбить атаку еще одной пары стервятников. Проскочив на лобовых, невольно входим в вираж: никому не хочется подставлять хвост под огонь. Вираж никакого результата не дает. Я перехожу на полувертикальные фигуры и постепенно достигаю преимущества в высоте. Осматриваюсь. Самолетов, кажется, становится меньше. Одни вспыхивают свечками, другие, даже не успев оставить заметного следа, врезаются в землю, третьи мгновенно разлетаются на мелкие куски, четвертые, словно метеоры, прочертив воздух, исчезают внизу. Однако бой продолжается в сплошной неразберихе.

Выбрав удачный момент, атакую ведущего назойливой пары «мессершмиттов». Тот упорно втягивает меня в вираж. Снова каскад фигур, набор высоты, атака и... опять вираж. Хитер и ловок враг. Да и задача его — связать меня боем, отвлечь от своих бомбардировщиков. Но он, видимо, решил, что выполнил свою задачу (часть бомбардировщиков сбита, остальные, сбросив бомбы куда попало, взяли курс на запад), и пытается заманить меня в сторону своих войск. Тут-то и настигает его пушечная очередь.

Задымив, «мессер» переходит в пикирование. Ведомый спешит за ним. Это у них один из приемов выхода из боя. Знаю, что наши «яки» на пикировании несколько отстают, но все равно пытаюсь догнать, сбить второго врага. И вдруг замечаю — стрелки бензомера подходят к нулю. Делать нечего. Разворачиваюсь в направлении своего аэродрома. Самолетов в воздухе почти нет. Лишь кое-где пары или одиночки спешат в разных направлениях. Бой окончен. Мотор работает уверенно, но стрелки прибора дрожат у самых нулей. Совершенно ясно — до аэродрома не дотянуть. Надо идти вдоль дороги.

На встречном курсе проносится группа краснотелых самолетов. Это вторая авиаэскадрилья торопится нам на смену. Подо мною две живые ленты машин, повозок, людей. Густая движется к переднему краю, а та, что пореже, в тыл. Это одна из артерий фронта.

Тревожно думаю, где приземлиться, чтобы самолет остался невредим. К счастью, вся приволжская степь — естественный аэродром. Выбираю наиболее ровную площадку вдоль обочины дороги и сажусь. Теперь надо сообщить на аэродром, чтобы привезли горючее. Но не прошло и двух часов, как я увидел мчащуюся ко мне знакомую по-

луторку. Опираясь на бочку бензина, в кузове стоит техник Шаповалов. Он что-то кричит, машет рукой. Умница! Золотой человек!

Как я потом узнал, Шаповалов упросил инженера отпустить его в сторону переднего края, потому что он видел с аэродрома, что какой-то самолет шел на вынужденную посадку и скрылся за деревьями. Техник не напрасно беспокоился.

Это был мой первый вылет над огненной Волгой.

За три дня эскадрилья С. Ф. Андреева сбила семь самолетов противника. У нас тоже были потери. Не вернулся с боевого задания командир звена старшина Марченко. Смертью храбрых погибли в неравном воздушном бою два сержанта. Ранен Линенко.

После сильных воздушных боев в полку осталась часть руководящего состава да несколько летчиков. А спустя несколько дней командир дивизии А. В. Утин приказал перевести меня и сержанта Василия Лимаренко в 237-й истребительный авиаполк, которым командовал майор Александр Борисович Исаев. Остальной личный состав нашей части перебазировался на камышинский аэродром.

Старший лейтенант Андреев тоже попросился к майору Исаеву, своему давнему знакомому, но Лесков возражал:

— А я с кем останусь? Нет, не могу, Степан Филиппович.

— Мне кажется, вы без особых затруднений обойдетесь без меня, — настаивал Андреев.

— Без особых? Попробуй найди сейчас командира эскадрильи. Все рвутся в бой. А кто будет вводить новое поколение в строй? У меня и так забрали двух настоящих воздушных бойцов. Ты думаешь, я бы отдал их, если бы не приказ командира дивизии? Ни за что. Давайте-ка готовиться к перебазированию, Степан Филиппович.

Так Андреев и не уговорил командира полка, чтобы тот отпустил его в соседнюю часть. Ходатайство самого майора Исаева перед командиром дивизии А. В. Утиным тоже осталось безрезультатным.

— Ну ничего, — сам себя утешил старший лейтенант, — все равно воевать будем рядом, против общего врага,

НАД ВОЛГОЙ — СПОЛОХИ ВОЙНЫ

*Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.*

Александр Твардовский

1

Прибыв в 237-й истребительный авиационный полк, мы довольно быстро познакомились с новыми боевыми друзьями, прежде всего с командиром эскадрильи старшим лейтенантом Иваном Федоровичем Балюком, сержантами Геннадием Васильевичем Шерстневым, Ильей Михайловичем Чумбаревым, Николаем Ивановичем Крючковым, Александром Ивановичем Денисовым и другими летчиками. Штурманскую службу возглавлял майор Ч. К. Бенделиани, инженерную — военный инженер 3 ранга И. Б. Кобер. Штабом руководил подполковник А. В. Верещагин, а комиссаром полка был батальонный комиссар Е. А. Норец. Среди однополчан многие имели богатый опыт воздушных боев и заслуженные награды.

Разместились мы в одном из отделений совхоза «Сталинградский», но не всегда ходили туда, а коротали ночи вблизи аэродрома, на свежей копне душистой соломы. Вот и сегодня Василий Лимаренко и я не пошли в совхоз: приятнее спать под открытым небом. Да и самолеты наши и КП — на случай тревоги — рядом.

В ночном небе ни облачка. Над прохладной сентябрьской землей зажглись яркие звезды.

— Яш, а Яш, — шепчет Василий Лимаренко, — звезды-то какие!

Я молчу, гляжу на далекие лучистые миры, заполонившие вселенную. Звезды... Они одинаково светят всем и совершенно равнодушны к добру и злу, к храброму и трусу, ко всем и всему, что творится на нашей планете. А человек неравнодушен к ним, звездам. Им безразлично,

живу я или нет, а мне вовсе это не безразлично. У меня страстное желание видеть звезды над собой до самой старости. И очень не хочется, чтобы они померкли на двадцатом году моей жизни. Кроме того, я не могу допустить мысли, чтобы звезды померкли в милых очах дивчины с Днепра, в глазенках того малютки, чья колыбель осталась в отведенной нам крестьянской хате, в мудрых глазах столетнего аксакала, в глазах всех, кто представляет на земле мой народ. А фашисты считают, что звезды должны светить только им. И поэтому я буду драться до последней искорки сознания, сражаться за звезды для себя и для...

— Спишь, что ли, Яша? — спрашивает Лимаренко, перебивая мои мысли.

— Думаю.

— О чем?

— О звездах...

И я рассказываю товарищу о своих думах. На фронте такого не стесняются: может, уже завтра не станет того, кто открывает свое сердце, или того, кто слушает это откровение.

— М-мда, — по-своему реагирует Василий, — немного отдает романтикой, но в принципе верно... А знаешь?.. — Он резко приподымается, шурша соломой. — Может, потому и высший знак отличия у нас — Золотая Звезда? Человек отличился в борьбе за звезды для всех хороших людей — и получает ее на грудь!

Мы умолкаем, захваченные новыми мыслями, вызванными этим неожиданным сопоставлением.

— А помнишь стихи Лермонтова? — возобновляет разговор мой сосед. Ему не спится, как и мне. — И звезда с звездой говорит... — декламирует он. — И музыка на эти стихи есть.

— Помню, Вася, — и тут же добавляю: — А нынче звезды дерутся с уродливыми свастиками...

Из сводок мы знали — враг бросил на Сталинград 4-й воздушный флот и целый ряд авиационных соединений с других театров военных действий. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, фашисты создали здесь огромный перевес в силах. Они вышли к Дону, прорвались к Волге — в район селений Рынок и Ерзовка, отрезав и прижав к реке часть наших наземных войск. Бои идут на ближайших подступах к городу. Особенно неистовству-

ет вражеская авиация. Сотни самолетов в дневное время беспрерывно висят над городом.

Гитлеровское командование пустило в ход новые части «юнкеров», специально подготовленные группы воздушных пиратов, вооруженных модернизированными истребителями Me-109Г и Me-109Ф. Эти крылатые бандиты были неподалеку от фронта и использовались для прикрытия своих войск и бомбардировщиков, для охоты за нашими штурмовиками и сопровождающими их самолетами.

Кто же должен противостоять такой армаде? «Вы,— вспомнились мне слова командующего воздушной армией, прибывшего вместе с командиром дивизии побеседовать с летчиками нашего полка.— Вы, друзья, и такие же советские летчики, как вы. Здесь потребуются все — дерзость, смелость, расчетливость, умение перехитрить врага...»

С тех пор не прошло полмесяца, но мы уже убедились, что для успешной борьбы с вражеской авиацией действительно требуется все — и смелость, и расчетливость, и умение перехитрить опытного и коварного противника. День ото дня воздушные схватки разгорались с нарастающей силой.

«Дайте истребителей!» — просили бомбардировщики. «Дайте истребителей!» — слышался зов штурмовиков. «Дайте истребителей!» — летели тревожные сигналы от наземных войск. И командир нашей 220-й истребительной авиадивизии посылал звенья, эскадрильи и полки в бой.

Александр Васильевич Утин комдивом стал каких-нибудь месяц-полтора назад, но его уже хорошо знали, по-сыновнему любили все летчики и техники соединения. Любили за умение расположить к себе, за простоту обращения, за большое летное искусство, методику внедрения нового в тактику и боевом применении авиации. С людьми он бывал ежедневно. Его можно было видеть в избах, где жили летчики, на самолетных стоянках, где восстанавливались поврежденные в бою машины.

В ночь на 14 сентября 1942 года наш полк получил боевой приказ о том, что завтра нам предстоит прикрывать свои войска в районе прорыва противника и сопровождать штурмовиков. Дело в том, что фашисты вклинились в оборону 62-й и 64-й армий, заняли несколько господствующих высот, обрушили огонь на улицы города и вот-вот овладеют его центром.

На другой день ранним утром командир полка майор

Исаев послал группу истребителей на выполнение боевого задания. Второй вылет предстоял на сопровождение штурмовой дивизии. Полк приказано вести лично ему, командиру.

Майор не любил отсиживаться в штабе или на командном пункте. Летал вместе со всеми. Только за последние дни он сбил пять фашистских самолетов. Командир полка всегда смело и мужественно шел на врага, нередко вступал в поединки против двух-трех «мессершмиттов», зорко следил в небе за своими ведомыми, подавал им пример высокого боевого мастерства и самоотверженности. И молодые воздушные бойцы дрались по-исаевски. С таким вожаком не страшна была схватка даже с численно превосходящим противником.

Исаев радовался каждому успеху своих летчиков и высоко ценил инициативу, бесстрашие и самоотверженность авиаторов других частей. Так, узнав о том, что 14 сентября майор А. М. Степаненко, прикрывая войска 62-й армии, вместе с шестеркой своих ведомых решительно атаковал 30 вражеских бомбардировщиков и 12 истребителей сопровождения, сказал нам:

— Вот это сокол! Лично сбил три самолета. Фашисты так и не прорвались к цели, сбросили бомбы куда попало и повернули обратно.

Мы понимали, что похвалой в адрес соседей командир полка старался еще больше воодушевить нас, разжечь чувство боевого соревнования, чтобы мы били врага беспощадно, помогая наземным войскам, оттесненным в центральную часть города.

Такой же воспитательной линии придерживался и Чичико Кайсарович Бенделиани, энергичный, решительный штурман полка.

Однажды он рассказал нам о подвиге летчика-истребителя нашей армии лейтенанте Кирчанове, который в воздушном бою в районе Сталинграда совершил второй таран, в результате которого уничтожил бомбардировщика противника. А между тем Бенделиани сам был мастером лобовых атак и в тот же день, что и Кирчанов, сбил Ме-109.

После беседы я выбрал свободную минуту, подошел к штурману и попросил рассказать о методе лобовых атак. Правда, я и сам уже имел кое-какой опыт, однако мои лобовые атаки были не похожи на его. Мне не хватало

мастерства. Бенделиани посмотрел на меня улыбающимся взглядом, достал папиросу «Катюша», предложил мне и сам закурил.

— Пойдем, командир звена, погуляем. — И Чичико Кайсарович положил руку на мое плечо.

Шли вдоль окраины аэродрома, где проходила проселочная дорога. Техники и механики готовили самолеты к очередному вылету на сопровождение. Ожидая, когда начнет говорить Бенделиани, я думал о методе ведения лобовых атак. Практика показала, что некоторые летчики не выдерживают таких атак и не принимают их. Многие принимали, но не всегда доводили до конца, отворачивали в сторону, уходили вверх или очень резко вниз.

— Слушай, Яков, — затянувшись дымком, начал майор. — В дальнейшем, когда придется встречаться на лобовых, старайся удерживать свой самолет с небольшим скольжением влево или вправо. Иногда ручкой управления надо создавать незначительные колебания, как бы раскачку машины. Понятно?

Я молча киваю.

— Это не дает противнику возможности вести прицельный огонь на больших дистанциях. Стреляя издали, гитлеровцы пытаются морально на тебя воздействовать, чтобы ты отвернул. Понимаешь? Ну вот. Здесь-то, кацо, и нужна крепкая выдержка, большая сила воли. Ты упорно придерживаешь левой или правой ногой небольшое скольжение и ожидаешь момента, когда противник начнет сворачивать. Главное — не упустить этот случай, бить из пушки и пулеметов по гаду. — Бенделиани швырнул окурок и растер его каблуком.

Штурман подробно рассказывал мне различные варианты лобовых атак, подкрепляя рассказ эпизодами из своей боевой практики.

Я поблагодарил его.

— Полетишь со мной, Яша, посмотришь своими глазами, как все надо делать.

Мы возвращались на командный пункт. Несколько «яков» заходили на посадку. Их охраняли четыре истребителя, только что поднятых с аэродрома. Такая предосторожность нужна для того, чтобы предотвратить внезапность нападения «мессеров».

Возле КП вместе с командиром полка стоял высокий, стройный человек с правильными, привлекательными чер-

тами лица. Это был комдив А. В. Утин. Его черные глаза добродушно лучились.

— Теперь тебе, майор, будет веселей, — сказал полковник, показывая на восьмерку самолетов, заруливающих на стоянку. — Пополнение пришло.

За последнее время полк понес потери, не хватало машин и летчиков. Два вновь прибывших сержанта — И. А. Максименко и П. Е. Оскретков — были направлены к нам, в эскадрилью старшего лейтенанта И. Ф. Балюка. Оба молодые, здоровые, но боевого опыта не имели и, конечно же, ни в какое сравнение с такими бойцами, как Илья Чумбарев, Николай Крючков и Александр Денисов, не шли.

Новички чуть ли не с первого дня стали проситься на боевое задание. Иван Федорович Балюк в ответ только улыбался. Кто-кто, а он отлично знал, что под Сталинградом очень туго приходилось в первых боевых вылетах. Только после нескольких схваток с врагом летчики вживались в обстановку, чувствовали себя увереннее, смелее, были способны видеть не только то, что делается впереди, но и внизу, под самолетом, и за хвостовым оперением, сзади.

Вот почему улыбался Балюк наивной просьбе Оскреткова и Максименко.

— Присмотритесь ко всему, поговорите со «стариками», — посоветовал им комэск.

«Стариками» у нас называли обстрелянных летчиков, выдавших виды воздушных бойцов.

... Мы получили задачу сопровождать группу «ильюшинных» на штурмовку войск и техники противника, сосредоточившихся в Яблонево́й балке для перехода в наступление. Балка не просматривалась с нашей стороны, хотя и находилась не так далеко от линии фронта. Наши артиллеристы, наносившие удары по закрытым целям, не знали результатов стрельбы, и это усложняло выполнение поставленной перед ними задачи.

Прикрытие «ильюшинных» для нас было обычным делом, но для сержанта Максименко, летевшего впервые на выполнение такого боевого задания, оно было далеко не простым. Чтобы не допустить истребителей противника к штурмовикам, идущим на бреющем полете, надо находиться в непосредственной близости от них. На такой низкой высоте, когда видишь, что по тебе бьют из всех

видов оружия, нелегко сохранять спокойствие. Ведь главная забота об «илах», а не о себе.

Сержанта Максименко взяли в ударную группу, которая должна сковывать вражеские истребители. Эту группу возглавил командир нашей эскадрильи И. Ф. Балюк. В группе непосредственного прикрытия — Чичико Бенделиани, Василий Лимаренко, Илья Чумбарев и я.

Погода стояла тихая, почти ясная. Лишь кое-где плавали небольшие клочки облаков и разрывов артиллерийских снарядов. В воздухе пока было спокойно. Изредка попадались группы самолетов, возвращавшихся с боевого задания. Они наносили удар по тем же целям, что предстоит штурмовать и нашим «илам». Так что в заданном районе можно ожидать истребителей противника, наверняка вызванных после первого налета.

Вот и Яблонева балка. «Ильюшины» начали пикирование. В ход пошли бомбы, пушки, пулеметы. Внизу огонь и дым. Среди фашистов суматоха, паника. Горят машины, рвутся боеприпасы. А «ильюшины» снова заходят и бьют, бьют, не обращая внимания на ощерившиеся пасти зенитных батарей.

Вверху показались «мессершмитты». Балюк и его ведомый завязывают бой с парой «сто девятых». Затем появляются еще два «месса». Надо бы ребятам помочь, вдвоем жарковато. Но мы не имеем права бросить штурмовиков. Впрочем, к нам тоже ринулись два Ме-109. Они явно нацеливаются на замыкающий Ил-2.

Развернув самолет почти на 140 градусов, делаю попытку отбить атаку. Немцы не реагируют. Видно, решили достичь цели — сбить «ильюшина». Появляется еще пара вражеских истребителей. Она пикирует на меня. Резко отвернувшись, Илья Чумбарев дает длинную очередь по ней и срывает замысел гитлеровцев. Я продолжаю хитрить. Кто кого? Разворот с набором высоты. Переход в преследование. Сближение с противником. «Мессер» метнулся вправо и вверх. Второй немец атакует Илью, но Чумбарев успел увернуться. В это время Ме-109 распростер крылья с крестами прямо перед моим прицелом. Дистанция метров двести пятьдесят. Нажимаю на гашетку. Длинная очередь из всех точек. Перевернувшись вокруг продольной оси, «мессер» загорелся и рухнул вниз.

А ведущий так бы и ушел, если бы не попал в прицел майора Бенделиани. Кавказец никогда не давал промаха.

Старший лейтенант Балюк и сержант Максименко тоже успешно справились со своей задачей. Небо стало чистым. Мы возвратились домой без потерь.

На стоянке самолетов нас встретил заместитель начальника штаба капитан П. Д. Ганзеев, как всегда пунктуально записавший результаты боевого вылета. С ним был командир соседней эскадрильи Борис Миронович Ривкин. Молодой, стройный, подтянутый, он вызывал уважение с первой же встречи. Несколько позже мне стала известна его фронтовая биография.

Младший лейтенант Борис Ривкин прибыл в наш полк в апреле сорок второго года на должность командира звена. Репутация у него была, как говорят, отнюдь не безупречной, поэтому на первых порах однополчане относились к нему сдержанно. Однако Борис в очень короткое время заставил своих новых друзей переменить мнение о нем. Этому способствовали высокая дисциплина и организованность в звене, грамотная эксплуатация материальной части на земле и в воздухе, прекрасное знание тактики боя с вражескими истребителями и бомбардировщиками. В период боевых действий полка в районе Керчи младший лейтенант Ривкин сбил три самолета противника.

С тех пор Борис, что называется, пошел в гору. Его повысили в звании, а когда полк перешел на трехэскадрильный состав, Ривкина назначили командиром эскадрильи. Чтобы не возвращаться к вопросу о его боевых успехах, скажу, что за время боев под Сталинградом и на Дону Борис Миронович Ривкин одержал над врагом девять блестящих побед в воздухе. Учитывая боевые заслуги авиатора, командование наградило его двумя орденами. Коммунисты тоже оказали ему высокое доверие, приняв кандидатом в члены ВКП(б).

Но вернемся на аэродром, что рядом с совхозом «Сталинградский». Пока капитан Ганзеев разговаривал с командиром нашей эскадрильи, Борис Миронович Ривкин подошел ко мне и спросил:

— Успешно ли слетал, старший сержант?

Я кратко рассказал о боевом задании.

— Это хорошо, товарищ Михайлик, — одобрительно отозвался о наших действиях бывалый летчик. — Так и надо бить фашистскую нечисть. Завтра, говорят, полетим сводной группой на Котлубань и Кузмичи.

Старший лейтенант оказался прав. В очередной вылет были запланированы шесть летчиков из разных эскадрилий. Задача состояла в том, чтобы в районе Котлубань, Кузмичи прикрыть наземные войска от воздействия авиации противника.

Возглавлял группу Балюк. Ведомый у него был я. Второй парой шли Ривкин и Лимаренко, третьей — Ткаченко и Петров. Взлетели одновременно, шестеркой. Буквально через несколько минут мы уже были в заданном районе боевых действий. Ниже нас проплывали небольшие кучевые облака. Они почти не мешали просмотру воздушного пространства. На земле отчетливо были видны разрывы артиллерийских снарядов.

— «Радуга», я — «Сокол-десять». Как слышите? — запросил Балюк наземную радиостанцию.

— «Сокол-десять», слышу вас хорошо. В воздухе все спокойно, — ответили с земли.

— Вас понял.

Балюк развернул группу таким образом, что она чуть-чуть зашла на территорию противника. Чтобы сильно не отстать и сохранить общий боевой порядок, Б. М. Ривкин перешел своей парой на внутреннюю сторону и, набрав метров четыреста высоты, принял готовность встретить врага, если он появится выше нас. Такое расположение группы обеспечивало хороший просмотр воздушного пространства и давало возможность частью сил связать боем немецких истребителей.

— Слева снизу противник, — единым духом выпалил Василий Лимаренко.

— Вижу, — спокойно ответил ему Балюк и приказал Ривкину: — Борис, свяжи боем истребителей.

— Понял.

Четыре ястребка повернули влево и со стороны солнца перешли в атаку на группу бомбардировщиков. Наш ведущий прицельным огнем сбивает одного «хейнкеля». Удар был такой сильный, что мне, шедшему несколько сзади, не пришлось сделать ни одного выстрела, чтобы добить противника.

Выходя из атаки правым боевым разворотом на сторону солнца, мы увидели, как сверху падал горящий Ме-109, сбитый Ривкиным или Лимаренко. Нам же не удалось повторно атаковать самолеты Хе-111, так как на нас навалилась группа «мессершмиттов», прибывшая с не-

большим опозданием на помощь своим бомбардировщикам.

— «Десятый», в хвосте «мессер»! — разворачивая свой самолет для атаки, передал я Балюку.

«Мессершмитт» отвернул в сторону, не выдержал лобовой атаки, а его ведомого пропорола моя пулеметно-пушечная очередь. Он вспыхнул огнем и камнем пошел к земле.

— Отличный удар! — похвалил Балюк и, выскочив впереди и слева от меня, передал по радио: — Атакуем!

Полупереворотом мы опять пошли на стаю бомбардировщиков. Впереди, несколько правее нас, Ткаченко и Петров добивали еще одного «хейнкеля». Остальные самолеты круто развернулись вправо и, беспорядочно сбросив бомбы, ушли на юг.

Выполнив еще несколько кругов в заданном районе, мы собрались было возвращаться на свой аэродром, но в наушниках слышался голос со станции наведения:

— «Сокол-десять», я — «Радуга». Южнее меня на высоте тысяча метров «рама». Как поняли?

— Хорошо, — ответил Балюк. — Истребители прикрытия есть?

— Не вижу, — ответили с земли.

Самолет старшего лейтенанта перешел на снижение. Мы последовали за ним и вскоре в дымовой мгле отчетливо увидели ФВ-198. Четверка Ме-109 была в стороне, она пыталась отвлечь наших истребителей от корректировщика и навязать им воздушный бой. Однако «мессершмитты» были ошеломлены стремительной атакой «ястребков». Один из «мессов» был подбит, и мы бросились на «раму». От прицельного удара Ивана Балюка разведчик загорелся, а после моей атаки недосчитался левой плоскости. Ткаченко и Петров добились «фокке-вульфы» — вогнали его в землю.

Итак, пять — ноль в нашу пользу. Хороший счет. На душе радостно, даже хочется читать стихи:

Сколько раз ты врага увидишь,
Столько раз его и убей!

2

Ужин привезли на самолетную стоянку. После напряженного дня все ели с аппетитом. За ужином вспоминали

подробности минувших боевых заданий. Высоких слов не было: летчики не любили подчеркивать свою исключительность. Пожалуй, больше вспоминали о промахах, чем об удачах. На ошибках учились.

Беседа затянулась, поэтому никто не поехал в деревню. Разместились, как обычно, в скирде соломы, на окраине аэродрома.

Техники и механики, успевшие подготовить машины к завтрашнему дню, лежали или сидели тут же, на соломе. А те, которые не успели залатать пробойны на крыльях и фюзеляжах «яков», вместе с пармовцами хлопотали под брезентовыми навесами. Впрочем, большие объемные работы почти всегда выполнялись сообща. А сегодня, как видно, был небольшой, мелкий ремонт.

Рядом со мной оказался техник звена Алексей Сергеевич Погодин. Полушепотом он разговаривал с механиком Юрием Николаевичем Терентьевым.

— А еще сообщали, — видимо, на какой-то вопрос механика отвечал Погодин, — ихний ефрейтор сдался в плен. Я, говорит, никогда в жизни не забуду один день, когда в роте убило шестьдесят пять человек. Нас подняли на рассвете, погнали вперед и приказали стрелять. Сзади шел обер-лейтенант, забыл его фамилию, кажется Мейлих или Мейних, и подгонял отстающих.

— Чем? — спросил сержант Терентьев.

— Не знаю. Наверное, пистолетом или автоматом грозил. Чем же еще? Ну вот, русские, говорит тот ефрейтор, встретили нас огнем. Офицера убило, а его помощники разбежались. Глядя на начальство, солдаты тоже кто куда. Этот ефрейтор с каким-то дружкой и унтер-офицером забили в траншею. А когда, рассказывает, появились русские, сдались в плен. Я, поясняет, сдался в плен потому, что не верю в победу германской армии, считаю эту войну несправедливой, а потому и безнадежной.

— А если бы надежной, так и не сдался бы? — поинтересовался механик.

— Наверно, не сдался бы, сукин сын, — выругался Погодин.

— Ай, все они такие. Задурманены. Проучить их надо, тогда поймут: не твоя земля — не ходи, не суй носа, дьявол тебя возьми!

Техник рассмеялся. Немного погодя он спросил:

— Дома-то как?

— Как у всех. Работают, терпят лишения, но не ропщут. Только бы скорее, говорят, по зубам дали фашистам, погнали их обратно, на запад. Вот о чем пишут. А ты получаешь письма?

— Да. Мои в Москве. Им тоже нелегко.

С запада слышался гул моторов. Кто-то крикнул:

— Бросьте курить!

Крик потонул в смехе. Это Геннадий Шерстнев, как всегда, веселит ребят.

— Довольно! Пора спать, — сердито буркнул Балюк.

Начало стихать. Когда уже слышалось похрапывание, или «раскрутка», как говорят в авиации, чья-то фигура начала приближаться к стогу. Я пригляделся. По медвежьей походке узнал Василия Лимаренко, который куда-то исчез сразу после ужина. Подойдя вплотную, он тихо спросил:

— Яша, ты спишь?

— Где тебя носит по почам?

— Не шуми. Сейчас расскажу, — и начал устраиваться рядом со мной. — Бродил тут неподалеку. С Соней...

— С какой? Не со «щелчком»? — «Щелчками» у нас называли оружейников.

У нас было две Сони. Одна — оружейница в нашей эскадрилье, другая — писарь старшего инженера полка. Эта вторая Соня была невысокого роста, полная, с кругловатым лицом. У нее всегда веселый, неунывающий вид. Именно с ней и дружил Лимаренко.

— Мы давно встречаемся, — признался он. — Только я тебе не говорил об этом. Понимаешь, сначала я думал, если, мол, война, то людям не до любви. Ерунда это. Ханжество. Любовь остается любовью всегда. Я имею в виду чистое, светлое чувство. И вот теперь, как только выдается свободное время, так и тянет к Соне Качалиной. И она не может без меня. Каждый раз беспокоится, когда я в полете.

— Нас все в полку провожают и встречают.

— Эх, Яша, ничего тебе не понять.

— Ну, смотри, не паделай глупостей. Войне-то и конца не видно.

— Не беспокойся, все будет в порядке. Дружба, она, брат, помогает службе. Спи. — Вася счастливо чмокнул губами и отвернулся.

А почему, собственно, удивляться дружбе Лимаренко

с Соней? Я ведь тоже еще в Белом Колодце познакомился с девушкой. Ее звали Катей.

Катюша... Где она теперь? В Медынь от нее приходили письма. В последнем она писала, что надела красноармейскую форму, служит в БАО — батальоне аэродромного обслуживания. Куда военная судьба забросила тот батальон? Жива ли невысокая белокурая девчушка, так любившая сельские песни, гармошку-певунью?

Я достал из кармана гимнастерки маленькую фотографию. Нет, не видно Катюшиного лица. Ночь скрывает ее светлые волосы, чуть вздернутый носик и милые ямочки на щеках. Зачем ты, темная осенняя ночь, не даешь мне хоть на секунду взглянуть на ту, с кем было столько встреч в дни тревожного предгрозя?

Чтобы хоть как-то приблизить образ Катюши, пытаюсь вспомнить последний вечер перед отправкой в тыл...

Отзвенел песенный вечер в селе. Погасли в избах поздние огоньки. Задумчиво шумят каштаны под бессонной луной. А мы идем, я и Катя, взявшись за руки. Идем к ее дому, притаившемуся за палисадником.

— Мне пора, — шепчет девушка.

— Но ведь завтра я уезжаю.

Смотрю на нее умоляюще.

И Катя не уходит. Мы вновь идем по улице, меж высоких посадок. Нет, мы не объясняемся в любви, хотя о ней произнесли немало теплых, волнующих слов. Именно сегодня.

В прошлые вечера говорили, кажется, о пустяках, о всякой всячине, как будто у нас в запасе уйма времени. А ныне поняли, что скоро час разлуки. Может быть, долго, очень долго не встретимся, и поэтому надо о многом друг другу сказать.

— Ты мне будешь писать? — тревожно спрашивает Катя.

— Да. И очень буду ждать писем от тебя.

Девушка не говорит спасибо. Вместо нее говорит благодарное пожатие руки.

И на новом месте будут волжанки, — произносит Катя. — Они тоже любят... засматриваться на летчиков. Если ты с кем-нибудь из них будешь дружить, твоя украинка не напишет письма.

— Откуда это — дружба и ревность?

Катюша не отвечает. Она смотрит на меня молча. Любовь и ревность — это еще куда ни шло. А дружба и ревность, по-моему, несовместимы. Так ли думает Катя? Наверное, не так, если говорила о волжанках.

— Катенька, как по-твоему, сколько лет могут дружить люди?

— Вечно, пока живы, Яша.

— А любить?

— Я никого еще... Не знаю. Но если... И любить надо вечно. Иначе, какая же это любовь?

Мы подходим к дому, где живу я.

— Ты меня проводишь? — спрашивает Катя.

Зачем спрашивать? Конечно провожу. Мне еще надо попросить у нее фотокарточку и что-то сказать. Наверное, самое главное. А что главное?

Мы идем и молчим, окруженные тишиной. Только деревья шуршат неопавшей поздней листвой.

— Яша, я пойду служить в батальон.

— Зачем?

— Служат же девушки... А потом... с батальоном я скорее тебя найду, когда ты вернешься с Волги.

Значит, Катя боится, что потеряет меня. Значит, любит.

— Милый мой солдат. — Я обнял Катю за плечи. Девушка вскинула руки и дотянулась до моей щеки.

Объятия тоже вечность, как дружба и любовь.

— Пойдем, — отпрянула Катя и, достав из кармана блузки карточку, протянула ее мне: — Возьми. На память.

Робко прокричали, будто боясь нам помешать, ранние петухи. Вот и Катюшин дом. Еще минута, и Катя всплеснула косынкой из-за палисадника. Я гляжу в сторону, где только стояла девушка среднего роста со светлыми волосами, чуть вздернутым носиком и круглыми ямочками на щеках. Скрипнула дверь. Щелкнул засов. А мне не хочется уходить домой, потому что неизвестно, встречусь ли еще когда-нибудь с Катей.

И звезды об этом ничего не говорят...

Враг любой ценой стремится овладеть заводами Сталинграда. В частности, с 4 по 8 октября гитлеровцы про-

должали предпринимать яростные попытки прорвать наш фронт в районе Тракторного завода, расположенного к северу от Мамаева кургана. Однако за минувшие четыре дня они продвинулись всего лишь на 300 метров. Что касается наступления на широком фронте, то о нем не могло быть и речи: фашистам не хватало сил.

Сегодня снова сосредоточенными ударами пехотных частей, поддерживаемых большими группами танков и крупными силами авиации, немецкое командование пыталось овладеть Тракторным заводом. Но героические защитники города, воодушевленные Обращением пленума Сталинградского обкома ВКП(б), который состоялся в начале месяца, упорно боролись за каждую улицу, за каждый дом, за каждый метр земли. Помогая наземным войскам, наш полк почти непрерывно летал. Мы садились на землю только для того, чтобы заправить самолеты. Никто не жаловался на усталость, никто не обращал внимания на небольшие ранения. Можешь летать — лети и бей врага. Бей до тех пор, пока крылья держат тебя в небе.

Так прошло еще четыре дня.

Не имея до сих пор почти никакого успеха, противник вынужден был прекратить попытки прорваться к заводу и решил создать новую группировку. На рассвете 14 октября в районе Тракторного завода немцы начали усиленную авиационную и артиллерийскую подготовку, а затем силами одной пехотной дивизии при поддержке 50 танков перешли в наступление, ворвались на территорию Тракторного завода и вышли к Волге.

Нам, как и прежде, командир поставил задачу сопровождать «ильюшиных». В паре со мной шел Илья Чумбаров. Комэск И. Ф. Балюк летел с Иваном Максименко. Многие наши сослуживцы по дивизии и воздушной армии выполняли такую же задачу, а некоторые экипажи прикрывали общий район боевых действий, чтобы не допустить ударной силы противника — бомбардировщиков.

Самолеты поднимались со всех соседних аэродромов, собирались в боевые порядки и шли широким фронтом на различных высотах. Отрадно на душе, когда видишь такую силу!

Подлетая к заданному району, мы увидели, что авиация противника тоже начала сосредоточиваться. Вначале появились истребители, а затем и бомбардировщики.

В воздухе сплошная кутерьма. Трудно разобрать, где свой, где чужой самолет. На всех высотах, от малых до больших, кружатся истребители, штурмовики, бомбардировщики. Каждый из нас думает об одном: уничтожить противника, а если придется столкнуться — только не со своим. Машины носятся в разных направлениях, группами и одиночками. То здесь, то там падают вниз горящие факелы. Одни долетают до земли, другие взрываются в небе.

«Ильюшины» бьют по войскам и танкам противника так смело, решительно, будто выполняют учебное задание на своем полигоне. Но вот после первого захода «илов» к ним начали подкрадываться фашистские истребители. Они решили использовать излюбленную тактику — атаковать штурмовиков на входе в пикирование и на выходе из него. Однако как они ни пытались в этой неразберихе нанести внезапные удары, их приемы были разгаданы и наскоки отбиты.

Выйдя из атаки и сделав отворот на шестьдесят градусов, один из «мессеров» снова кинулся на замыкающего Ил-2, который выполнял второй заход по танкам противника. Вместе с Чумбаревым я разворачиваюсь влево, чтобы не дать возможности стервятнику атаковать замыкающего.

Переложив самолет почти в полупереворот, даю заградительный огонь с целью сорвать атаку гитлеровца. «Неужели он быстрее, чем я, сблизится с «илом»?» А тем временем лидер штурмовиков, закончив работу, уступает место другим и берет обратный курс. Сейчас вместо нашей группы «илов» придет другая, и снова начнется огненная карусель.

Душа болит от переживания за судьбу товарища, который последним наносит удар по вражеским автомашинам и танкам. Он может стать жертвой «мессершмитта». Каждое мое движение, каждый маневр самолета рассчитан точно. Сектор газа отдан полностью вперед. «Як», набирая скорость, идет со снижением. Вот уже четыреста... двести... семьдесят пять метров. Почувствовав опасность, гитлеровец попытался отвернуть влево чуть ли не перед самым носом моего самолета. «Не уйдешь, сволочь!» — кричу я и почти в упор стреляю из всех огневых точек.

Ни до этого, ни после мне не приходилось видеть такую картину. Вражеский самолет, словно разрезанный

пополам, развалился. Из кабины выпал, убитый при взрыве, выкормыш Геринга.

Возвратившись на свой аэродром, мы заправили машины и тут же вылетели на выполнение нового задания. Потом летали в третий и в четвертый раз. Может быть, впервые за многие дни войны летчики испытывали моральное удовлетворение. Испытывали потому, что командир дивизии полковник А. В. Утин, потирая руки, рассказывал:

— Видел пехотинцев, был у артиллеристов и танкистов. Все довольны нашей работой. Когда, говорят, увидели над собой столько своих самолетов, такие воздушные карусели, радости не было конца. Забыли про опасность, подымались и с возгласами «Ура! За Родину! Вперед!» шли на врага. Спасибо, друзья! — тепло поблагодарил нас комдив. — Отличившиеся представлены к наградам.

...Я иду вдоль стоянки самолетов. Просто так, разминаюсь, отдыхаю, заодно ищу Бенделиани. На случай вылета я назначен к нему ведомым.

Возле одного из самолетов комсорг полка Иван Литвинюк ладил на деревянном щите боевой листок. В нем были подведены итоги последнего вылета, названы фамилии отличившихся летчиков, техников и других специалистов. Внизу крупными буквами надпись: «Сталинград был, остается и будет нашим!»

Авиационный моторист, выдвинутый на комсомольскую работу, оказался старательным, инициативным руководителем молодежи. Многому его научил батальонный комиссар Е. А. Норец. Теперь, в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии», Евдоким Андреевич стал заместителем командира полка по политчасти. Дружно, слаженно они работают — комсорг, парторг и замполит, подхватывают все хорошие дела, добрые начинания и делают их достоянием всех однополчан.

— Яша, — попросил меня Иван Литвинюк, — напиши заметку о лобовых атаках. Понимаешь, это так нужно для молодых летчиков.

— Так об этом Бенделиани уже проводил беседу.

— Я знаю. Но когда сержант делится своим опытом с товарищами, получается убедительнее: такой же парень, как и все, а уже овладел искусством лобовых атак. Напиши, Яков, — не отступал комсорг.

— Ладно, вот еще раз слетаю с Бенделиани, тогда напишу.

Чичико Кайсаровича я нашел под крылом его истребителя. На загорелом лице штурмана, словно отлитом из меди, лучилась приветливая улыбка.

— Заходи, Яков! Угощайся, — майор показал на огромный камышинский арбуз.

Присаживаюсь на траву, по-восточному скрестив ноги. Большим складным ножом штурман сначала разваливает арбуз на две части, потом одну из них рассекает на доли. Брызжет сок. Впиваюсь зубами в сахарную алую мякоть ломтя и от удовольствия жмурю глаза.

— Ну как, хорош?

— Угу! — мычу в ответ.

— Механик принес. Умеет выбирать. Ах, какая красота! — восторгается Бенделиани, протягивая руку за вторым ломтем. — Если бы в жизни не было ничего, кроме арбузов, и то стоило бы жить...

Чичико Кайсарович любил людей, любил их улыбки. А когда человек улыбается, значит, чувствует себя хозяином на земле. Думалось мне, что Бенделиани и фашистов бил с каким-то особым упоением именно ради того, чтобы завоевать для людей право на радостную улыбку.

Расправиться полностью с арбузом не удалось. Это приятное занятие прервал сигнал на вылет. Быстро занимаем свои места в самолетах и поднимаемся в воздух. Противник, как нам сообщили, находится в северном направлении. Значит, идет бомбить железнодорожную станцию. К нам присоединяется пара истребителей из соседнего полка.

Вскоре в стороне заходящего солнца показывается девять черных точек. Минута, вторая полета, и мы уже различаем пятерку бомбардировщиков и четыре «мессершмитта». Одна пара истребителей вырвалась вперед, ближе к нам, другая жметя к «юнкерсам». У нас преимущество в высоте. Начинаем атаку на передних «мессеров», давая возможность второй нашей паре беспрепятственно подойти к немецким бомбардировщикам. Однако фашисты резко сворачивают к своей группе, подставляя нам хвосты. Остается лишь сократить дистанцию, чтобы открыть огонь по противнику. Но вот задняя пара фашистов, пытаясь спасти своих, устремляется на нас в лобовую атаку.

Кажется, Бенделиани только этого и ожидал, чтобы продемонстрировать свой излюбленный прием, с помощью которого сбивал противника почти во всех подобных атаках... Майор спокойно направляет свой истребитель в лоб врагу. В аналогичных случаях гитлеровцы открывают огонь издалека и первыми. Ведущий «мессер» так поступает и на этот раз. Но Бенделиани невозмутимо летит навстречу. Что это? Отчаянная храбрость, безрассудство? Нет. Я знаю, чем берет мой боевой товарищ. Это уверенность в моральном превосходстве над врагом; это необычайная власть над собой: мысли, зрение, слух, мускулы, инстинкты — все подчинено точному расчету, потому что самолеты сближаются со скоростью более трехсот метров в секунду; это высокое мастерство, испытанная тактика, вера в возможности машины. Обманывая врага, Бенделиани ведет машину с легким скольжением вправо и с помощью ручки управления маневрирует по высоте.

Вражеские свинцовые трассы пролетают где-то над кабиной, под фюзеляжем, возле плоскостей. Огненные жгуты будто играют с истребителем. Но вот, как и следовало ожидать, «мессер» резко создает левый крен, и в то же мгновение Бенделиани бьет по нему короткой очередью. Немецкий самолет, дымя, еще продолжает левый разворот, затем вспыхивает, и от него остается в воздухе лишь извилистая полоска дыма.

Майор бросает свой истребитель в атаку на бомбардировщиков, строй которых уже рассыпался под натиском второй нашей пары. Один из «юнкеров» горит. Чичико Кайсаровича пытается атаковать ранее удравшая пара «мессеров», но я разворачиваюсь на них в лобовую, и они сразу же отваливаются в сторону. Под впечатлением эффективной атаки Бенделиани вражеские истребители боятся лобовых.

Майор успешно завершает атаку ведущего «юнкера», а я, идя следом и выше, одной очередью прошиваю левый бок фашистского бомбардировщика. Однако ведущий еще держится, не горит. Развернувшись, Бенделиани снова устремляется к нему. Но второй атаки не понадобилось. Ю-88 проваливается, вспыхивают купола парашютов его экипажа.

А на земле рвутся бомбы. Это уцелевшие «юнкеры» освобождаются от груза за несколько километров от железнодорожной станции. Гитлеровцы спешат уйти на свою

территорию. Мы пытаемся вновь атаковать их, но появляются четыре «мессера». Принимать новый бой нет никакого расчета. Разворачиваемся и уходим домой.

— Вот так командир звена! — говорит мне Чичико Кайсарович уже по пути на командный пункт. — Так их, гадов, и надо бить. Я видел, как шарахнулась от твоей лобовой вторая пара «мессеров». Пусть дрожат от страха при встрече с тобой и впредь!

Я иду и влюбленными глазами смотрю на штурмана полка. Смотрю и думаю: «Не я их напугал, а ты». И все-таки похвала аса приятна.

На КП мы встретились с Литвинюком.

— Ну что, командир звена, сходилась на лобовых? — нетерпеливо спросил он.

Вместо меня, сияя белозубой улыбкой, ответил Бенделиани:

— Ой, Ваню, как «мессы» шарахались от Яши!

— Пиши! — подал мне комсорг боевой листок.

Майор тоже серьезным тоном:

— Пиши, Яков, это надо.

Я сел за боевой листок и написал, только не о себе, а о своем ведущем — майоре Бенделиани.

3

Горит земля сталинградская. Нет на ней ни одного не опаленного, не искореженного металлом клочка. Бьют по ней, укрывающей наши войска, фашисты. Бьют из автоматов и пулеметов, грохают из орудий, сбрасывают бомбы. И мы бьем по земле сталинградской. Бьем потому, что на ней враг. Лютый, жестокий, беспощадный. Горит все на земле — живое и мертвое.

И Волга пылает. Свинцовая октябрьская Волга. Слово факелы, падают в нее подбитые самолеты. Вражеские и наши. Дымящими островками плывут подожженные плоты и баржи. А на берегу полыхают разбитые резервуары нефтехранилища.

Я смотрю на безумную пляску огня и с тревогой думаю о том, что, если этот уничтожающий огонь прыгнет на левый берег и вверх, по течению великой русской реки, остановить его, преградить ему дорогу будет почти невыносимо. Здесь или нигде: дальше отступать некуда.

Так думаю не только я. Весь полк, вся наша дивизия.

Так думают пехотинцы, артиллеристы и танкисты. Так думают приволжские партизаны. Этой думой охвачен весь наш народ. Сталинград — символ несокрушимости силы и духа советских людей. Так должно быть. Так пока и есть. Пока? Нет так оно и будет!

Летая над округой сталинградской, я видел, как идут к городу полки. Идут с востока и севера. По дорогам движутся колонны танков, дивизионы артиллерии. Надрываясь, паровозы тянут железнодорожные составы с оружием и боевой техникой. Машины везут дары народные. Вниз по Волге спешат суда. «Сталинград», «Сталинграду» — мелькают строгие надписи на бортах машин, вагонов и судов...

— О чем думаешь, Яков? — тронул меня за рукав мехового комбинезона подошедший комэск.

Я показал рукой на буйствующий огонь. Иван Федорович понял: сейчас все думают о судьбе города.

— Зови летный состав на командный пункт, — сказал он. — Подведем итоги вылета и дадим разведданные в штаб.

Назначение меня на должность заместителя командира эскадрильи ко многому обязывало. Часто приходилось оставаться за Ивана Федоровича на земле и в воздухе, а также выполнять различные поручения.

Летчики собрались быстро. Собственно, они никуда и не расходятся после очередного вылета. Всегда вместе — на стоянке самолетов или на командном пункте. Балюк подробно рассказал о встрече с противником, о результатах воздушного боя. Бой как бой. Таких каждый день по нескольку. Но Петр Ганзеев, заместитель начальника штаба полка, записывал своим стремительным размашистым почерком все подробности, все детали — от взлета до посадки.

— А теперь поговорим об ошибках, — сказал Балюк, когда замначштаба закончил опрос людей.

Командира эскадрильи прервал телефонный звонок. Старший лейтенант поднял трубку: — Да. Так. Понятно. Есть, товарищ майор!

Шепоток умолк. Летчики посмотрели на Балюка.

— Разбор закончим после вылета. — Командир поднялся из-за стола и потянулся к шлемофону. — Идем на прикрытие наших войск в районе станции Котлубань. По самолетам!

Стоянка рядом. Взревели моторы «яков», и через несколько минут мы уже в воздухе. С нами опять летит неугомонный штурман полка Бенделиани.

Сталинград все еще затянут дымной пеленой. Глядя вниз, я вспомнил свои недавние раздумья. Но здесь в небе мысли только об одном — не допустить бомбардировщиков врага к станции Котлубань и ее округе, где зарылись в землю наши войска.

Просматриваю воздушное пространство. Кажется, все спокойно. Однако спокойствие было обманчивым. Со стороны солнца показались три точки. Мы начали готовиться к встрече с противником. Точки приближаются, растут. И вот уже на фоне светло-голубого неба четко вырисовываются длиннохвостые «мессеры». Вероятно, они замыслили неожиданно атаковать нас со стороны солнца. Но тактика врага разгадана, а это, считай, половина успеха в бою.

Чичико Бенделиани со своим ведомым рванулись ввысь, чуть в сторону. Отличный маневр. Сейчас штурман атакует врага. Так и есть. Приблизившись к «мессерам», он ударил по ведущему и сбил его с первой очереди. «Получай сталинградскую землю!» — ликует во мне все, хотя гитлеровца сбил не я, а мой боевой товарищ.

Чуть левее впереди показались бомбардировщики. Наша группа тотчас же ринулась в атаку на них. Истребителей связал боем Балюк.

Целью для себя выбираю ведущего. Если его сбить, задача бомбардировщиков будет наполовину сорвана. Сделав полупереворот и зайдя слева снизу, иду на сближение. Вижу, кто-то пытается атаковать врага справа сверху. Беру необходимое упреждение. Открываю огонь. Часть трассы чиркнула впереди бомбардировщика, и только несколько снарядов попало по передней части фюзеляжа. Фашист разворачивается влево. Положение для атаки ухудшается. Досадно, но делать нечего — надо повторить заход.

Осмотревшись, я увидел, что хвост моего «яка» осаждают пара Ме-109. Выполняю крутой разворот на сто семьдесят градусов, чтобы принять лобовую атаку, но немцы, как бы опередив мой замысел, уходят в сторону с набором высоты. Струсили, не приняли вызова.

Два соседних «яка», зажав с обеих сторон Хе-111, поджигают его. Самолет пошел книзу, оставляя за собой

длинный шлейф черного дыма. Это ребята из группы прикрытия, но кто именно, разобрать невозможно. Да и неважно, лишь бы наши лупили гитлеровцев.

Бой в самом разгаре. Все носятся на предельных скоростях. Часть «мессершмиттов» повернула вспять. От общего строя отстает и идет на снижение атакующий ранее мною хищник. Надо добить его, довести начатое дело до конца. Перевожу самолет в пикирование и с полным газом начинаю догонять противника. Сзади меня снова увязались два «мессера», но какой-то «як» прикрыл меня, как бы подсказывая: «Давай! Жги его!»

Пора открывать огонь. Немец конвульсивно рванулся, пытаясь уйти от возмездия. Поздно! Свинцовая очередь прошла левый мотор и часть кабины. Но почему самолет не горит? Почему продолжает лететь? Вот уже вражеская территория. Прижимаясь к оврагу, фашист, вероятно, надеется остаться в живых. Нет, этого допустить нельзя. Ни в коем случае нельзя! Выбираю удобный момент и даю еще прицельную очередь почти по самой кабине. Самолет резко кренится, цепляется за землю. Взрыв. Огонь. Дым. Конец воздушному разбойнику!

А что там, за хвостом моего «яка»? Сколько их, преследователей? И кто прикрывает меня? Сделав боевой разворот, я увидел «двадцатьдевятку». Илюша. Илья Чумбаров. Спасибо, друг!

Неприятельских самолетов над станцией и ее округой не было. Пройдя над нашими войсками, мы еще раз убедились, что теперь им никто не угрожает. Можно возвращаться домой.

Половина солнечного шара уже спряталась за дымный горизонт, когда мы на последних каплях горючего пришли на свой аэродром. Красное солнце на закате — предвестник ветреной погоды. Поднятая самолетами пыль еще долго не оседала, колобродила над гудящей от взрывов землей.

Каждый день, как и сегодня, вылетать приходилось по четыре-пять раз. От непрерывного напряжения чувствовалась усталость, но обстановка на земле требовала постоянной поддержки с воздуха. И мы летали, летали. Воздушные бои начинались от взлета и заканчивались заходом на посадку. Такого еще не было никогда.

Почти после каждого полета мы недосчитывались товарищей. Гибли самолеты, гибли люди. Вот и сегодня зам-

полит передал нам скорбную весть: в соседней части смертью храбрых пал в неравном воздушном бою Герой Советского Союза майор Фаткулин.

— Как это случилось, товарищ капитан? — спросил Александр Денисов.

Евдоким Андреевич Норец расстегнул планшет, достал какой-то лист бумаги, но читать его не стал.

— Как случилось? — переспросил он. — Фаткулин вылетел на перехват группы фашистских бомбардировщиков и смело вступил с ними в бой. Атакуя то один, то другой самолет, майор смешал боевой порядок немецких летчиков и вынудил их повернуть от цели. Ценою собственной жизни герой спас сотни защитников Сталинграда на земле.

Тесным кругом обступили мы политработника, ожидая продолжения рассказа о поединке советского летчика с большой группой воздушных гангстеров. Но продолжения не было. Капитан развернул тот самый лист бумаги, что достал из планшета, и сказал:

— Это письмо от жены Фаткулина. Вот что говорится в нем:

«Горе, причиненное мне, очень велико. Сейчас мне не с кем поделиться, ибо мои дочурки еще очень малы, чтобы понять трагедию этой потери. Глубокая рана нанесена врагом нашей семье. Но я знаю, что мой муж сражался отважно и погиб смертью храбрых. Прошу его друзей отомстить гитлеровским извергам за смерть моего мужа».

— Мы тоже друзья майора Фаткулина, — закончив читать письмо, сказал Е. А. Норец, — и мы должны открыть счет мести за героя. Пусть ни одна пулеметная очередь, ни один пулеметный залп не пройдут мимо врага. Смерть немецким оккупантам!

— Смерть! — отозвались мы.

По существу это был полковой митинг, какие нередко проводились у нас во фронтовых условиях.

В эту тяжелую пору Родина ничего не жалела для нас. Отличившихся в воздушных боях награждали орденами и медалями. Помнится, я как-то сразу получил две медали и орден Красного Знамени. Ребята весело шутили: «Михайлик получил полную шапку наград».

Мы понимали, что сейчас решается судьба Сталинграда, судьба дальнейшего исхода войны, поэтому еще тес-

нее спланивались вокруг партии Ленина. Молодые бойцы подавали заявления о приеме их в члены ВЛКСМ, а товарищи годом-двумя старше становились кандидатами и членами партии. «Хочу в бой идти комсомольцем», «Хочу сражаться с немецко-фашистскими захватчиками в одном строю с коммунистами-ленинцами» — такие заявления поступали на имя комсомольских, партийных и политических работников в каждом звене, в каждой эскадрилье, в каждом полку. Люди, становившиеся членами ВКП(б) и ВЛКСМ, как бы обретали удвоенную, утроенную силу и дрались с врагом насмерть.

В ноябре 1942 года я тоже стал членом великой партии большевиков. На собрании я сказал коротко: «Буду бить фашистов до тех пор, пока руки мои держат штурвал боевого самолета, пока глаза мои видят ненавистного врага, пока в груди моей бьется сердце. Буду бить их до тех пор, пока священная земля наша не станет свободной от гитлеровской нечисти, пока братья наши, изнывающие под игом фашизма, не скажут мне: «Спасибо, воин-освободитель!»

Звание члена ВКП(б) стало моим вторым, сильнейшим оружием.

Сразу же после собрания предстояло идти в бой. Меня поздравили друзья, тепло напутствовали старшие товарищи. От их сердечных слов звонким током крови билась каждая жилка, каждая клеточка, мускулы обретали небывалую упругость. «Иду в бой коммунистом», — радостно думал я.

Майор А. Б. Исаев, любимец летчиков, имевший 92 боевых вылета и уничтоживший 10 самолетов противника, в одной из неравных воздушных схваток был ранен. Вот уже более месяца он находился на излечении в госпитале. Заменивший его майор Мордвинов погиб 21 октября при выполнении боевого задания в районе станции Котлубань. Теперь частью командовал майор Мельников Евгений Петрович, назначенный к нам из другой авиационной части.

Ставя нам задачу на вылет, командир уточнил, кто за кем будет взлетать с аэродрома, где место каждого летчика в потоке самолетов.

— Учтите, — предупредил майор, — в сумерках каждому придется действовать самостоятельно. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Мы разошлись по своим машинам. Они уже были готовы к ночному вылету. В наступивших сумерках разведчики доложили, что на аэродроме Котлубань сосредоточилось большое количество самолетов противника. Удар по ним можно нанести только сейчас, ибо ночью или на рассвете они уйдут.

Нанести штурмовой удар по аэродрому в сумеречное время — дело сложное, поэтому командование отобрало наиболее подготовленных, опытных летчиков. Раньше истребители нашего полка, да и не только нашего, не летали ночью. Такие задания выполняла легкобомбардировочная авиация, вооруженная на первый взгляд несовершенной техникой — По-2. Но «кукурузники» отлично справлялись со своим делом. Теперь, видимо, обстоятельства требовали, чтобы летели мы.

Один за другим «яки» поднимаются в воздух. Вскоре село Семеновка, возле которого был наш аэродром, скрылось из вида. Мы взяли курс на Котлубань. Как отыскать этот аэродром в темноте, никто не задумывался, потому что характерный изгиб Волги и сам Сталинград были видны с далекого расстояния. К тому же первым идет сам Мельников, имеющий богатый опыт воздушных боев и штурмовых действий днем и ночью.

За лидером летит Чичико Бенделиани, потом Иван Балюк, я, Степан Ткаченко и Василий Лимаренко. На высоте 2700 метров выходим из окутывающей мглы. Выше — чистое небо, в котором виднеются огненные зарницы. А внизу можно разглядеть кое-что только строго вертикально под собой.

Вот и Сталинград. От него разворачиваемся вправо и идем по времени и курсу. Я думаю о том, что в темноте зенитный огонь может ослепить, если к этому не подготовиться. Готовлюсь. Жду. Внизу взметнулось пламя. Это командир полка поджег самолет на вражеском аэродроме. Почти одновременно, но несколько в стороне, загорелся второй фашистский самолет. Это сработал майор Бенделиани. Пламя осветило другие цели. Теперь они очень хорошо видны.

Подойдя к аэродрому и осмотревшись, я тоже выбрал один из самолетов и перешел в атаку. Выдержав заданную дистанцию, открываю огонь. Мне кажется, что я весь в пламени. На некоторое мгновение почти слепну, и самолет из атаки вывожу ориентировочно, по инерции.

Знаю одно, что лечу вверх с набором высоты. Но вот несколько прояснилось в глазах, и я перевожу «як» в повторное пикирование. Более двух раз не разрешается атаковать, чтобы не мешать другим, не столкнуться с машинами, идущими сзади. Вторая атака дала хороший результат — загорелся еще один самолет.

Взяв курс строго на север, ухажу. Немецкий аэродром в дыму и огне. Славно мы поработали. По пути домой замечаю цепочку огней на дороге. Это фашистская колонна автомашин. Здесь-то уж никто не помешает мне. Выпускаю по ней длинную очередь. Два взрыва. Двух автомашин нет. Теперь на свой аэродром.

Переведя самолет в набор высоты и подвернув вправо, вышел на прежний ориентир — Волгу. Через несколько минут надо выполнять первый разворот и здесь же искать аэродром, на котором должны гореть большой треугольник из соломы и периодически сигнализировать белая ракета. Вскоре я действительно увидел три костра и белую ракету. Костры показывали общее направление и немного освещали землю.

Выпустив шасси и убедившись, что впереди никого нет, я выполнил четвертый разворот и пошел на посадку. Сейчас пригодилось бы радио, но, к сожалению, оно было «не в моде», и многие считали его лишним грузом. Для облегчения самолета и увеличения его скорости снимали не только радиоаппаратуру, но некоторые даже ухитрялись снимать часть вооружения, оставляя только одну пушку. Вот почему при посадке каждый летчик, по существу, был предоставлен самому себе, надеялся на свой опыт и смекалку.

Машину я посадил удачно. У ребят тоже все в порядке. Мы довольны результатами первого ночного вылета.

Надо сказать, что как раз в эти дни — 28 и 29 октября — была осуществлена большая воздушная операция по аэродромной сети противника в районе Сталинграда. Основная роль в ней принадлежала 8-й воздушной армии и авиации дальнего действия. Узнали мы об этом от командира дивизии. В своей беседе с нами полковник А. В. Утин сообщил, что за двое суток для удара по тринадцати гитлеровским аэродромам было совершено более пятисот самолетов-вылетов, уничтожено двадцать гитлеровских самолетов, несколько специальных автомашин, складов горючего, технических зданий.

— Все это вынудило немецко-фашистское командование срочно перебазировать свою авиацию на более отдаленные от Сталинграда аэродромы, что, конечно, в известной мере снизит ее активность. И следовательно, — сделал вывод Александр Васильевич, — наша задача заключается в том, чтобы, используя создавшееся положение, завоевать господство в воздухе, стать подлинными хозяевами сталинградского неба.

Мне и Илье Чумбареву приказали перелететь на аэродром в районе совхоза «Сталинградский», чтобы оттуда сопровождать самолет Ли-2 в тыл.

— Конкретную задачу, — сказал майор Мельников, — получите перед вылетом от пассажиров.

— Как от пассажиров? — удивились мы.

— Очень просто, — серьезно ответил командир полка. — Увидите пассажиров, сами догадаетесь...

На указанном аэродроме (он находился в двух-трех километрах от Семеновки) Ли-2 еще не было, поэтому я приземлился, а Илья Чумбарев остался в воздухе для прикрытия.

Подрулив к финишеру и убрав газ до малых оборотов, я расстегнул привязные ремни и, не снимая парашюта, вылез из кабины. Надо было узнать, скоро ли прилетит пассажирский. Не успел я навести необходимой справки, перебраться с красноармейцем двумя словами, как он тревожно крикнул:

— Смотрите, «як» сам вырывается!

Действительно, мой самолет двигался к стоянке машин. Я бросился к «яку». Подпрыгивая на неровностях, он увеличивал скорость. Догнав его, я в первую очередь ухватился за крыло. Хвостовое колесо — «дутик» — повернулось, и самолет, немного помедлив, как бы раздумав идти на стоянку, начал делать большие круги.

Теперь надо было залезть в кабину, чтобы убавить обороты или вовсе выключить зажигание.

Только взобрался на левую часть центроплана, как струей воздуха меня отбросило назад. Еще одна попытка — результат тот же. Злюсь, ругаюсь: с минуты на минуту должен приземлиться Ли 2, а я тут вожусь со своим строптивым «яком» посреди взлетно-посадочной полосы.

Барахтаюсь: то пытаюсь прыгнуть на плоскость, то кубарем лечу на землю и, спасаясь от слепой силы машины, лихорадочно поднимаюсь. Из-за всей этой акробатики расстегнулся чехол парашюта, выпало полотнище, от струи винта вздулся купол, и меня потащило в сторону. Ну и дела!..

Я, кажется, рассвирепел: вспомнил бога, а заодно и конструктора, хоть он ни в чем не виноват. Наконец сообразил: надо освободиться от лямок парашюта и раздеться. Уж не знаю, что там думал Илюшка Чумбарев, а финишер хохотал до упаду. Может, он и помог бы мне, да боялся подступить к самолету.

Оставшись без парашюта, тигром прыгнул к кабине «яка» — будь что будет. Кажется, удалось. Цепляюсь за борт кабины, напрягаю последние усилия, чтобы подтянуться и влезть. И вот в руке выключатель зажигания. Самолет, сердито фыркнув, останавливается, но мне кажется, что он все еще кружится.

— Растяпа! — проговорил я обессиленно. Кому? Конечно же не «яку»...

Сопровождать пришлось высокое начальство с группой генералов и старших командиров. Полет прошел нормально.

А поздно вечером я рассказал своим товарищам, как бегал за своим самолетом, уговаривая его остановиться. Ребята смеялись до слез, а инженер И. Б. Кобер не преминул напомнить:

— Смех смехом, а покидать кабину, не выключив мотора, нельзя.

Ноябрь принес в приволжские степи зазимье. Давно открывали перелетные птицы. По ночам стало холодать, и мы уже не располагались на отдых в стогах соломы. Все чаще ночевали в Семеновке или в землянках на аэродроме. Утреннее солнце, пробившись из-за облачной хмари, долго не могло растопить седоватый иней на пожухлой траве и редких деревцах. Волга то покроется нетолстым слоем льда чуть ли не до самого стрежня, то шуршит ледоломом, затрудняя движение грузовых и санитарных судов вдоль и поперек.

Довольно унылая, скучная пора. И вдруг в эти серые будни, словно проблески солнца, ворвались два события,

взбудоражившие фронтовиков. На торжественном заседании Моссовета, посвященном 25-й годовщине Октября, с докладом выступил Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. И в тот же день в «Правде» было опубликовано письмо воинов Сталинградского фронта на имя Верховного Главнокомандующего.

— «Мы пишем Вам в разгар великого сражения,— читал собравшимся однополчанам капитан Е. А. Норец,— под гром несмолкаемой канонады, вой самолетов, в зареве пожарищ, на крутом берегу великой русской реки Волги; пишем, чтобы сказать, что дух наш бодр, как никогда, воля тверда, руки наши не устали разить врага. Решение наше — стоять насмерть...»

Слушая текст письма, каждый из нас мысленно повторял его вслед за политработником, как слова присяги.

Закончив чтение, замполит сказал, что, вероятно, в самое ближайшее время надо ожидать больших перемен на фронте и что нам, летчикам, тоже предстоит сделать многое для разгрома врага.

Евдокима Андреевича Нореца однополчане уважали, верили его партийному слову, на откровенность отвечали откровенностью.

— Не опозорим чести защитников Сталинграда!

— Сдержим свое слово!

— Скорее Волга потечет вспять, чем фашисты сломят нас! — слышались взволнованные возгласы авиаторов.

Утром нашему полку приказали перелететь на аэродром Давыдовка (богучарское направление). К вечеру мы уже были на новом месте, а на второй день я и Александр Денисов получили задание произвести воздушную разведку.

Под нами какой-то населенный пункт. На окраине — церковь с зеленым куполом, рядом — нечто вроде длинного сарая или навеса. Ничего примечательного, заслуживающего внимания. Делаем второй, третий заход... В прицерковной рощице вижу очаги огня. Мелькает догадка: наверное, походные кухни. А если так, значит, поблизости должны находиться и те, для кого готовится обед.

Четвертый заход. Ни одной живой души. Сразу же за сараем начинается голая степь. Где же противник? Не может быть, чтобы огни горели, а людей не было. А что, если попробовать заглянуть под навес? Возможно, там

прячется неприятель? Снижаюсь до бреющего полета и прохожу вдоль навеса на высоте двух метров от земли. Вижу шевелящиеся хвосты, испуганные морды... Лошади! Много лошадей. Вероятно, кавалерийское подразделение. Так оно и есть. Вижу одного, второго, третьего офицера, перебегающих из церкви под навес.

Делаем еще заход. Я даю очередь из всех огневых точек по куполу церкви. Саша Денисов тоже стреляет. Ага, расшевелили муравейник! Фашисты высыпают из церкви, будто их ошпарили кипятком. У главной двери образуется свалка. Огонь по ней, огонь по серо-зеленой толпе! Многие конники бросаются к лошадям, садятся на них и сломя голову мчатся в степь. Переносим огонь на них. Не то соломенная, не то камышовая крыша навеса вспыхивает. Пламя охватывает весь навес. Даем по последней очереди и летим дальше, по намеченному маршруту.

При подходе к другому населенному пункту с высоты сто пятьдесят—двести метров обнаруживаем в небольшом лесном массиве фашистские танки. По нас открывают сильный огонь. Да, это не конница. Тут не до смеха. Вырвавшись из зоны обстрела, ложимся на обратный курс.

Задание выполнено. Настроение отличное. Но что за оказия? В просвете между облаками показывается четверка странных самолетов. Точь-в-точь наши И-15. Откуда они могли появиться на фронте, если были сняты с вооружения еще в начале войны? Надо посмотреть поближе, что это за птицы.

Самолеты немецкие. Придется вступать в бой, хотя права на это мы не имеем: в полку от нас ждут разведданные. «Имеем права или не имеем? — задаю себе вопрос. — А разве испытание боевых качеств неизвестного вражеского самолета не разведка? Конечно, надо их пощупать. Пусть не думают, что они здесь хозяева. Какого дьявола разгуливают в воздухе как у себя дома!»

Произвожу маневр с набором высоты. Саша Денисов летит следом. Пользуясь преимуществом в скорости, начинаю заходить в хвост вражеской четверки, продолжающей безмятежно лететь под облаками. Ну и денек выдался! Сплошной юмор. Там — лошади, а тут — музейные экспонаты. Вхожу в облачность, чтобы не обнаружить себя раньше времени. Саша блестяще соблюдает дистанцию, обеспечивая мне атаку.

Вываливаюсь из облака и вижу: самолеты вовсе не похожи ни на И-15, ни на «чайку». Однако это тоже полутораплены. Закамуфлированы в песочный цвет с желтыми пятнами. Дистанция около ста пятидесяти метров. Расстояние мгновенно уменьшается, и я почти в упор вгоняю очередь в ведущего. Тот вспыхивает факелом и камнем падает на окраину Богучар. Остальные кидаются врассыпную. Я даже не успеваю наметить новую жертву. Преследовать некогда. Необходимо срочно возвращаться.

На аэродроме уже было известно, что Як-1 с хвостовым номером «7» сбил самолет противника «Макки-200». Больше этих «макки» я никогда не встречал до самого окончания войны.

Буквально через несколько минут после посадки снова поднимаемся в воздух. На этот раз сопровождаем «ильюшиных». Я и Денисов летим впереди и выше группы штурмовиков. Наша задача — вывести «илы» на обнаруженные нами танки. «Ильюшины», маскируясь складками местности, мелькают внизу. Вот и лесная посадка, за которой прячутся фашистские танки. Переводим самолеты в пикирование и даем несколько пушечных очередей в виде целеуказания. Девятка «илов», идущая правым пеленгом, обрушивается на врага. Загорается несколько машин. После третьего захода гитлеровцы открывают сильный зенитный огонь, но штурмовикам хоть бы что. В воздухе ни одного вражеского самолета, и «ильюшины» всю используют благоприятную обстановку...

На аэродром возвратились в полном составе.

— Хорошая примета, — снимая парашют, сказал улыбающийся Саша, — в первый же день два таких удачных вылета. Значит, повоею на славу!

Денисов мне нравится: молодой, но сообразительный, умелый летчик. Такой не подведет, не бросит в бою, выручит в случае опасности.

— Повоею, Сашок, — ответил я ему.

Но как следует повоевать нам здесь не пришлось. После нескольких вылетов на сопровождение штурмовиков наша задача, по-видимому, была выполнена. Полк с богучарского направления снова передислоцировался под Сталинград.

— А мы-то думали, что не увидим больше Семеновку, — явно обрадованный возвращением на аэродром, на-

ходящийся в непосредственной близости от большого сражения, произнес Денисов.— Ну, что же, повоюем?

— Повуюем, Сашок, — снова повторил я.

4

19 ноября 1942 года с наступлением рассвета послышался гул артиллерийских орудий. Мощный, непрерывный. Казалось, залпам не будет конца. А с восходом солнца стали прослушиваться и бомбардировочные удары, выделявшиеся на общем фоне канонады.

Получив приказ из штаба дивизии, майор Мельников поставил летному составу задачу:

— Вылетаем на прикрытие своих войск. Первую группу поведет штурман полка майор Бенделиани.

Я шел в паре с Иваном Федоровичем Балюком. С комэском летать мне приходилось очень много. Мы оба чувствовали, что любое задание нам под силу, потому что имели достаточно боевого опыта, участвовали не в одной воздушной схватке. С Бенделиани летел Василий Лимаренко, а Иван Максименко — с Павлом Оскретковым. Последние двое были уже тоже достаточно обстрелянными бойцами. Каждый из нас отлично знал друг друга и был уверен, что в любой обстановке не подведет товарища.

Мы поднимались все выше и выше. Это был один из тактических приемов нашего ведущего. Где-то ниже нас остались облака, а сверху простиралось чистое светлоголубое небо. Вот уже 3500 метров. Мы перешли в правый разворот. Дальше нет смысла набирать высоту: там никого нет.

Спустя несколько минут на фоне облаков промелькнули силуэты каких-то самолетов. Заметив их, штурман полка вывел группу из разворота, стал со стороны солнца и перевел свой «як» в пикирование. Бенделиани стремительно шел к облакам, откуда бомбардировщики вот-вот могли нанести удар по нашим войскам, действовавшим на переднем крае.

Несколько в стороне и выше появились три пары Ме-109. Два фашистских истребителя, намереваясь сорвать атаку ведущего нашей группы, ринулись на него. Старший лейтенант Балюк и я отогнали их и вновь последовали за майором Бенделиани.

Сержанты Максименко и Оскретков вступили в бой с замыкающей парой первой шестерки фашистских истребителей, давая нам возможность справиться с основной ударной силой противника — бомбардировщиками, не допустить, чтобы они сбросили смертоносный груз на боевые порядки наших войск.

Обычно немцы бомбометание производили с высоты порядка 1500—2500 метров, с горизонтального полета или с пикирования. Сегодня они несколько изменили свою тактику. До начала использования зенитной артиллерии в противовоздушной обороне они производили массированные налеты, затем начали действовать эшелонированными группами (по три—шесть самолетов) с временным интервалом две—пять минут. Это делалось для того, чтобы держать под большим напряжением части противовоздушного огня и непрерывно наносить удары по нашим войскам.

Подходили к цели, как правило, скрытно, используя облачность или солнце. Бомбы сбрасывали одиночные самолеты или пары из боевых порядков, делая при этом два-три захода. Порой, когда наша зенитная артиллерия оказывала слабое противодействие, они производили холостые заходы, а для морального воздействия на войска включали специальные сирены, издающие звуки падающих бомб.

Вот и сейчас немцы стали в круг, чтобы периодически сбрасывать одну бомбу за другой. С появлением нашей группы навстречу вышли истребители непосредственного прикрытия бомбардировщиков.

Молниеносной атакой Бенделиани и Лимаренко зажгли ведущий «юнкерс». Ему на выручку снизу бросился «мессершмитт». С ним завязал бой Иван Балюк. Мне ничего не оставалось делать, как перейти на противоположную сторону и просмотреть заданную полусферу. Едва успел я проскочить мимо «яка» Балюка, чтобы прикрыть его и обеспечить ему атаку, как мой ведущий выпустил трассу по гитлеровцу.

Меткий глаз у командира эскадрильи! Еще одним врагом меньше.

Из атаки выходим правым боевым разворотом, чтобы помочь майору Бенделиани. Идем на сближение с «юнкерсами». Нас преследуют «мессы». Ничего, друзья не допустят их. В это время передо мной появился «Фокке-

Вульф-189». Этот самолет наши бойцы называют «рамой», Передаю ведущему:

— Атакуй!

Но Балюк явно не успевает, потому что идет чуть впереди. Он разрешает открыть огонь мне. Я был готов к этому.

— Понял. Прикрой хвост. За нами идут два «месса», — сказал я и ударил по «раме».

Правая плоскость корректировщика занялась огнем. Перевернувшись, он пошел к земле. Выскользнув из-под горящего самолета врага, я почувствовал, как вздрогнула кабина моей машины от прямого попадания разрывных снарядов. «Эх, Иван Федорович, — мелькнула досадная мысль, — неужели вместо разворота влево ты круто отвернул вправо и не успел отбить атаку фашиста?» Позже выяснилось, что так оно и случилось. Воспользовавшись ошибкой Балюка, «мессершмитт» пристроился мне в хвост. Балюк уже ничего не успел сделать, даже предупредить меня.

...Все приборы вышли из строя. «Як» сваливается на плоскость. Пробую действовать рулями — раненая машина едва реагирует на них. Собственно, послушен только руль высоты. Это и помогает мне выйти из боя. Хорошо, что комэск не дает врагу добить меня, прикрывает от наседающих «мессов».

Элероны заклинило, и я мог лететь только по прямой, без разворотов вдоль линии фронта. Постепенно начинаю давать правую ногу, чтобы хоть со скольжением развернуться и идти на свою территорию, на свой аэродром. Я рад и этому: без приборов, без руля поворота и элеронов, с перебитым левым тросом, но все равно дойду, спасу машину. На аэродроме механики и техники отремонтируют, подлечат «семерочку».

От напряжения на лбу выступает пот, заволакивает глаза. Вытираю ладонью. Нет, это не пот. Кровь. Значит, ранен. Почему же не ощущаю боли? Стало быть, ранение не очень сильное. Ладно, на земле разберусь.

Через несколько минут начинает греться мотор. Температура воды растет все быстрее, хотя шторки радиатора уже давно полностью открыты. Надо что-то предпринимать, подыскивать площадку. Плавню убираю обороты мотора, чтобы сесть прямо перед собой. Степь ровная, в любом месте можно приземлиться. Но вот впереди, несколь-

ко правее, показался полевой аэродром. Все-таки это намного лучше, чем чистое поле.

Пытаюсь выпустить шасси, но, кажется, перебита воздушная система. «Солдатык» на левой плоскости показался полностью, а на правой нет «солдатыка». Земля приближается. Необходимо принять все меры, чтобы спасти самолет. Срываю шасси с замка красным аварийным рычагом. Но и это не помогает: в аварийной системе не хватило воздуха.

Выход один — посадка на одно колесо. Не обращая внимания на безвольно повисшую правую стойку шасси, как можно ниже подвожу самолет к земле. Медленно гаснет скорость. Вот уже машина несется над выгоревшей травой. Плавное приземление, и «як» бежит ровно по заданному направлению. С потерей скорости он постепенно опускается на правое крыло, разворачивается и, опираясь на правую плоскость, останавливается. Мотор давно уже не работал: я выключил его после уточнения расчета на посадку. Отстегнув привязные ремни, вылезаю из кабины. Осматриваю машину. Кажется, ничего серьезного. Техник звена Алексей Погодин и механик Юрий Терентьев восстановят, они большие умельцы.

К самолету подъехала санитарная машина. Медицинские работники осмотрели меня. Из-под шлема струилась кровь. Мне сделали противостолбнячный укол. Потом остригли и... вытащили из раны небольшой болт с гайкой. Вероятно, он был перебит эрликоновским снарядом с Ме-109 и, рикошетируя, ударил меня по голове.

В Семеновке полковой врач Георгий Исламович Цоцория, невысокий крепыш, заботливый товарищ и друг летчиков, еще раз осмотрел рану, забинтовал голову и, удивленно разведя руками, сказал:

— Не кости, а броня. Фашистская сталь не берет. Ну и ну! Хоть сейчас в полет.

— Можно?! — обрадовался я.

— Я тебе такое «можно» пропишу, что быстро где-нибудь на Урале или в Ташкенте окажешься. Герой...

Я знал, что доктор шутит: о тыловом госпитале не могло быть и речи. Но мне действительно очень хотелось, если не сейчас же, то хотя бы после ремонта самолета, снова идти с друзьями на боевое задание. «А не пойти ли к майору Мельникову? — подумал я. — Может быть, он разрешит лететь? Какой-нибудь да найдется самолет...»

Командир полка, возвратившийся со своей группой с задания, посмотрел на мою повязку и предложил:

— А ну, надень шлемофон.

Шлемофон не налезал на голову.

— Вот видишь, — улыбнулся Евгений Петрович, — не моя вина, что придется тебе отдохнуть денька три-четыре.

Пришлось смириться. Первые два дня, как мог, помогал механику Терентьеву и технику Погодину восстанавливать пострадавший в бою «як». Потом, когда машина была готова, от безделья не знал, куда себя девать. Слушать радио и читать газеты надоело. Общая обстановка характеризовалась тремя-четырьмя фразами: «Наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда и северо-восточнее Туапсе. На других фронтах никаких изменений не произошло». То же было и на следующий день. А детали боев под Сталинградом я и так знал — по собственному опыту, а теперь из рассказов однополчан.

Порадовало сообщение Совинформбюро вечером 21 ноября. В нем было сказано, что наши войска начали наступление с северо-запада и с юга Сталинграда. За три дня враг отброшен на 60—70 километров. Это здорово, черт возьми! Значит, города Калач, Абганерово и станция Кривомузгинская наши! Значит, утром того дня, когда я слышал мощную артиллерийскую канонаду, и началось наступление. Значит, тот день, когда меня ранило, был очень жарким днем не только в воздухе, но и на земле, и я могу считать себя участником прорыва немецко-фашистской обороны.

В заключение передачи говорилось о трофеях и войсках, отличившихся в наступлении.

«Теперь пойдет, — ликовала во мне каждая кровинка, — пойдет!»

Обиды на старшего лейтенанта Балюка как не бывало. Сначала подумалось нехорошее. Неужели Иван Федорович трусил? Неужели, спасаясь от преследующего «мессера», бросил меня, оставил незащищенным хвост моей машины? Побоялся сам быть убитым? А как же чувство войскового товарищества? А как же закон боевого братства? Наплевал? Забыл?.. Потом эти страшные обвинения уступили место трезвым, реальным рассуждениям, основанным на многократно проверенных фактах. Каким ты, Яков, знаешь Ивана Федоровича Балюка? Чудесным парнем, смелым воздушным бойцом, талантливым команди-

ром. Благодаря личной храбрости в боях, высокому летно-тактическому искусству вырос от рядового командира экипажа до руководителя эскадрильи. Лично и в групповых воздушных схватках уничтожил более десятка вражеских самолетов. Как же ты мог подумать плохо об этом человеке? Слава о нем гремит по всей дивизии. Не тебе ли вместе с ним приходилось летать в пекло, и он, рискуя собственной жизнью, прикрывал тебя от вражеского огня? Да, так было. Было и так, что во всей дивизии оставалось всего шесть самолетов, и полковник Утин тебе и Ивану Балюку говорил: «На вас, ребята, последняя надежда...» Говорил со слезами на глазах, потому что, если бы мы не оправдали этой надежды, не было бы утинской дивизии.

Нет, комэск просто не рассчитал одного движения. А в таком сумасшедшем бою, какой был 19 ноября, небо кишело самолетами. Тогда в одно мгновение выпускались сотни огненных трасс, тысячи снарядов и пуль. За что же осуждать Балюка? Он чувствовал, что виноват передо мной, и был чрезвычайно удручен своим промахом, переживал не меньше меня. Прости, Иван Федорович, что плохо подумал о тебе. Ты и сейчас, когда я слоняюсь по стоянке без дела, бьешь гитлеровцев, отстреливаешься от кого-то и кого-то из своих защищаешь...

— Не ложится, товарищ командир? — спросил меня механик Юрий Терентьев.

— Что-то наших долго нет. Давно ушли на задание. Пора бы возвращаться, — уклончиво ответил я ему.

Терентьев понял. Он и сам, как все техники и механики, волновался. Самолеты должны уже вернуться, а их все не было.

Обойдя несколько раз вокруг землянок, командного пункта и стоянки машин, я невольно побрел на старт. Там, на снежном поле с воткнутыми небольшими ветками по обочине, виднелась взлетно-посадочная полоса. Возле полотнищ, изображающих букву «Т», кто-то стоял. Это оказался полненький, еще совсем молодой, румянощекий лейтенант в белом полушубке. Возле его ног лежала небольшая сумка защитного цвета с красным крестом на боку. Я и раньше видел этого лейтенанта, он всегда стоял здесь, около посадочного знака.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант, — поздоровался я.

Паренек четко вскинул руку к шапке и, мило улыбувшись, ответил на приветствие. Это была девушка, Маша. Спустя несколько минут к нам подошел командир полка.

Подозрительно посмотрев на меня, Мельников спросил, что я тут делаю.

— Ребят ожидаю, товарищ майор.

— Ну, если ребят,— засмеялся Евгений Петрович,— то еще куда ни шло... А ты, Машенька, не озябла? — спросил он.

— Нет, товарищ командир.

Почувствовав, что я тут третий лишний, поплелся на стоянку. «Любви все звания покорны...» Но иронизировал я напрасно. Евгений Петрович и Маша были просто друзьями. Хорошими друзьями.

Вылет, как мне стало известно, был удачным. Выполнив задание, летчики собрались было уходить домой, но в это время над нашими наземными войсками появились шесть вражеских бомбардировщиков под прикрытием истребителей. И снова завязался горячий воздушный бой. Наши сбили двух «юнкеров» и одного «мессера». Потерь у нас не было, но Илья Чумбарев возвратился с пробинами в правой плоскости. Ребята рассказали, что очень хорошо поработали соседи. Особенно отличились летчики Моторный, Макаров, Семенюк, Дубенок.

Настроение у всех приподнятое. Однополчане собрались возле автомашины, где обсуждался минувший вылет. Заместитель начальника штаба уточнял некоторые детали воздушного боя и подходил с тетрадкой то к одному летчику, то к другому. Ему охотно отвечали. Илья Чумбарев доказывал Геннадию Шерстневу, летчику из соседней эскадрильи, как было бы лучше атаковать неприятеля.

— Кончай разговоры! Поехали в столовую,— объявил Ганзеев.

Все засуетились и, толкая друг друга, полезли в кузов машины.

— Трогай!

— Яша, заводи любимую,— попросил меня Василий Лимаренко.

По-за лугом зелененьким,
По-за лугом зелененьким
Брала вдова лен дрибненький...

Ребята дружно подхватили. Над вечерней округой полетела мирная украинская песня. Теперь на Украине таких песен не поют. Занята Родина моя проклятым врагом...

За столом Иван Балюк и я сидели рядом: Слева и справа от нас — другие летчики. Перед каждым небогатый ужин — солонина с гречкой. С подвозом продуктов питания сейчас туговато, и нам нередко приходится вместо летной нормы есть что придется. Однако никто не роптал: в наземных войсках потруднее.

Подали чай в жестяных кружках. Размешивая сахар, командир эскадрильи участливо спросил меня:

— От Кати писем нет?

Я покачал головой. Нет. Затерялась где-то Катюша на дорогах войны. Когда-то мы обменялись с ней адресами родителей. Но и ее, и мои родные все еще были в оккупации. Отец и мать Балюка жили в Конотопе. Значит, и они пока под немцем.

— Ничего, Яков, все обойдется. Не грусти.

На другом конце стола Илья Чумбарев, постукивая пальцами по краю алюминиевой тарелки, вполголоса напевал:

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

— Пойдемте-ка спать, друзья, — сказал комэск. — Завтра с утра перелетаем на новый аэродром.

— Куда?

— Опять в Давыдовку. Только бы не подвела погода, — поднимаясь из-за стола, проговорил Балюк.

Его опасения подтвердились. Сразу же после передислоцирования над взлетно-посадочной полосой и всей давыдовской округой повис густой туман. Пользуясь этим, командование устроило встречу однополчан с делегацией рабочих от авиазавода из соседнего города. Много теплых, душевных слов сказали мы творцам отечественной авиационной техники. Незадолго до этого Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о награждении опытных конструкторских бюро А. С. Яковлева и С. В. Ильюшина орденом Ленина и о награждении работников этих бюро орденами и медалями. Нам приятно было передать

самые искренние поздравления создателям замечательных истребителей и штурмовиков, равных которым нет ни в Германии, ни в других воюющих против нас странах.

Майор Е. П. Мельников рассказал о том, как летчики полка воюют на крылатых машинах, созданных руками наших гостей. Командир назвал имена Бенделиани, Кобылецкого, Балюка и других мастеров воздушного боя. Лестно отозвался Евгений Петрович о техническом составе, чьими заботами самолетный парк нашей части постоянно поддерживался в боевой готовности. Среди отличных специалистов были названы также сержант Терентьев, младший техник-лейтенант Погодин, техник-лейтенант Дрыга.

С кратким сообщением о завершении оборонительного периода Сталинградской битвы и результатах контрнаступления наших войск, начавшегося 19 ноября, выступил заместитель командира полка по политчасти капитан Е. А. Норец.

— Наши доблестные войска при огромной поддержке тружеников тыла, — сказал он, — остановили наступление шестой и четвертой танковой немецких, восьмой итальянской и третьей румынской армий. Таким образом, сорван стратегический план Гитлера и его приспешников по захвату Сталинграда и прорыву в Закавказье, к богатейшим источникам советской нефти. Теперь мы ведем успешное контрнаступление, и недалеко то время, когда немецко-фашистские войска будут окружены и разбиты.

Заключительные слова замполита были встречены аплодисментами. Кто-то из гостей громко произнес: «Все для фронта!» Потом все собравшиеся хором: «Все для победы!»

КРЫЛЬЯ КРЕПНУТ В БОРЬБЕ

*Мы бились от заката
до заката,
И были мы такими в том бою,
Каких вы не видели на плакатах
И не встречали в праздничном
строю.*

Александр Елькин

1

Командир полка уехал в штаб дивизии, оставив за себя начальника штаба Антона Васильевича Верещагина. Перед постановкой боевой задачи на день подполковник Верещагин кратко объяснил летчикам сложившуюся обстановку.

— Вы знаете, — сказал он, — что войска Донского и правого крыла Сталинградского фронтов с 4 декабря развернули наступление против немецко-фашистских частей и соединений, окруженных под Сталинградом. Но ввиду неблагоприятного соотношения сил активные действия прекращены. Вероятно, высшее командование решило более тщательно подготовить операцию, усилить резервы, подтянуть тылы и наладить материально-техническое обеспечение войск.

Кто-то сожалеюще вздохнул. А. В. Верещагин на несколько секунд умолк, будто собираясь с мыслями, затем продолжил:

— Это не значит, однако, что бои утихли повсеместно, во всем междуречье — от Дона до Волги. Нет. Борьба идет. Напряженная борьба. Вы сегодня убедитесь в этом, пролетая над полем боя. А теперь выслушайте задачу на день. — И подполковник с присущей ему четкостью и деловитостью перечислил задания каждой эскадрилье.

Старшему лейтенанту И. Ф. Балюку и мне было приказано вылететь на воздушную разведку, отыскать и отметить на карте скопления неприятельских войск. Посылали именно нас потому, что мы уже имели некоторый опыт разведки, могли заметить малейшие изменения в наземной обстановке.

...Высота тысяча триста метров. Кое-где еще стоит туман, попадают пленки облачности, но в основном земля открыта. Линию фронта определить трудно: пространство, насколько хватает глаз, почти сплошь в разрывах снарядов. Внизу идет гигантская артиллерийская дуэль. Да, прав был начальник штаба полка: борьба идет напряженная.

В нас никто не стреляет. Видимо, враг не ожидал появления советских самолетов в такую рань.

Тщательно просматриваем дороги во всех направлениях, балки, складки местности. Подходим к знаменитому аэродрому Большая Рассошка. Здесь сосредоточено немало транспортных самолетов, доставляющих из тыла горючее для танков. Мне приходит в голову мысль проверить, как у немцев организовано несение боевого дежурства и отличается ли оно чем-нибудь от нашего. Ведь с боевыми дежурствами связана добрая половина деятельности летчика-истребителя. А я к фашистским истребителям имел особый счет...

Никогда не забыть мне гибели Виктора Ефтьеева под Москвой. Он не имел возможности помериться с врагом силой, умением, мастерством пилотирования в равных условиях. Фашист бил тогда по сути дела лежащего. Что ж, око за око, зуб за зуб, смерть за смерть!

На окраине аэродрома поднялся вихрь снежной пыли. Это, видимо, запустил мотор дежурный истребитель. Даю знак ведущему: прикрой, мол, в случае чего. Разворачиваюсь в сторону снежного вихря. Так и есть: два Ме-109. Один уже вырывается, пилот второго, впопыхах паверное, никак не может запустить мотор. Внутри у меня все задрожало от ненависти. Атаковать? Но ведь наша задача — разведка. Отвлекаться нельзя. С другой стороны, фашистские самолеты хотят подняться именно для того, чтобы вступить с нами в бой. Так или иначе, от схватки не уйти, придется отвлекаться от разведки. Да и вовсе не известно, чем она кончится, когда «мессерам» будет представлена полная свобода маневра. Если уж бить, так только на взлете. Бить, как били они по Ефтьееву и по мне.

Пока я мысленно рассуждал, мой «як» настолько сблизился с идущим на взлет Ме-109, что пришлось почти пикировать для захвата вражеской машины в прицел. Проверяю еще раз — все ли готово к открытию огня. Даю ручку управления чуть от себя. «Месс» отрывается от

земли и начинает переходить в угол набора. Жму на газетки. Свинцовая очередь врзается в кабину врага и прошивает вдоль весь фюзеляж. «Мессершмитт» дергается, будто в судороге, и идет вниз.

Вывожу «як» из пикирования. На земле пылает огромный костер, выбрасывающий клубы черного дыма. Закончив разворот, я не стал искать своего ведущего, ибо уверен в нем, как в себе. И хотя вокруг густо рвутся зенитные снаряды, немедленно атакую второго «мессера», идущего на взлет. Снежный смерч поднимается к небу. Но это не мешает видеть вражескую машину. Она рассекает снежное поле, словно глиссер речную гладь. Дистанция сокращается с каждой секундой: пикирую на полном газу. Даю короткую очередь — и вверх. Фашистский самолет, ковыляя, выкатывается за пределы аэродрома, разворачивается влево и становится на нос. Капут, фриц? Капут!

Балюк, спокойно барражировавший неподалеку, дает знать, что пора уходить. Я оглядываюсь на клубы дыма позади, на стоящий торчком «мессер». Очень хочется вернуться, зайти вдоль стоянки и изрешетить, исковеркать все, что там осталось, погонять по открытому полю гитлеровцев, как гоняли меня прошлой зимой. Но впереди более важное дело — разведка.

Передо мной всплывает образ погибшего друга. У него задумчивое лицо, такое, каким оно было, когда мы пели «Землянку». Если бы Виктор Ефтеев мог видеть вот эту расправу над врагом на его собственном аэродроме! Этих минут я ждал долго, почти целый год. И все-таки дождался. Я отомстил за тебя, Витя!

Продолжая полет по заданному маршруту, мы обнаружили танки противника, сосредоточенные в одной из ложин. Фашисты подтягивали их для нанесения удара по нашим войскам. Но этим танкам не пришлось даже приблизиться к фронту. Сразу после нашего возвращения на аэродром к ложине было послано несколько групп «ильюшиных». Они устроили там такое, что немцы растаскивали искалеченные и обгоревшие машины целую неделю.

Сразу же после вылета мы собрались неподалеку от командного пункта. Штурман полка подошел последним. Он сел на охапку соломы, положил планшет на колени и внимательно посмотрел на всех своими горячими кавказ-

скими глазами. Бенделиани был явно чем-то недоволен. Иван Федорович Балюк присел рядом с ним на корточки.

— Чего хмуришься? Слава богу, сегодня все целы. И впредь, назло фашистам, останемся живыми и здоровыми.

— А ты знаешь, что говорят о действиях наших истребителей?

— Кто? — насторожился Балюк.

— Большое начальство. Оно сказала, что мы не соколы, а детский сад...

Ребята засмеялись.

— А еще что сказала начальство? — спросил Саша Денисов.

Майор оставался серьезным.

— Слушай, что оно сказала еще. В бою мы ведем себя как птенцы, уцепившись друг за друга... Видели вы когда-нибудь на прогулке малышей из детского сада? Первый держится за руку воспитательницы, второй — за пальтишко первого, третий — за пальтишко второго и так далее... Так выглядим в воздухе и мы.

— Ну, это ты брось, — отмахнулся Балюк, — о старом вспоминать.

— Не может быть! — густым басом произнес Василий Лимаренко, поворачиваясь к штурману всем своим могучим телом.

— Неужели так и сказали? — удивился Илья Чумбарев.

Чичико Кайсарович несколько сбавил тон:

— Не совсем, конечно, так. Но отзывались, в общем, нелестно. Сами знаете, что было время, когда воевали мы пассивно, больше придерживались оборонительной тактики, позволяли фашистам навязывать нам условия боя...

Да, так было когда-то. Увидишь противника, сразу становишься в круг, боишься оторваться друг от друга. А «мессерам» полное раздолье. Они свободно маневрируют, выбирают более выгодные позиции для атаки. Надо было рвать этот заколдованный круг, потому что после каждого вылета недосчитывались кого-либо из однополчан. И я, и другие летчики горестно думали тогда: «Вроде и не хозяева в своем небе... Истребители, а обороняемся».

Не кто иной, как Бенделиани, говорил нам:

— Надо с этим кончать! Больше преимущества паре. Пара — вот самостоятельная боевая единица!

Сейчас, когда мы уже научились бить фашистских стервятников, штурман напоминал молодым летчикам, что несколько пар, идущих широким фронтом, контролируют большее воздушное пространство, чем группа. Одновременная атака всей группой хороша, конечно, в момент, когда надо расчленил плотный строй бомбардировщиков. Это снижает эффективность вражеского огня и оказывает определенное моральное воздействие на противника. А в бою с мелкими группами и одиночками хороша только пара. Надо шире использовать радиосвязь. В район боя над нашей территорией необходимо посылать авиационного представителя. Он с земли по радио может давать информацию о воздушной обстановке, наводить своих истребителей на самолеты противника, вызывать подкрепление.

— Ну-ка, Яш, — попросил меня майор, — расскажи ребятам, как ты выезжал в наземные войска.

После моего рассказа снова стал говорить штурман. Слова Чичико Кайсаровича будоражили воображение, приоткрывали еще неведомые нам, молодым, новые горизонты, будили в каждом мощное ощущение собственной крылатости, о которой в бою порой забываешь.

В разгар беседы прибежал связной командира полка. Несколько летчиков, в том числе и меня, вызывали на командный пункт.

...И вот наша четверка в воздухе. В группе одни сержанты. Возглавить ее поручено мне. Задача не новая — прикрыть участок фронта и уничтожить вражеский самолет, корректирующий артиллерийский огонь. Ведущий первой пары — я, второй — Иван Максименко.

При подходе к намеченному району нас встречают четыре Ме-109. Они пытаются навязать нам воздушный бой. Что ж, принимаем! Но только мы начали атаку, как «мессеры» почему-то ушли. Неужели трусят? Пожалуй, нет. Они стремятся увлечь нас в сторону от заданного маршрута.

Под облаками над нашей территорией кружит «рама» — «Фокке-Вульф-189». Видимо, он уже корректирует артиллерийский огонь. Не многим летчикам удавалось сбивать «рамы». Увертлив этот самолет до необычайности: два фюзеляжа со сквозным хвостовым оперением и два мотора позволяли ему выразить, что называется, на одном колесе.

С ходу, не обращая внимания на вражеские истребители прикрытия, идем в атаку. Корректировщик немедленно входит в крутой вираж. Никак не удастся «вцепиться» ему в хвост. Еще атака. «Фокке-вульф» появляется в моем прицеле буквально на секунду. Нажимаю кнопку ведения огня из пушки. Очередь успевает задеть хвостовое оперение корректировщика, и он скрывается в облаках. А на нас насаждают «мессы». Они показываются то сверху, то слева, то справа и увертываются от наших атак.

Неожиданно в стороне появилась другая «рама» под прикрытием группы истребителей. Там уже завязалась схватка. Начальник связи полка капитан Бархатов Иван Кондратьевич навел на противника пару истребителей во главе с Ильей Чумбаревым, поднятую из засады в районе деревни Давыдовка.

Как по уговору, наша четверка взяла курс на новую группу самолетов противника. Иван Максименко со своим ведомым устремляется в атаку на «фокке-вульфа», я иду на ведущего «мессершмитта» в лоб, по-бенделиановски. Сближаемся. Фашист не сворачивает. Открываю огонь. Противник ныряет вниз, разматывая за собой длинную пряжу дыма. Подбит? Оглядываюсь. Мой ведомый почти в упор расстреливает поврежденный мною истребитель, а в хвост моего «яка» пристраивается другой Me-109.

Каскадом полувертикальных фигур ухожу от него и спешу на выручку сержанту Чумбареву, который после неудачной атаки ФВ-189 был взят в клещи двумя «мессерами». Вторая пара напала на его ведомого. Едва я успел подойти к Илье, как он блестящим маневром вырвался из клещей и снова атаковал «фокке-вульфа». Я и мой напарник отогнали от его ведомого двух «мессов».

Каковы же результаты чумбаревской атаки? Мы увидели, что от его «яка» тянется огненная трасса, которая прошла фюзеляж разведчика. Ответный огонь с борта «фокке-вульфа» прекратился. Противник перестал маневрировать, ему не до этого. Теперь он пытается уйти по прямой. Но Чумбарев буквально висит у него на хвосте. Уже можно расстреливать врага в упор. Вот-вот вырвется смертоносная трасса, и ФВ-189 будет уничтожен.

Но что же сержант медлит? Секунда, вторая... А трассы нет. И тут мы догадались, что ящики боеприпасов на его самолете пусты. Видимо, почувствовали это и немцы.

Не случайно справа на самолет Ильи ринулись два «мессера». Ну нет, сволочи, здесь вам не поживиться! Иду им наперерез, параллельно курсу Чумбарева, а мой ведомый разворачивается и устремляется ведущему фашисту в лоб. Молодец дружище, хорошо усвоил тактику!

А тем временем сержант Чумбарев прибавил скорость, и от винта его самолета до хвостового оперения «фокке-вульфа» оставалось не более пяти метров. Что задумал Чумбарев? Неужели таран? В нашем полку еще никто не применял такого приема борьбы с врагом. Невольно подумалось: «Что будет с Илюшей?»

Чумбаревский «як» вплотную подходит к фашистскому самолету и резко взмывает вверх. Брызгами полетели обломки. «Фокке-вульф» будто дали хорошего пинка. Он клюет носом и беспорядочно падает. Видно, как экипаж выбрасывается с парашютами. А Илья Чумбарев выходит из горки правым разворотом со снижением и начинает планировать.

Ошеломленные неожиданным поворотом дела, гитлеровцы растерялись. Но вот один из них рискнул атаковать нашего смельчака. Он что, с ума сошел? Да в этот момент мы не дали бы в обиду безоружного товарища даже целой армаде «мессеров». Встретив мощный огонь, немец трусливо свернул с курса и поспешил убраться восвояси. Исчезли и остальные вражеские самолеты. Видимо, у них кончалось горючее.

«Як» сержанта Чумбарева выпускает шасси и благополучно приземляется. Благо приволжская степь — сплошной естественный аэродром. Илья вылезает из самолета и весело машет нам рукой: все в порядке! Делаем над ним почетный круг и спешим на свой аэродром. Горючего-то у нас тоже не навек запасено...

Когда Илью Чумбарева и его самолет привезли на свой аэродром, там уже был командир дивизии полковник А. В. Утин. Комдив обнял отважного летчика, поздравил с блестящей победой и сказал командиру полка:

— Евгений Петрович, представляй сержанта к награде и очередному званию.

Затем Утин осмотрел машину Чумбарева и, не скрывая удовлетворения, произнес:

— Какое удивительное хладнокровие, расчетливость и мастерство! На «яковлеве» стоит лишь сменить винт, и самолет опять готов к бою. Молодец, Чумбарев!

Как потом выяснилось, сбитый Ильей «Фокке-Вульф-189» выполнял функцию разведчика. Он возвращался с нашей территории после выполнения задания. Вскоре за уничтожение воздушного лазутчика Чумбарев был награжден орденом Красного Знамени. Почти одновременно с этим ему присвоили внеочередное звание лейтенанта.

2

Несколько дней по приволжским степям бесновался снежный буран. Седые гривы то катились низом, сшибаясь друг с другом и яростно хлеща ледяной крупой по чему попало, то со свистом вздымались вверх и кружились там, пока не стихала слепая ярость ветра. Снежные смерчи с налета били в окна и двери землянок, срывали чехлы с самолетов, догола вылизывали взлетно-посадочную полосу.

Потом буран неожиданно утих и ударил мороз. Заиндевели и стали похожи на причудливые ледяные пленки оконные стекла. Падали на лету птицы. Выйдешь на улицу — дух захватывает, белеют щеки и уши. Дотронешься рукой до железа — притягивает, как магнитом.

А сегодня туман. Он окутал все. На расстоянии трех-четырех метров ничего не видно. В такую погоду не то что лететь — по земле ехать опасно. Пока не рассеется сплошная белесая пелена, можно отдыхать.

Народу в землянку набилось до отказа. Ребята читали книги и газеты, писали письма, балагурили. Василий Лимаренко и я присели на нарах. Вскоре к нам подошли Геннадий Шерстнев, Иван Максименко и Павел Оскретков. Спустя несколько минут в землянку с шумом вбежали девчата — моторист (она же писарь инженера полка) Соня, укладчица парашютов Надя, связистки Оля и Валя.

— Мы почитать листовку об Илюше Чумбареве, а заодно и погреться.

— Читайте, вот она, на простенке висит, — сказал Максименко.

Девчата прочитали листовку о таране Чумбарева, о чем-то пошептались и присели на дощатые нары: табуретки были заняты. К девушкам подошел Саша Денисов. Он был подтянут, строен, чисто выбрит и аккуратно одет. Общительный, веселый парень, звонкий запевала.

— Сашенька, — попросила Надя, — спой какую-нибудь песню.

Вера и Оля поддержали просьбу.

Сержант снял кубанку из черного меха, расчесал светлые волосы и негромко запел:

Шел со службы пограничник,
На груди Звезда горит,
Задержался у колодца.
— Дай напиться,— говорит.

На его лице выступил румянец смущения.

— Пой, — подбодрили мы его, — пой!

Саша продолжал петь в надежде, что его поддержат, но песни этой, оказывается, никто из нас не знал. Пришлось разучивать по строчкам, а когда разучили, дело пошло на лад. Все начали подпевать Денисову.

Когда голоса смолкли, Надя от имени всех девушек попросила меня рассказать о том, как я попал в авиацию.

— Ты ведь обещал, помнишь? Наверно, не мечталось даже возле самолета быть, не то что на нем летать, а?

— Ну, это ты брось, Надюша. Как не мечталось! — Я посмотрел на товарищей. — Вспомните, время-то какое было!

— Какое? — не унималась Надя.

— Рекордистское! — оттопырил большой палец правой руки Саша Денисов.

— Предгрозовое, — поправил его Василий Лимаренко.

— А время было вот какое, девчата... — начал я. — Страна жила тогда могучим творческим взлетом, площадкой для которого было великое слово «социализм». Весь народ восхищался достижениями отечественной науки и техники, новыми открытиями и свершениями во всех областях народного хозяйства. Особенно широко шагала промышленность, и в частности авиационная, наш воздушный флот.

Не успела прогреметь слава участников спасения членов научной экспедиции и экипажа корабля «Челюскин» — первых Героев Советского Союза, как весь мир был изумлен новым событием. В июле 1936 года В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков совершили дальний беспосадочный перелет на самолете АНТ-25. А спустя

десять месяцев Михаил Водопьянов впервые в мире совершил посадку в районе Северного полюса, доставив туда участников научной экспедиции.

Через год прославленный экипаж Валерия Чкалова совершил невиданный в истории авиации перелет по маршруту Москва — Соединенные Штаты Америки. Через Северный полюс. Потом земля аплодировала советским летчицам Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко и Марине Расковой, установившим женский международный рекорд беспосадочного дальнего полета.

Вряд ли можно было найти юношу или девушку из моих сверстников, не горевших мечтой о небе, о полетах. В аэроклубы Осоавиахима поступали сотни, тысячи заявлений от комсомольцев и молодежи. Дети рабочих и колхозников рвались к штурвалу, жаждали покорить небо, высоту. И песню пели хорошую, зовущую на подвиги:

Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева страны...

Разве мог я в такое время остаться равнодушным к зову жизни, к стремлению юности? Вместе с ребятами из кременчугского депо, где я работал слесарем-паровозником, пошел в местный аэроклуб. Была одна мечта, одно желание — быстрее научиться летать. Во что бы то ни стало летать!

Шло время. Ночами приходилось работать в паровозном депо, а днем изучать самолет и мотор, аэродинамику, самолетовождение и теорию полета. Было нелегко, но зов неба — выше всех трудностей.

После тренировок на земле назначили первый ознакомительный полет на самолете У-2, потом началась вывозная программа. Мы летали с инструктором Бейгулом, небольшим, коренастым пилотом с черными, причесанными назад волосами.

Трудно передать волнение, которое испытываешь, впервые поднимаясь в открытой кабине самолета в воздух. Отрываешься от земли и несешься над полями и лугами. О первом полете потом говорят везде и всем — дома и на работе, знакомым и незнакомым.

Я сидел в этом маленьком самолете и чувствовал себя буквально на седьмом небе от счастья. Беспредельная голубизна. А внизу родной город, родной дом, который

казался совсем маленьким, со спичечный коробок, зеленый сад. А дальше серебристой лентой врубался в мозаику земли могучий Днепр, знаменитый своими каменистыми порогами, по которым еще наши деды сплавляли лес...

Постепенно первые восторженные впечатления стали складываться в повседневные наблюдения, столь необходимые пилоту при взлете, во время полета и посадки. Началась летная практика. С каждым днем отрабатывались все более сложные элементы курсантской программы. От простейшего полета по кругу — к зоне, к обучению виражам, переворотам через крыло, петле Нестерова, штопору и спирали.

При хорошей успеваемости и сообразительности курсанта обычно подготавливают в течение нескольких месяцев. Я не отставал от сверстников. И вот самостоятельный вылет, без инструктора. Этот полет у всех тоже остается в памяти на всю жизнь. До сих пор и я помню его. А как же — самостоятельно поднялся в воздух!

Спустя несколько недель аэроклубовцам назначили экзамен. К нам прибыл командир в кожаном реглане с двумя кубиками в петлицах. Он-то и должен был отобрать самых способных в Чугуевскую авиационную школу летчиков-истребителей. Я вылетал первым и потому очень волновался: как-никак проверял военный человек! Однако ничего особенного не случилось. Летчик хорошо оценил мой полет и, одобрительно похлопав по плечу, сказал:

— Все в порядке, парень!

Но в Чугуевскую школу приняли меня не без осложнений. Вся беда в том, что я был тогда маленького роста, и моих ног не хватало для полного отклонения руля поворота. Хорошо, что кто-то заступился: вытянется, еще молод.

Двадцать шестого февраля сорокового года, я принял присягу, стал военным человеком...

Ну, на сегодня, пожалуй, хватит, — закончил я свой рассказ. И вовремя, потому что в землянку вошел начальник штаба полка Верещагин, высокий круглолицый брюнет, и сказал:

— Туман рассеялся. Балюк и Михайлик, идите на КП. Там получите задачу у командира. Полетите на разведку.

Евгений Петрович Мельников стоял возле стола, на котором лежала большая крупномасштабная карта. Заметив нас, он оторвался от карты и пригласил:

— Садитесь.

Мы сели.

— Сейчас я покажу, где и что необходимо разведать. Задание ответственное, — сказал он.

На карте отчетливо виднелась линия фронта. Вдоль нее — отметки синим карандашом. Это номера соединений и частей противника.

Мельников достал из кармана коробку папирос, угостил нас. Мы закурили.

— Вот в этой балке, — начал пояснять майор басыстым голосом, — по имеющимся данным, сосредоточивается противник. — Он взял синий карандаш и обвел длинный овал. — Посмотрите, сколько там живой силы и техники.

— Нам известна эта балка, — сказал я. — Несколько дней назад мы сопровождали туда штурмовиков.

— Вот и хорошо, если известно. Значит, маршрут знаете, особенности местности тоже. Хорошо, — повторил командир.

— Туда прибывают танки, — уточнил подполковник Верещагин, — автомашины и пехота. Они должны быть хорошо видны на снежном покрове, однако необходимо смотреть внимательно. Немцы тоже научились маскироваться.

— Если фашисты в Яблонево́й балке или поблизости от нее, то найдем, — заверил Балюк. — Спрятаться им нигде, вокруг ни деревушки, ни рощицы.

— Почти чистое поле, — подтвердил я.

Задача была ясна. И мы здесь же, за столом, наметили, как лучше выбрать маршрут, с какой стороны зайти на цель, чтобы избавиться от истребителей противника. Решили также, что Иван Федорович будет в основном вести разведку, а я — обеспечивать его действия.

Уже перед самым уходом Евгений Петрович еще раз напомнил:

— Разведданные привезти во что бы то ни стало. Таков приказ Утина, командира дивизии. Помните, хлопцы, он возлагает надежды только на вас. Пошли на разведку,

говорит мне, Балюка и Михайлика. Может, у вас другое мнение? — спросил Мельников.

— Нет, сами полетим, — в один голос ответили мы.

— Счастливой удачи! — Командир пожал нам руки.

Доброе напутствие тронуло нас. Недаром в полку Евгения Петровича ребята называли Батей. Он не только заботливо учил нас боевому искусству, но и на практике показывал пример соколиной отваги. Кажется, не было дня, чтобы майор не водил летчиков на задания. А теперь Мельников летал еще чаще. В воздухе он был стремителен, напорист и расчетлив. Мы восхищались его тактикой, умением мастерски управлять боем. Летя с ним в одном строю, не чувствуешь его давления. словно зоркий орел смотрит он на нас, молодежь, и вмешивается только в исключительных случаях: зазеваешься — подскажет, не управляешься с врагом — поможет, защитит в самый критический момент. И на земле командир — наш отец, бесприкословный авторитет. Если ставит задачу перед вылетом, как сейчас, то ставит ее четко, ясно. Если разбирает полет, не упустит ни одной детали. Внешне суровый, Евгений Петрович обладал чутким, добрым сердцем. Перед вылетом — предостережет, после вылета похвалит, если заслужил...

Мы вышли из землянки. Морозный воздух ударил в лицо. Погода заметно улучшилась. Сквозь разрывы облаков пробивались солнечные лучи.

Техник-лейтенант Дмитрий Никифорович Дрыга, исполнявший обязанности инженера эскадрильи, уже распорядился, чтобы наши самолеты были готовы. Техники запустили моторы, опробовали их на всех режимах и теперь стояли в ожидании командиров экипажей.

Надев парашюты, мы сели в кабины.

— Готов? — спросил меня Балюк по радио.

— Да.

После взлета мы вышли за облака, висевшие низкой и тонкой пеленой над аэродромом. На юг окна в облачности увеличивались, а в районе разведки их почти не было. Мы легли на заданный курс и пошли на юго-запад с намерением пересечь линию фронта. Затем взяли курс на юг, а когда заданный район остался слева по ходу и сзади, мы развернулись к Яблоневоу балке со стороны противника.

Над балкой сделали несколько заходов в разных на-

правлениях и на разных высотах, пока не обнаружили немецкие танки, автомашины с боеприпасами и артиллерию. На бреющем полете вышли из-под обстрела и, набрав высоту около 2500 метров, пошли в направлении на свой аэродром.

Недалеко от линии фронта увидели встречный истребитель. Чей самолет, разобрать было невозможно. Но если идет на территорию противника, значит, чужой. Я повернул свой самолет, как учил Бенделиани, и пошел навстречу, в лобовую атаку. Противник, видимо, предполагал, что это два «мессера» идут на охоту (еще издали он начал покачивать крыльями: свой, мол, свой).

Расстояние сокращалось быстро. Но на встречном курсе не так просто разобрать тип самолета. А когда осталось несколько сот метров, стало ясно, что встретился враг. Разойдясь левым бортом с «мессером», я положил самолет в глубокий вираж. Противник тоже оказался не из простаков и, не обращая внимания на Балюка, принял бой, повторив мой маневр.

Несколько глубоких виражей ни к чему не привели. Каждый из нас выжимал из своего самолета все, на что он способен. Кто кого — так решался вопрос.

Не добившись победы на виражах, я решаю втянуть противника на вертикали. Это дало мне возможность зайти «мессу» в хвост. Оставалось только взять упреждение. И вдруг противник сорвался в штопор. Умышленно, чтобы избежать расстрела, или ошибся? Однако немецкий летчик быстро вывернул свой самолет, и мы пошли друг другу навстречу в перевернутом положении, то есть вверх колесами.

В такой ситуации мне еще не приходилось встречаться с противником. Летя вниз головой, очень трудно вести прицельный огонь. Сколько мы ни повторяли атак, результатов никаких. Я взмок от напряжения. Во рту пересохло. Ну и положеньице, черт возьми!

Но вот, кажется, последняя атака. Я только-только начал переваливать самолет из верхнего положения, как в перекрестье прицела показался «мессершмитт». Какой момент! Бью из пушки и пулемета. Длинная очередь попала в цель. Вздогнул и мой самолет. Я потянул ручку управления на себя и, пикируя, увидел струю черного дыма, стелившуюся за Me-109. Через несколько секунд немецкий истребитель взорвался.

Наступила тишина. Еще не верилось, что бой окончен. Но об этом напомнил Иван Балюк:

— Молодец, Яша! На шестнадцатой лобовой с перевернутого положения рассчитался с фрицем. Молодец!

Я настолько вымотался, что в ответ ничего не мог сказать. Двадцать три минуты огромного напряжения. Вспомнив, что в кармане комбинезона был кусок сахара, я достал его и, немного откусив, почувствовал облегчение. Затем пристроился к ведущему и скупно сказал:

— Опытный шакал. Столько времени пришлось на него потратить...

— Да, видимо, ас, — подтвердил Балюк.

Это был единственный случай в моей практике за время войны. Такого боя мне больше не приходилось вести.

Уже на аэродроме я увидел, что на моем «яке» нет нижнего капота. Он был сорван очередью «мессершмитта» в момент последней лобовой атаки.

Техник звена Алексей Погодин и механик самолета Юрий Терентьев в один голос заявили:

— Не беспокойтесь, товарищ командир, машина будет отремонтирована вовремя.

Заранее поблагодарив своих старательных помощников, я пошел к командиру эскадрильи, чтобы вместе с ним доложить на КП о выполнении боевого задания. На командном пункте были Мельников, Бенделиани, Верецагин, Норец и Ганзеев. Балюк рассказал обо всем, заслуживающем внимания командования, затем добавил:

— Между прочим, Михайлик провел любопытный бой — шестнадцать лобовых атак, в том числе и в необычном положении, вверх колесами дрался с «мессершмиттом».

— Ай да Яков! — воскликнул горячий кавказец. — Молодчина!

— Трудно пришлось? — спросил помощник начальника штаба, отодвигая блокнот, в котором он только что сделал записи со слов командира эскадрильи.

— Обрисуй вкратце, — попросил замполит.

Пришлось воспроизвести картину воздушного поединка с вражеским истребителем.

— Вот что, Михайлик, — выслушав мой рассказ, посоветовал командир полка, — надо об этом побеседовать с молодежью.

— Обязательно, — подхватил капитан Норец. — И не

откладывая в долгий ящик. Новая эскадрилья Ривкина (с конца ноября полк стал трехэскадрильным) сегодня же соберется в полном составе. Там нужно выступить в первую очередь.

— Хорошо, — согласился Мельников, — дело решенное.

Раздалась резкая телефонная трель. Подполковник Верещагин поднял трубку и тотчас же передал ее командиру полка, предупредив, что на проводе полковник Утин.

— Кобылецкого? — переспросил Мельников. — А как же! Знаю, воевали вместе... Должность? Моим помощником по воздушно-стрелковой службе пойдет? Тогда я немедленно вылетаю за ним... До свидания.

По тому, как с самого начала разговора о Кобыleckом оживился Чичико Кайсарович Бенделиани, по его восклицанию: «Вано будет с нами?!» — я понял, сколь был расположен майор к незнакомому мне человеку, сколь обрадовался тому, что этот человек прибудет в наш полк.

Командир полка приказал инженеру Коберу подготовить самолет По-2 и вскоре улетел за капитаном Кобылецким, несмотря на довольно скверную погоду. Значит, ему тоже хотелось побыстрее встретиться со своим будущим помощником, которого, как я понял, он не видел с начала августа.

Я попросил Бенделиани рассказать о капитане Кобылецком, чтобы иметь хотя бы мало-мальское представление о нем. И вот что я узнал об Иване Ивановиче — так звали Кобылецкого.

В 1938 году он окончил летную школу и в числе других советских авиаторов-добровольцев был направлен в Китай, революционная армия и трудящиеся массы которого вели в ту пору борьбу с японским милитаризмом. Именно там молодой интернационалист получил боевое крещение и соколиную закалку под руководством опытных командиров, прошедших войну в республиканской Испании, в том числе и Т. Т. Хрюкина, который командовал здесь, под Сталинградом, 8-й воздушной армией.

Начало Великой Отечественной войны И. И. Кобылецкий встретил на юго-западе страны. За сравнительно короткое время он совершил несколько десятков боевых вылетов. Только на киевском направлении и непосредственно в районе украинской столицы смелый, находчивый летчик 50 раз водил свою крылатую машину на разведку войск противника.

В воздушных боях — а они были в ту пору весьма ожесточенными — Кобылецкий сбил 2 фашистских самолета лично и 17 совместно со своими однополчанами. За мужество и отвагу он был награжден орденом Ленина и двумя орденами Красной Звезды.

С Юго-Западного фронта И. И. Кобылецкий направляется в Сталинград. Здесь старший лейтенант, не жалея своих сил и самой жизни, самоотверженно дрался с гитлеровскими истребителями и бомбардировщиками и снискал славу незаурядного воздушного бойца. Особенно памятно для него четыреста первое боевое задание. Вот что об этом написал мне из Киева Герой Советского Союза подполковник в отставке Иван Иванович Кобылецкий в 1969 году (письмо привожу в сокращенном виде):

«17 августа 1942 года в 3 часа 15 минут утра мы получили боевое задание сопровождать группу «илов» для нанесения бомбоштурмового удара по переправе, восстановленной противником предыдущей ночью в районе Калача. В случае появления вражеских истребителей мне и моему ведомому было приказано принять бой на себя.

Сначала появились восемь Me-109. Мы вступили с ними в бой. Потом подошла еще четверка гитлеровских истребителей. В результате схватки я сбил два вражеских самолета. Тем временем фашисты подожгли машину моего ведомого (не однажды отбивал я атаки «мессершмиттов», заходивших в хвост его «яка», а на этот раз не успел — слишком неравны были силы). Когда летчик выпрыгнул с парашютом, истребители противника попытались расстрелять его в воздухе, но я не допустил их к нему. Замечу кстати, что впоследствии мы встретились с ведомым в 360-м эвакогоспитале.

Примкнуть к основной группе наших самолетов мне не удалось. Оставшись один, я продолжал вести ожесточенный бой. Убедившись в том, что я не только успешно обороняюсь, но и нападаю, немецкие летчики решили свести со мной счеты. К тому времени штурмовики успешно выполнили боевое задание. Это главное, во имя чего одному пришлось драться против целой эскадрильи.

Бой продолжался. Во время воздушной дуэли осколки снаряда попали в мотор моего самолета и повредили бензосистему. Загорелся двигатель, хотя работал он бесперебойно.

Подо мной была территория противника, поэтому о

прыжке с парашютом не могло быть и речи. Убедившись, что ручка управления действует безотказно, я продолжал вести бой. При этом старался оттягивать неприятеля в сторону наших наземных войск, к востоку.

Пламя начало обжигать мне руки, лицо... Больше всего я боялся, чтобы огнем не испортило глаза. Закрою фонарь кабины — нечем дышать, открою — пламя начинает бушевать еще больше. Пришлось высовывать голову из кабины, закрывая лицо рукой.

Сбить пламя маневрированием самолета не удалось. Пожар перекинулся с мотора на правую плоскость. А вскоре запылала и левая. При таком положении бензобаки могли взорваться в любую минуту. Не дожидаясь этого, делаю переворот. При выводе из пикирования правой плоскостью зацепил за верхушку высокого дерева, и самолет качнуло вправо. Выполняя петлю Нестерова, выбрал момент, когда машина находилась вверх колесами, оторвал ручку управления от себя, отстегнул ремни и вниз головой вывалился из кабины. Падая, попал в плоский штопор. Пока вышел из него, дернул за вытяжное кольцо парашюта, высоты оставалось 500—450 метров. Шелковый купол не сразу наполнился воздухом, а когда произошел аэродинамический хлопок, было уже поздно: я со всего размаху ударился о землю и потерял сознание...»

Старшего лейтенанта Кобылецкого подобрали наши танкисты. У него были перебиты обе ноги, деформирован позвоночник, сломаны два ребра, обожжены правая нога, руки, шея, лицо, голова... Но уже через четыре месяца он одолел свой недуг и... порвав заключение медицинской комиссии о непригодности к летной работе, снова прибыл на фронт.

Замечу кстати, что его путь с нейтральной полосы до госпиталя был настолько трудным, изобиловал такими невероятными осложнениями, что иному фантасту, пожалуй, не хватило бы воображения придумать подобную ситуацию. Но об этом несколько позже. А сейчас мне остается привести заключительные строки письма Кобылецкого:

«Итак, вновь бой. Техник Блинов сделал из доски подставку на правую педаль (после операции правая нога стала короче левой на пять сантиметров) — и я опять пошел в воздух»,

КТО С МЕЧОМ К НАМ ВОЙДЕТ...

*Силен был враг. Но мы в сто
крат сильнее.
Мы устояли в тот суровый час.
От вольной Волги мы дошли
до Шпрее —
Нас вдохновляли Ленина идеи
И Партия вела к победе нас.*

Иван Свиридочкин

1

С студень, лют декабрь, а настроение такое, будто на синих крыльях из-за теплых морей прилетела весна-чародейка. Причина тому — большие успехи наших войск под Сталинградом. Двадцать две вражеские дивизии с многочисленной техникой зажаты в стальном кольце на площади тысяча пятьсот квадратных километров. Паулюсовские войска надёжно блокированы на земле и в воздухе.

Воздушная блокада крайне затруднила снабжение окруженной группировки противника продовольствием, боеприпасами и бензином. Как ни пыталось немецко-фашистское командование построить воздушный мост через наши войска, ничего из этого не вышло. Советские зенитные части и истребительная авиация десятками сбивали транспортные самолеты противника далеко на подступах к окруженным войскам.

Сегодня из-за сложных метеорологических условий (туман, временами снегопад) авиация не ведет боевых действий с нашего аэродрома. Мы собрались в просторной землянке, где замполит и секретари партийной и комсомольской организаций только что закончили оформление двух стендов. На первом из них большая карта района окружения неприятеля, на втором — боевые успехи полка по состоянию на конец декабря 1942 года. Нас поражают цифры, «виновниками» которых являемся мы сами, летчики 237-го истребительного авиационного полка. Читаем:

«С 5 августа 1941 года совершено 3714 боевых вылетов (общий налет 3192 часа). Проведено 863 воздушных

боя, в которых сбито 122 и подбито 38 самолетов противника.

Штурмовыми действиями уничтожено: танков — 18, автомашин с войсками и грузами — 147, повозок с боеприпасами и грузами — 137, зенитных точек — 12, радиостанций — 3, бензоцистерн — 3...»

Улыбнувшись, капитан Норец произнес:

— Неплохо поработали, правда?

— Подходяще, — неторопливо ответил Балюк. — А что говорят наши синоптики?

— Мало утешительного. Опять снег. Хотя бы немного видимость улучшилась, тогда можно было бы действовать одиночными самолетами, все-таки оказывали бы какую-то помощь наземным войскам.

— Что поделаешь? — вступил в разговор Борис Ривкин.

— Ничего, — вздохнул Бенделиани, — остается только ждать, когда подойдет антициклон. А по прогнозу видно, скоро подойдет. Правда, он медленно смещается, но уверенно. По всей вероятности, завтра к исходу дня будет у нас.

— Быстрей бы подходил, — снова заговорил Евдоким Андреевич Норец, — тогда бы общими усилиями мы быстрее принудили врага прекратить боевые действия. А то — слышали? — посылали к немцам парламентаров, предлагали покончить с кровопролитием, так нет, видите ли, не хотят.

— Бить их крепче надо, — шлепнув ладонью по шлемофону, произнес Илья Чумбарев. — Так бить, чтобы они на всю жизнь запомнили, на что способна Красная Армия.

— Правильно, лейтенант, надо бить, бить днем и ночью, не давая отдыха, — поддержал Илью замполит. — В результате декабрьских боев враг понес громадные потери от огня нашей артиллерии, гвардейских минометных частей и систематических налетов нашей авиации. Позавчера войска второй гвардейской и пятьдесят первой армий разгромили котельническую группировку врага. Перестала существовать четвертая румынская армия, а пятьдесят седьмой танковый корпус немцев отброшен в район Дубовские, Зимовники. Сейчас противнику придется еще туже. А почему? Да потому, что продовольственный рацион сократился: выдают по сто граммов хлеба и по тридцать граммов так называемых жиров. Уже цвели

всех лошадей из первой румынской кавалерийской дивизии. Теперь принялись за собак и кошек.

Ребята засмеялись.

— Я вполне серьезно, — продолжал Евдоким Андреевич. — О положении окруженных войск противника красноречиво говорят письма, направляемые в Германию. — Он открыл свою полевую сумку, извлек из нее какие-то бумаги. — Вот, послушайте, что пишет своему брату обер-ефрейтор тридцать седьмого артиллерийского полка сто тринадцатой пехотной дивизии Герман Матшай:

«У меня к тебе большая просьба. Только ты не говори о ней, пожалуйста, ничего нашим родителям, а то они будут очень беспокоиться. Я хочу попросить тебя присылать мне от времени до времени посылочки. Пусть это будет один-единственный ломтик хлеба».

А ефрейтор первой роты двести двадцать второго полка сотой пехотной дивизии Отто Захтенич сообщает своей жене:

«Вчера мы получили немного водки. Это было очень кстати, так как мы как раз зарезали собаку. Я, в общей сложности, зарезал уже четырех собак, но ни я, ни мои товарищи никак не можем наесться досыта. Однажды я подстрелил сороку и сварил ее, суп получился, как из цыпленка, вкусный и желтый».

Голос капитана потонул в дружном хохоте летчиков.

Последний день 1942 года. В этот заключительный день шестинедельного наступления наших войск на подступах к Сталинграду к нам приехал представитель политотдела дивизии. Что он скажет нового, обнадеживающего? Сидим ждем.

Гость быстро взглянул на часы (вероятно, его ожидали в других частях, поэтому он рассчитывал время), снял шапку и сбросил на табурет полущубок. Заместитель командира полка по политчасти представил приезжего:

— Агитатор политотдела двести двадцатой истребительной авиационной дивизии капитан Минаев.

— Как вы уже знаете, товарищи, — без предисловия начал приезжий политработник, — с девятнадцатого ноября Красная Армия силами Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешла в наступление и нанесла мощный удар по врагу. Ход сражения показал, что

стратегический план немецко-фашистского командования был построен на песке, потому что гитлеровцы не учли своих реальных сил, не учли и не могли учесть наших возможностей, наших резервов. А план врага заключался в том, чтобы захватить Сталинград, отрезать центральную европейскую часть Советского Союза от волжского и уральского тыла, окружить и взять Москву.

Лектор показал на карте хищные синие стрелы — направления вражеских ударов, разработанных штабом Гитлера к лету сорок второго года.

— Полной противоположностью плану неприятеля, — продолжал докладчик, — был стратегический план окружения и разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, созданный Верховным Главнокомандованием Красной Армии. Этот план, как вам известно, осуществлен нашими войсками, в том числе и вами, дорогие друзья, в течение последних шести недель.

В первых рядах кто-то захлопал. Его поддержали. Землянка взорвалась аплодисментами. Минаев поднял руку. Установилась тишина.

— Давайте рассмотрим три этапа ожесточенных боев с врагом: первый — наступление наших войск северо-западнее и юго-западнее Сталинграда, второй — в районе Среднего Дона и третий — южнее Сталинграда...

Мы знали в общих чертах фронтовую обстановку, но агитатор приводил примеры и факты, которые не были нам известны, и потому каждый из нас боялся пропустить хоть одно слово.

Капитан продолжал:

— На первом этапе Красная Армия продвинулась вперед на семьдесят — сто пятьдесят километров и освободила двести тринадцать населенных пунктов. Разгромлены фланговые группировки врага и окружена основная масса его войск под Сталинградом. На втором этапе мы сделали рывок на сто пятьдесят — двести километров и освободили тысячу двести сорок пять сел и городов. Закрыта возможность вырваться вражеским частям и соединениям, окруженным под Сталинградом, и оказать им помощь извне. С двенадцатого декабря немецко-фашистское командование предприняло отчаянную попытку освободить окруженную у берегов Волги группировку. Наши войска сорвали эту попытку, разбили ударный кулак врага, отбросили гитлеровцев на юг и лишили их последней

возможности пробить путь попавшим в котел дивизиям. Мы продвинулись вперед на сто — сто пятьдесят километров. В ста тридцати населенных пунктах снова подняты флаги свободы.

— Сколько в котле? — шепотом спросил Саша Денисов техника Погодина.

— Двадцать две. Не мешай слушать...

— Сила! Расколошматили тридцать шесть дивизий, — покачал лохматой головой Дмитрий Дрыга.

— Тс-с! — цыкнули на него.

Агитатор продолжал говорить, а шепоток восхищения не смолкал.

— За это время нашими войсками захвачено более пятисот сорока и уничтожено около тысячи двухсот пятидесяти вражеских самолетов...

Землянка снова разразилась овацией.

— Успеху советских войск под Сталинградом способствовали соединения генерал-лейтенанта авиации Красовского, генерал-майора авиации Хрюкина... — Капитан чуть улыбнулся и, бросив взгляд на замерших от внимания слушателей, особо подчеркнул: — Генерал-майора авиации Руденко!

Все встали. Это был наш генерал. Василий Лимаренко крикнул:

— Ура-а-а!

— Стекла, стекла пожалейте! — шутил Евгений Петрович Мельников, показывая на окна землянки.

Дьявол с ними, со стеклами! Мы орали насколько хватало духу.

Агитатор улыбался...

2

До 4 января 1943 года наш полк базировался на площадке в районе населенного пункта Пичуга, затем перелетел к юго-западу от Сталинграда, на аэродром Бузиновка. Это был Донской фронт. Отсюда враг с помощью транспортной авиации пытался наладить снабжение своей окруженной группировки войск. Мы летали наперехват, барражировали в воздухе, вели свободную охоту.

Однажды, получив задачу на уничтожение авиации противника методом свободной охоты, я с сержантом Павлом Оскретковым и еще шестью однополчанами поднялся

с аэродрома. Над землей висела многослойная облачность. Нижняя кромка достигала 600—800 метров. Разойдясь в разных направлениях по двое, стали искать противника. Я и мой ведомый взяли курс в юго-западном направлении, откуда, как мне казалось, можно было наверняка ожидать вражеские самолеты. Надо сказать, что пара как боевая единица у нас уже основательно укоренилась. Она обеспечивала хорошую управляемость, взаимодействие в воздушном бою и отличный поиск противника.

Через несколько километров мы вышли за облака. Неприятельских самолетов там не было. Снова нырнули вниз и развернулись строго на юг. Вскоре справа от нас промелькнул силуэт самолета. Мы вошли в нижнюю кромку облаков, чтобы не обнаружить себя, выждать удобный момент и внезапно атаковать врага. Однако вступить в бой с гитлеровцем нам не пришлось: его обнаружила другая пара наших истребителей и вступила с ним в воздушную схватку.

— Нам делать здесь нечего, ребята сами справятся, — сказал я Павлу Оскреткову и пошел прежним курсом в район, где, по моим предположениям, должны быть интенсивные перелеты немецких самолетов.

И действительно, спустя некоторое время мы обнаружили Ю-88, который, по-видимому, уходил с территории окруженной группировки.

Маскируясь облаками, мы почти вплотную приблизились к «юнкерсу». Заметив нас, фашистский летчик попытался уйти в облака, но маневр не удался. Оскретков и я зажали Ю-88 в клещи. «А что, если не расстреливать врага, а посадить на нашей территории?» — мелькнула мысль. Нередко бывали случаи, что на самолетах из окруженной группировки улетали офицеры и генералы.

Давая предупредительные пулеметные очереди слева и справа, мы как бы показывали «юнкерсу» дорогу: иди туда, куда ведем. Но экипажу, видимо, не очень-то хотелось идти в плен. С борта Ю-88 начали стрелять по «якам».

Ответным огнем Оскретков и я ударили по стрелку. Пулемет умолк. Стрелок, вероятно, был убит. Однако «юнкерс» упорно не хотел идти на снижение. И тогда Павел атаковал его и поджег. Пытаясь сбить пламя скольжением, летчик начал снижаться. Так-то лучше, топай на посадку!

Самолет противника подвернулся на несколько градусов влево, выбирая площадку для посадки. Вот он уже начал приземляться на фюзеляж, но площадка оказалась очень неровная. Машина резко развернулась вправо, в сторону горящего мотора, затем ударилась о землю второй плоскостью и окуталась черными клубами дыма. Какая досада! Ведь могли живыми взять в плен экипаж и пассажиров...

Сделав несколько кругов, мы убедились, что из самолета никто не вышел. Кто может выйти из объятых огнем, искалеченного «юнкера»?

Павел Оскретков был очень рад своей победе. Еще бы! Это первый вражеский бомбардировщик, сбитый им в сталинградском небе. Парня поздравляли все — от командира звена до командира полка.

Тут же, на стоянке самолетов, Евгений Петрович Мельников отозвал Ивана Литвинюка в сторонку и сказал:

— Вот что, комсорг, посоветуйся с замполитом и пиши проект представления на Оскреткова.

— Какого представления?

— О награждении Павла Грамотой ЦК ВЛКСМ. Заслужил парень. Как думаешь?

— Заслужил, товарищ командир! — горячо подтвердил Иван Литвинюк. — Мне только что Михайлик рассказывал, что, когда «юнкерс» загорелся, пехотинцы шапки подбрасывали вверх. А с замполитом я сейчас посоветуюсь и сегодня же напишу проект представления.

— Вот и добро, Ваня. Комсомольцы воюют здорово, надо их поощрять.

С каждым днем войска противника, окруженные западнее Сталинграда, испытывали все больший недостаток в продовольствии, боеприпасах, горючем и смазочных материалах.

Принимая экстренные меры для улучшения снабжения окруженной группировки по воздуху, немецкое командование направило в штаб 4-го воздушного флота личного представителя Гитлера генерал-фельдмаршала Мильха.

«Поскольку было принято решение удерживать Сталинград, следует принять к этому все меры... — наставлял его фюрер. — Я требую, чтобы в будущем в крепость действительно перевозилось 300 тонн грузов, чтобы она

могла держаться и сковывать большие силы русских. Вы получаете от меня соответствующие особые полномочия и право давать приказы и распоряжения всем командным инстанциям вооруженных сил»¹.

Для доставки грузов в сталинградский котел были дополнительно выделены самолеты транспортной авиации типа Хе-177, ФВ-200, Ю-90. Они летали одиночно и группами, вначале в простых, а затем и в сложных метеорологических условиях. С этой же целью Мильх пытался использовать и планеры в сопровождении сильного конвой истребителей.

Однако окруженцев ничто не спасло. Плотный заслон наших истребителей и зенитной артиллерии, удары бомбардировочной авиации сорвали снабжение по воздуху войск, попавших в котел. За это время было уничтожено 1160 боевых и транспортных самолетов врага, из них одна треть — на аэродромах.

Бывший начальник инженерной службы 6-й немецкой армии полковник Зелле пишет: «Остается фактом, что с первого дня окружения не делали посадку ни 1000, ни 500, ни 300, ни даже 100 самолетов. В первые дни образования котла прибывало 50—70, но очень скоро их число снизилось до 25—15 в день. Мрачная трагедия Сталинграда, по существу, целиком выражается этими поразительными цифрами».

Активное участие в операции по блокированию неприятельского воздушного моста принимали участие полки 220-й истребительной авиационной дивизии, в том числе и наша часть. Вот один из многочисленных примеров.

Утром 8 января Е. П. Мельников получил боевое распоряжение следующего содержания:

«1. Противник в течение 7.1.43 г. активности не проявлял. Изменений в линии фронта кольца окружения западнее Сталинграда нет. Его транспортная авиация производила транспортировку грузов своим окруженным войскам.

Погода: облачность десять баллов, туман, временами снегопад, видимость один километр.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Том. 3. М., Воениздат, 1964, стр. 383.

2. 220 иад в течение дня 8.1.43 г. ведет разведку согласно распоряжению штаба 16 воздушной армии, прикрывает сопровождением 243 штурмовую авиадивизию, действующую по разведанным 220 иад, непрерывным патрулированием истребителей в районе Б. Рассоска, Бассаргино, х. Гончары; блокирует аэродромы Б. Рассоска, Питомник и уничтожает транспортную авиацию противника на подходах к указанным аэродромам, не допуская посадки и взлета вражеских самолетов.

Командир дивизии приказал:

237 истребительному авиаполку в течение дня разведкой установить:

а) интенсивность работы боевой и транспортной авиации противника в районах окружения и ее базирование на аэродромах Бассаргино, Б. Рассоска и Питомник.

б) наличие живой силы в деревнях Мариновка, Корповка, Дмитровка, Бобурка.

Донесения представлять в штаб 9.30, 12.00, 14.00, 16.00.

Иметь в готовности № 2 4 Як-1 для свободной охоты по данным своей разведки.

Начальник штаба 220 иад полковник Лиховицкий.

Начальник оп. разв. отд. подполковник Долиевский».

Выполняя поставленную задачу, командир полка во главе шестерки поднялся в воздух.

Над аэродромом Б. Рассоска группа встретила семь Ю-52 под прикрытием «мессершмиттов». Три «ястребка» связали боем истребителей противника, а Мельников, Лимаренко и Федоров с ходу атаковали растянувшийся строй транспортных самолетов.

Атаки следовали одна за другой. Вскоре на одном из Ю-52 показались языки пламени. Самолет резко накренился влево и, пролетев метров семьсот, взорвался в воздухе. Остальные «юнкеры» поспешно вошли в облачность, не рискуя разделить участь своего партнера. Сделав несколько кругов, группа Е. П. Мельникова не обнаружила вражеских самолетов. Видимо, они возвратились в свои.

Шестерка «яков» взяла курс юго-западнее Сталинграда, откуда к окруженным войскам противника прорывались транспортные машины.

Снизившись до 200 метров, наши истребители прямо перед собой увидели группу Хе-111. Майор с ходу атаковал замыкающего. С первой же атаки загорелся мотор, но

«хейнкель» продолжал лететь. Повторными атаками Мельников, Лимаренко и Федоров добились врага, и он упал в районе Перелазовского. Характерно, что основная группа немецких летчиков даже не попыталась вступить в бой, трусливо скрылась в облаках, бросив на произвол судьбы свой подбитый самолет. Это свидетельство того, что в гитлеровской авиации чувство взаимовыручки и войсковой дружбы совершенно отсутствовало.

Возвращаясь на свой аэродром, группа Мельникова встретила несколько «мессершмиттов». Завязался воздушный бой. У наших летчиков кончились боеприпасы, однако они, выполняя имитационные атаки, заставили противника уйти на запад. Одержав победу, шестерка «яковлевых» благополучно приземлилась в Бузиновке.

3

Газеты и радио сообщали, что сопротивление окруженных гитлеровцев было безнадежным. Учитывая это, представители советского командования предложили Паулюсу, всем окруженным войскам капитулировать. Ультиматум был отклонен.

Через два дня войска генерала К. К. Рокоссовского после мощного артиллерийского и авиационного удара перешли в наступление.

Полмесяца шли жестокие бои, и только 26 января в районе Мамаева кургана окруженная группировка была расчленена на две части — южную и северную. С запада в Сталинград вклинились части 21-й армии, с востока сделала рывок 62-я армия.

30 января 1943 года все полки нашей дивизии — 812, 739, 581 и 237-й — группами по четыре самолета патрулировали над северной частью Сталинграда. Мы устанавливали наличие площадок для взлета и посадки любого типа самолетов противника, не давали возможности взлетать и садиться боевым и транспортным машинам врага в районе кольца окружения.

31 января боевая работа авиации была менее интенсивной. В этот день капитулировала южная группировка противника, а 2 февраля — северная. 3 февраля в Сталинграде состоялся общегородской митинг, посвященный знаменательной победе. У нас в полку тоже был митинг.

Речи короткие, но страстные: будем бить врага и впредь по-сталинградски!

Разгромом немецко-фашистских войск в междуречье Волги и Дона завершилась величайшая битва второй мировой войны. О том, какую помощь оказали наземным войскам наши летчики, говорят следующие цифры: за период борьбы под Сталинградом (с 10 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 г.) советская авиация совершила 36 000 самолето-вылетов — в два раза больше, чем авиация противника, и сбросила на врага 8000 тонн бомб; уничтожила около 1420 неприятельских самолетов, в том числе свыше 600 в воздушных боях и около 800 на аэродромах. Всего же немцы под Сталинградом потеряли 3000 самолетов.

Высокую оценку крылатым воинам дал генерал В. И. Чуйков, командовавший в дни Сталинградской битвы знаменитой 62-й армией.

«Празднуя победу, — говорил он, — мы не забываем, что в ее завоевании большая заслуга ваша, товарищи летчики, штурманы, стрелки и младшие авиационные специалисты... Вы заслужили право и можете смело с нами разделять радость победителей той величайшей в истории битвы, которая выиграна нами в районе Сталинграда. С самых первых дней борьбы за Сталинград мы днем и ночью непрерывно чувствовали вашу помощь с воздуха... Сейчас нет возможности перечислять все заслуги летчиков и примеры их самоотверженной борьбы на Сталинградском фронте. Они дрались смело и решительно, и за это от имени всех бойцов и командиров армии я выношу им глубокую благодарность».

Радость одержанной победы усиливалась тем, что наша 220 иад была преобразована в 1-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию, а 237-й полк стал 54-м гвардейским. Многим моим однополчанам присвоили очередные воинские звания. Е. П. Мельников стал подполковником, Иван Балюк и Борис Ривкин — капитанами, некоторые сержанты сменили лычки на звездочки (к тому времени были введены погоны и офицерские звания). Произошли и должностные изменения. Василия Лимаренко назначили заместителем командира эскадрильи, Ивана Максименко — командиром звена. Вместо лейтенанта Поселянова адъютантом нашей эскадрильи утвердили старшего лейтенанта Савченко Михаила Трофимовича.

У наших авиаторов стало больше боевых наград, благо теперь от имени Президиума Верховного Совета СССР ордена и медали могли вручать командующий армией, командиры дивизии и полка. По два ордена красовались на груди Ривкина и Лимаренко, Геннадий Шерстнев удостоен ордена Красного Знамени и медали «За боевые заслуги». Даже самые молодые летчики, в том числе Павел Оскретков, были по праву отмечены за смелые, порой самоотверженные боевые действия.

Но не только и не столько этим отличалась гвардия. Главное — высокий уровень ратного мастерства. Только за период сталинградских боев на счету Ивана Балюка было 12 сбитых самолетов противника, Борис Ривкин уничтожил 9 воздушных пиратов, Василий Лимаренко — 6, Илья Чумбарев — 3, Геннадий Шерстнев — 2. Я тоже не отставал от товарищей: 7 самолетов сбил лично и 2 в групповых воздушных боях.

Не менее важная черта гвардии — высокая сознательность ее воинов, железная сплоченность, беззаветная преданность Коммунистической партии. Достаточно сказать, что в нашем полку насчитывалось 85 коммунистов и 92 члена ВЛКСМ. Это очень высокий процент по отношению ко всему личному составу части. Коммунисты и комсомольцы были опорой командира в решении всех задач, которые ставились штабами дивизии и армии, они являлись могучей силой, воодушевляющей однополчан на подвиги во имя Родины, во имя нашей победы над врагом.

Обладая такими высокими боевыми и моральными качествами, гвардейцы, не боясь быть нескромными, имели право уже в ту пору повторить суровое изречение известного русского полководца Александра Невского — грозы псов-рыцарей и других врагов Отечества: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет».

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

*Не переводятся русские люди,
Крепнут, мужают в лишениях
войны.*

*Трубы заводов
И жерла орудий
Общею яростью раскалены.*

Михаил Спиров

1

Огненный шквал все дальше и дальше уходил от берегов волжской твердыни, и мы, находясь в Пичуге, как бы оставались уже в глубоком тылу. А на отдаленной периферии громадного полукольца, опоясывающего сталинградскую округу, кипели жестокие бои. Насмерть шла борьба на Северном Кавказе и Верхнем Дону, на Украине и под Ленинградом, на центральном и северо-западном участках советско-германского фронта.

Однополчане все чаще поговаривали о том, что в такое время отсиживаться в затишье — совесть мучит, что пора бы снова в бой, туда, где нужны быстрокрылые наши «яки», обстрелянные в воздушных схватках бойцы. Начали забываться усталость и ранения, отступать от сердца горечь утрат и потерь. Отступать, но не изглаживаться...

— Как ты думаешь, Яш, жив Поселянов? — с робкой надеждой спрашивает меня Лимаренко.

В разгар битвы над Волгой самолет Поселянова загорелся в воздухе, и лейтенант выпрыгнул с парашютом за линией фронта.

— Если удачно приземлился, то жив, — ответил я Василию.

Лимаренко вздохнул:

— Самое страшное — плен... Поселянов и раньше горел, когда летал на Пе-2, но, как знаешь, добрался до своих. А теперь уже который день нет парня...

— Не разводи панихиду. И без тебя тошно.

А тошно мне было потому, что я знал: если бы Посе-

лянов мог, он давно бы пришел. Раненный, обожженный, но пришел бы. Значит, не сумел. А почему не сумел — одному ему известно.

— Жалко его, — обронил Василий, — веселый человек был.

— Почему «был»?

— Так нет же его с нами, — не унимался Лимаренко. — Никогда лейтенант не унывал, всякие были и небывальщины рассказывал, про деда своего смешные истории вспоминал... Ты летал с Поселяновым, Яш?

— Летал.

— И мне приходилось. Быстро освоил «як», и не из робких летунов был.

— Да, в трусости его не обвинишь.

— Это не то что...

Я знаю, о ком говорил старший сержант. И я бы не назвал фамилии этого человека. Его расстреляли перед строем. Перед всей дивизией...

Труса привезли на аэродром под вечер. Привезли под конвоем.

Голова его была опущена: стыдно смотреть на тех, с кем летал. Стыдно потому, что ни разу не был искренним. Обманывал ребят. Обманывал из-за трусости. Он всегда находил причину, оправдывающую его возвращение с боевого задания. Жаловался на плохую работу мотора, обвинял техника в неисправности самолета, кричал — да, кричал! — на оружейников: «Отказало оружие!..» А у него «плохо работала» совесть, «неисправна» была душонка, «отказывала» честность. Жалкий, надломленный стоял он перед нами. Представитель ревтрибунала зачитал приговор. А потом ребята вышли из строя и вскинули к плечу оружие.

— ...Именем Союза Советских Социалистических Республик...

Трус обезумевшим взглядом молил о пощаде. Пощады нет. В наших глазах — презрение.

Трус судорожно вскинул руки, забился в истерическом крике о помиловании. Помилования нет. Ребята сжали зубы от ненависти.

— Огонь!

Нет больше труса перед нами. На земле его труп. Нет больше труса в дивизии: он был один. Трус не успел услышать залпа возмездия, как не слышали свиста вражеских

трасс те, кого он предал в небе, от кого отвернулся, кого бросил в беде.

Его никто не вспоминал, не называл. Не хотим называть и мы.

— А как ты себя чувствуешь? — вдруг спросил Лимаренко.

— Как говорят, в форме. Царапины и ушибы подживают.

— Это хорошо. На днях куда-то перелетаем, — оживился мой друг и продекламировал:

И снова бой.
Покой нам только снится.

— А покой и не снится, Вася. Может, когда-нибудь и будут у нас безмятежные сны. А пока...

— Да, пока, Яша, надо готовиться к новым схваткам. Ну, отдыхай, поправляйся. Пойду посмотрю, как там мой «як». Кажется, все самолеты отремонтированы, проверены. Инженер эскадрильи Дрыга будет сегодня докладывать Балюку о готовности техники.

Лимаренко ушел, и я остался один на один с воспоминаниями о своем последнем полете...

Недавно Дмитрий Дрыга доложил командиру эскадрильи, что необходимо облетать два самолета после ремонта.

— Сейчас приведем их в порядок, заправим, опробуем моторы, и можно в воздух, — закончил он.

— Хорошо, — ответил Иван Федорович. — Михайлик облетает «семерку», а другой самолет приготовьте для меня.

Такие облеты приходилось делать частенько. Выполнял их обычно сам командир или поручал мне. Я начал собираться, краем уха слушая беседу. В землянке шел разговор, как лучше использовать прицел, особенно при выполнении атак с малых дистанций. Одни утверждали, что главное — определить упреждение и в зависимости от типа самолета вынести перекрестье прицела вперед и открыть огонь. Другие не соглашались. С малых дистанций (от ста и меньше метров) никаких тысячных не нужно, подходи и бей противника.

— Правильно, — подтвердил Павел Оскретков. — Уж если стволами уперся в «юнkers» или «мессершмитт», то,

ясное дело, никаких тысячных, открывай огонь. Результат увидишь сразу.

Все улыбнулись.

В землянку снова вошел инженер и доложил о готовности «семерки» к облету. Я надел шлемофон и вышел на улицу.

Небольшой ветер дул с северо-запада, и я решил, что можно взлететь с попутным ветром, чтобы не вырывать в противоположный конец стоянки, где лежали посадочные знаки из двух полотнищ.

Машина стояла поблизости от землянки. Я по привычке осмотрел воздушное пространство. В небе ни облачка, прозрачно и чисто. Вокруг тишина.

— Ну что, Терентьев, готов самолет? — спросил я механика.

— Так точно, товарищ командир, — механики, в том числе и Юрий, не называли по званию командиров экипажей, — все в порядке.

Я запустил мотор, прогрел масло, подвинул сектор газа до упора вперед. Перебоев не было. Приборы работали нормально. Можно взлетать.

Набрав высоту около двух тысяч метров и выполнив комплекс пилотажных фигур, я убедился, что на «семерке» можно лететь на выполнение любого задания.

Приземлился. Зарулив на стоянку, я увидел инженера. Он сообщил мне, что командир попросил облетать и второй самолет.

— А что делает Иван Федорович?

— Его вызвал Мельников к себе.

— Ну что ж, облетаем и второй, если он готов.

— Готов, готов. И даже опробован. Все в порядке.

Вскоре я повел машину на взлет. «Як» набирал скорость. Бегло бросил взгляд на показания приборов, контролирующих работу мотора. Температура воды быстро росла. «Ничего, — подумал я, — видимо, двигатель немного перегрели на стоянке. Сейчас встречным потоком воздуха охладится, и все станет на свое место».

Шторки водяного радиатора полностью открыты, однако мотор греется. Прекращать взлет поздно: самолет набрал скорость и оторвался от земли. Температура воды поднялась до максимума. Вот стрелка уже перешла далеко за сто градусов и побежала по красной черте до упора. Аэродром кончился, за ним начался крутой овраг.

Впереди нет даже малой площадки для посадки. Выход один — садиться только на аэродром.

«Як» медленно набирает высоту. В кабине пар. Еще несколько секунд, и его набралось столько, что я почти ничего не вижу. Открываю фонарь кабины и впускаю свежую струю воздуха. Но это ничего не дает. Горячий пар обжигает лицо. Надо сажать самолет. Но как? Посадить прямо перед собой невозможно. Значит, разворот на 180 градусов, вопреки всем наставлениям.

Мотор по-прежнему работает, но тяга постепенно падает. Плавно выполняю разворот. Вот уже виден аэродром. Остается подвернуть самолет всего на несколько градусов, чтобы попасть на взлетно-посадочную полосу. Разворот выполняю на предельно допустимой скорости и со снижением. Высота теряется с каждой секундой. Остается чуть больше десятка метров. Еще, еще немного. Но мотор замолк, заклинился от перегрева. Самолет задрожал, резко накренился в обратную сторону разворота и вначале плоскостью, затем фюзеляжем ударился о землю. Несколько раз перевернулся с крыла на крыло.

Открыв глаза, я увидел себя в обломках «яка». От него почти ничего не осталось. Поднялся, отошел на несколько метров от места падения и сел на снег. Не заметил, как подъехала полуторка с приспособлением для вращения воздушного винта (стартер), как врач Цоцория помог мне подняться, усадил в кабину и отвез в военно-полевой госпиталь, который находился в населенном пункте Пичуга, где мы жили. Не помнил я и того, как сняли с меня меховую летную куртку, шлемофон и положили на операционный стол.

У меня был перебит нос, пробита лобовая пазуха, при падении ларингофоном разрезана правая челюсть. Лицо обожжено паром, залито кровью и бензином во время неоднократного кувывкания самолета.

Мне сделали операцию.

— Везучий ты, парень, — удивленно проговорил Георгий Исламович. — Третий раз попадаешь в переделку, из которой многие уходят к предкам. А тебе везет. Кости, что ли у тебя железные?.. Очень рад, Яша, за тебя. Очень рад. Трех смертей не миновать, а четвертой не бывать, — переиначил он поговорку. — Теперь ничто тебя не возьмет до самого конца войны, до победы. Приедешь домой целым и невредимым. Женишься на самой красивой де-

вужке, и пойдут у вас дети. А ты им будешь рассказывать, как доктор Цоцория делал тебе операцию, перевязывал и предрекал бессмертие.

Милый доктор! Он успокаивал меня, воодушевлял, но не надеялся на благополучный исход. Горлом шла кровь, и все думали, что не жилец я на белом свете. После я узнал, что Цоцория высказал свои опасения командованию полка.

— Лежи, Яша. Побудешь в госпитале с недельку и станешь как новый целковый.

— Отпусти домой, доктор, — попросил я Цоцорию.

Глаза у него сделались круглыми.

— Домой? — поразился он. — Как это — домой?

— А так, к ребятам.

— Хм... Что же, домой так домой, — развел он руки в стороны. — Леночка, проводи гвардии старшину домой! — приказал он медсестре.

Хотя до дома было всего метров тридцать, добрался я с трудом. Смотрел только правым глазом, да и то чуть-чуть. Левый заплыл от огромного лилового волдыря.

Лет до ста расти
Нам без старости,—

декламировала Леночка сквозь слезы. Бодриться ей приказал доктор, и она бодрилась.

Уже в постели я почувствовал, что болит голова. Хорошо еще, что перед вылетом привязался плечевыми ремнями, успел их застопорить. Это спасло. И хотя ремни были оборваны, при падении часть удара они самортизировали. А головой я ударился о прицел, потом об обломки «яка»...

Так и провалялся недели две. Но теперь хворь была позади. Когда Лимаренко ушел, я сел у окна, чтобы посмотреть на стоянку самолетов. Готовы наши «яки» к перелету, к новым боям. Настроение, как ртуть в термометре, поднялось. Я даже потихоньку запел:

И когда не будет
Гитлера в помине...

Пойду к Евгению Петровичу. Может быть, разрешит слетать для пробы сил. В самом деле, чего ждать? Ребята вот-вот снимутся с аэродрома. Надо и мне за ними тя-

нуться. Только на чем лететь? Обычно после длительного перерыва летают на учебных или учебно-боевых самолетах, а у нас в полку ни тех, ни других нет. А что, если попроситься на боевом?

Радости моей не было предела. Командир полка разрешил вылет на Як-1.

— Иди на аэродром, бери свой самолет и тренируйся, — сказал он.

Машина была исправна, и спустя несколько минут я взлетел. Перевел «як» в угол набора высоты. Скорость заданная, стрелка высотомера быстро ползет вправо. Можно выполнять первый разворот, но у меня такое ощущение, будто скорости нет и самолет может сорваться в штопор. Черт бы побрал это ощущение! Ведь не врут же приборы? Какой штопор? Это страх, будь он неладен...

Продолжаю набирать высоту. Создаю крен для разворота всего-навсего на несколько градусов. Однако боязнь не проходит. Чего же бояться? «Мессеров» поблизости нет, высота достаточная. Еще месяц назад я делал такие глубокие виражи, что с земли поднимались снежные вихри. А теперь, выходит, боюсь... К дьяволу боязнь! Гитлеровцев только начали гнать на запад, до конца войны еще далеко. Впереди столько воздушных боев, а я раскис. Поддаться страху — значит потерять все, что было накоплено годами, потерять уверенность в своих силах, заживо похоронить себя. Нет, нет!

Четыре тысячи метров. Заставляю себя делать виражи. Вначале с креном 30, потом 40 и под конец 50—60 градусов. Чувствую — если сорвусь в штопор, то успею выйти из него: запас высоты большой. Даже если ошибусь, все равно успею.

Выполнив комплекс фигур, опускаюсь ниже и повторяю пилотаж. Еще ниже, и снова комплекс фигур. Ушла боязнь, прошел страх. Я победил самого себя. Ай да Яшка! Ай да молодец!

После таких пяти полетов я уже был готов выполнять любое задание, вести воздушный бой на любой высоте с любым противником.

— Добрый пилотята, — хлопнул меня по плечу Евгений Петрович Мельников. — Я и не сомневался в тебе, потому и разрешил вылет на боевом самолете. Ну что ж, считай, что ты опять в соколином строю. Бей, Яков, фашистов смертным боем!

Еще до начала ранней в этом году весны 1-я гвардейская истребительная авиадивизия перелетела сначала на аэродром Кузминки, потом — в Фатеж, под Курск, где стояли также бомбардировщики и штурмовики. Теперь наша 16-я воздушная армия входила в состав Центрального фронта (бывший Донской) и обеспечивала боевые действия 65-й и 70-й общевойсковых и 2-й танковой армий.

Готовясь взять реванш за провал зимней кампании, гитлеровская клика усиленно вооружала свою армию новыми танками типа «пантера» и «тигр», самоходными орудиями «фердинанд», оружием и боеприпасами. Наши соседи по аэродрому, летчики-штурмовики и корректировщики с Су-2, говорили, что им уже приходилось встречаться с модернизированными Хе-111 и новыми фашистскими самолетами. Это были «Фокке-Вульф-190» и «Хеншель-129». Первый имел сильное вооружение (четыре пушки и шесть пулеметов) и большую скорость — свыше 600 километров в час. Второй предназначался для непосредственной поддержки пехоты, вроде нашего «ила».

— Посмотрим, что это за птицы, — задумчиво сказал Иван Федорович Балюк. — А пока надо подробно расспросить ребят об этих самолетах. Займись-ка этим ты, Яков. Что узнаешь — летчикам эскадрильи расскажи. Сгодится, особенно в первых боях. А там и сами узнаем, что к чему. Собьем парочку-тройку и узнаем.

— Дуга велика, узнаем, — согласился я с командиром.

Орловско-Курский выступ и впрямь был велик. Линия фронта змеилась восточнее Орла, круто выходила на запад, пересекая железную дорогу Брянск — Львов, затем шла на юг и к юго-востоку от Сум поворачивала на Белгород. Одновременными мощными ударами с севера и юга немцы намеревались отрезать Орловско-Курский выступ, разбить наши войска и в дальнейшем двинуться к Дону и на Москву.

Группы армий «Центр» и «Юг» усиливались свежими силами, перебрасываемыми с других фронтов, из глубокого тыла — самой Германии и Франции. Разумеется, нам, рядовым летчикам, мало что было известно о численности вражеских и своих войск на этом плацдарме. Однако радио и газеты настораживали, обращали внимание бойцов и

командиров на необходимость подготовки к жесточайшим боям. Мы догадывались, что помимо живой силы, танков и артиллерии враг готовил к броску на Орловско-Курскую дугу и свою авиацию. Догадывались потому, что в тревожном небе разведчики замечали целые косяки самолетов. Но большинство воздушных стервятников укрывалось вдали от Курского выступа. Ближе к линии фронта они слетелись потом, когда грянуло великое сражение.

Нам не было известно, что южнее Орла сосредоточивался 6-й воздушный флот, усиленный пятью авиационными группами, переброшенными из Германии, Франции и Норвегии. Мы не знали, что севернее Харькова концентрировал силы 4-й воздушный флот, в состав которого к началу наступления дополнительно прибыли пять бомбардировочных групп, одна истребительная и две группы пикировщиков. Воздушная армада гитлеровцев насчитывала более 2000 самолетов — три четверти всей авиации врага, действовавшей на советско-германском фронте.

Да, об этом никто из нас, рядовых летчиков, не имел представления. Мы знали, что в этом районе вражеской авиации, вероятно, не меньше, чем было под Сталинградом в ноябре — декабре прошлого года. Изю дня в день фашистские разведчики все чаще пролетали над расположением наших войск, кружили над Фатежем, появлялись над нашим аэродромом. Бывали случаи, когда на соседний полк, расположенный в противоположном конце большой поляны, падали бомбы. Не просто падали, их прицельно сбрасывали немецкие летчики. Машины нашего полка не были видны с воздуха, они стояли в кустарнике.

Курский выступ обороняли Центральный и Воронежский фронты. Никто из нас точно не знал, какие силы противостоят противнику. Знали, что сила есть, и сила грозная. Во время вылетов на барражирование мы видели расположение и подход войск. Они шли от Тулы и Липецка, от Воронежа и Лисок, шли, что называется, со всей Руси великой. Наш аэродром был забит самолетами самых различных назначений. А ведь таких аэродромов было немало. Значит, есть сила у Красной Армии, есть сила у советского народа!

Любопытный стенд оформили полковые комсомольцы, возглавляемые Иваном Петровичем Литвинюком. На большом фанерном щите был показан вклад трудящихся нашей Родины в укрепление могущества отечественной

авиации. Это был довольно длинный список. Вот как он примерно выглядел:

— 14 января 1943 года железнодорожники Приморской ж. д. внесли из личных средств более 3 млн. руб. на строительство самолетов для Красной Армии.

— 3 февраля трудящиеся Новосибирской области собрали около 116 млн. руб. на строительство боевых сибирских авиаэскадрилий «За Родину».

— 11 марта трудящиеся Татарской АССР внесли 100 млн. руб. на строительство эскадрилий боевых самолетов «Советский Татарстан»...

Несколько ниже на этом стенде отмечалось, что в 1942 году авиационная промышленность выпустила самолетов на 75 процентов больше, чем в 1941 году.

Повсеместно рабочие, колхозники, интеллигенция и воины Красной Армии собирали средства на увеличение производства танков, артиллерии, боевых кораблей и других средств вооружения. Это был невиданный всенародный патриотический подъем, вызванный горячим желанием как можно быстрее сокрушить ненавистного врага, увидеть землю свою свободной и вновь счастливой.

Готовясь к активным боевым действиям, мы проводили учебно-тренировочные полеты, изучали районы боевых действий с воздуха, обучали молодежь воздушным боям и штурмовым действиям, разведывали вражеские аэродромы, места скопления войск противника, зорко вглядывались в каждый населенный пункт, каждую железнодорожную станцию. Все пригодится, дай срок.

Не сидели сложа руки орловчане, воронежцы и куряне. Они копали траншеи, ремонтировали дороги, расширяли аэродромы, готовили обмундирование для армии, снабжали ее продуктами питания, пополняли фронт молодыми патриотами.

Почти всю весну, вплоть до начала мая, радиопередачи начинались одной и той же фразой: «...на фронтах существенных изменений не произошло». Потом разгорелось серьезное сражение на Кубани, где советская авиация стремилась завоевать господство в воздухе и обеспечить успешное наступление наземных войск. Несколько дней не прекращались схватки северо-восточнее Новороссийска. И снова затишье, снова «ничего существенного». Из сообщения «Два года отечественной войны» мы узнали о наших и вражеских потерях, о расстановке стратегиче-

ских сил в мировом масштабе. Об этом же был приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Итоги не то чтобы радовали, а внесли ясность, конкретность в общую обстановку. Мы жили предстоящей грозой, о которой, как и положено, радио и газеты молчали. Так почти до середины лета «ничего существенного» и не произошло.

А между тем 54-й гвардейский истребительный авиаполк сопровождал самолеты Ил-2, действовавшие по войскам противника в районе Белгорода. Ходили мы и на сопровождение Пе-2 из 3-го бомбардировочного авиакорпуса, отдельными группами связывали в воздушных боях истребителей противника. Прикрывали от воздействия вражеской авиации города Курск и Льгов, освобожденные от гитлеровских захватчиков 10 марта, а несколько позже — Комаричи и Севск.

Летали мы также на разведку и сопровождение корректировщиков. И однажды два экипажа «яковлевых» из соседнего полка и самолет Су-2 не вернулись с задания. Надо было узнать, какие методы борьбы применяет противник в воздушном бою. Эту задачу предстояло решить нашей эскадрилье.

— Вот что, Иван Федорович... — Гвардии подполковник Мельников редко называл подчиненных по имени-отчеству, и такое обращение насторожило меня и в первую очередь, конечно, самого Балюка. — Поведешь четверку. За нашим корректировщиком будут охотиться «мессершмитты» или «фокке-вульфы». Смотри в оба. А то вон вчера соседи не вернулись...

Объяснив задачу, командир полка, как обычно перед вылетом, сказал:

— Счастливо!

И пожал нам руки.

Капитан Балюк и его ведомый Александр Денисов представляли ударную группу, я с напарником Николаем Крючковым, ладным красивым парнем, — группу непосредственного прикрытия.

Над линией фронта в заданном районе было спокойно. Су-2 приступил к выполнению своей задачи, а мы в свою очередь осматривали воздушное пространство, чтобы вовремя увидеть и встретить противника. А в том, что вражеские истребители с минуты на минуту появятся, никто из нас не сомневался.

И. И. Кобылецкий

Ч. К. Бенделиани

И. Ф. Балук

Б. М. Ривкин

В. А. Лимаренко

В. К. Поляков

В часы досуга

Управление 54-го гвардейского истребительного авиаполка

Н. И. Крючков

В. К. Слесарев

Разбор воздушного боя

Мы еще на земле подготовили несколько вариантов воздушного боя и взаимодействия между собой, но шаблона не могло быть на все случаи, и надо было готовиться к неожиданному. Обстановка может сложиться так, что мне, отвечающему за сохранность Су-2 от взлета до посадки, придется занять место Балюка, а ему — мое.

Появление «фоккеров» не застало нас врасплох, хотя показались они не со стороны противника, а с востока. Правда, было досадно, что наши наземные радиостанции с авиационными представителями, которые должны давать нам информацию о воздушной обстановке, прозевали врага. Они все время балабонили: «Тюльпан», я — «Штык». В воздухе спокойно».

«Не штык, а ржавый гвоздь», — мысленно обозвал я нерасторопного комментатора и, предупредив Балюка об опасности, с ходу пошел в атаку. Но командир не успел прийти на помощь, потому что сам тотчас же вступил в воздушный бой со второй группой истребителей.

Оказывается, «фокке-вульфы» появились почти одновременно: одни сверху облаков, на высоте около 3000 метров, другие под облаками, на нашей высоте — 1200 метров. Противник действовал смело и уверенно, рассчитывая на легкую победу. Еще бы! Новый истребитель был королем воздуха, по мнению фашистских летчиков. Притом шестеро против четверых. Да еще и преимущество в высоте на их стороне.

«Что ж, — вспомнил я, — вот и встретились с этими «птицами», как о них говорил когда-то Иван Федорович Балюк. Теперь посмотрим, разберемся — что к чему...»

Пара «фоккеров» то и дело нагло пикировала на Су-2, используя свое преимущество. Мы отгоняли немцев лобовыми атаками. Видно, боятся лобовых, резко уходят вверх. Что же дальше? Начинают пробовать различные варианты: одновременные атаки, последовательные. Но атакуют только Су-2. Нет, к своему корректировщику мы вас не допустим!

Вскоре появилась еще одна пара вражеских истребителей. Теперь на каждого из нас по два «фоккера». Я предупредил командира Су-2 по радио, чтобы он заканчивал свою работу и шел домой: время, отведенное для выполнения задания, заканчивалось. Без Су-2 нам будет легче воевать с «фокке-вульфами». Если надо, можно будет с боем отойти на свою территорию. А там, смотришь, коль

понадобится помощь, взлетят наши «яки»: четверка или минимум пара сидит на аэродроме в первой готовности.

— Домой! — повторил я для Су-2, не отрывая взгляда от неприятеля: не увязались бы за корректировщиком.

Верхняя пара стервятников снова идет в атаку. Выждав удачный момент, контратакую, но тут же на помощь своим ринулась вторая пара «фоккеров». Николай Крючков, прикрывающий меня, делает резкий полупереворот влево и бросается на ведущего второй пары. Су-2 понял нашу тактику, лег в глубокий вираж. Правильно делает: истребитель, попытавшийся нанести удар по корректировщику, поставил себя под удар Николая. Крючков парень не промах. Воспользовавшись ошибкой врага, он всадил очередь в «фоккера». Фашистский самолет перешел на снижение, задымил. Преследовать его нет времени. Главное — сохранить Су-2.

Подбитый немец ушел, а следом за ним потопал его ведомый. Осталось шесть вражеских истребителей. Вокруг Су-2 образовалась вертикальная карусель. Немцы во что бы то ни стало хотят его сбить, мы изо всех сил не даем. Так и тянем в сторону своего аэродрома, отбивая наскоки врага.

Но вот через несколько минут нас догнала еще пара «фоккеров». Балюк вступил в бой. Быстро сопроводив корректировщика домой, мы с Крючковым поспешили на помощь капитану и Саше Денисову. Вскоре увидели, как «яки», пристроившись в хвост «фокке-вульфам», гоняются за ними на левых виражах. Впрочем, кто за кем гоняется, трудно сказать: наших двое, немцев четверо...

Увлеченные воздушным боем, гитлеровцы, вероятно, не ожидали нашего появления. Мы свалились на них сверху и сзади мгновенно.

— Командир, держись! — крикнул я Балюку и ударил из пушек и пулеметов по мотору «фоккера».

«Фоккер» перешел в обратный крен и, прижимаясь к лесу, пытается уйти. Не добит? Перевожу самолет в повторную атаку. Но открыть огонь не успеваю: «фоккер» начал цепляться за верхушки деревьев. Потом он развалился на части.

Иван Федорович, воспользовавшись нашей помощью, также подбил один самолет. Остальные трусили и обратились в бегство.

Мы пошли домой: горючего оставалось только для того, чтобы с ходу произвести посадку.

— Ну как? — спросил я по радио рядом идущего Брючкова.

— Здорово!

— Сильны ли «фоккеры»? — послышался вопрос Балюка в наушниках.

— Не на тех напали! — задорно ответил Денисов.

Вечером командир эскадрильи собрал всех летчиков и рассказал об особенностях боя с «королем» неба — «Фокке-Вульф-190».

— Выходит, и «королей» бить можно! — воскликнул Илья Чумбарев, когда Балюк закончил беседу.

— Можно. И нужно. На то мы и гвардейцы, — сказал капитан.

Управление по радио авиацией на земле и в воздухе стало занимать теперь одно из важных мест во время ее самостоятельной работы и во взаимодействии с сухопутными войсками. Особенно большое значение радиоуправление имело при совместных действиях истребителей, бомбардировщиков или штурмовиков. Теперь уже все самолеты были оборудованы радиоаппаратурой — приемниками и передатчиками, и, если радио выходило из строя, машина считалась неисправной и в воздух не поднималась.

Прежде кое-кто из летчиков, как известно, недооценивал значение радиооборудования. В нынешних условиях, когда авиация значительно выросла в количественном отношении, четко определились ее виды и задачи каждого из них, во многом изменилась тактика боевого применения, произошли многие другие преобразования, авиаторы поняли — четкое управление без радио невозможно. Вот почему недоразумения, подобные тому, какое было со станцией наведения «Штык» в предыдущем полете, вызывали досаду.

В связи с этим во все полки нашей армии было разослано указание по использованию воздушной радиосети. Подписал его начальник связи 16-й ВА гвардии подполковник Игнатов, утвердил начальник штаба. Этот документ гласил:

«1. Для удобства управления бомбардировочной и штурмовой авиацией при решении ею задач в сопровож-

дении и под прикрытием истребителей и для разгрузки сети наведения с мая установить отдельную специальную волну взаимодействия...

2. Для истребителей, действующих... по прикрытию наших войск и ведению воздушного боя с целью завоевания господства в воздухе, установить отдельную волну наведения.

3. Каждая из истребительных авиационных частей, в зависимости от боевых задач, решаемых ею, может войти в радиосеть воздушного взаимодействия и работать в этом случае на волне взаимодействия, сохраняя присвоенные ей позывные по прилагаемой таблице.

4. Рации наведения у линии фронта, которые, как правило, работают на волне наведения, при необходимости предупреждения о воздушной опасности следует перестроить на волну взаимодействия и работать на ней, руководя воздушным боем истребителей сопровождения. После окончания боя рации наведения опять перестроить на волну наведения.

5. Все наземные рации дежурят круглосуточно на волне наведения. При вылетах самолетов, работающих на волне взаимодействия, на аэродроме должны вступить в действие те приемники, на которых необходимо слушать экипажи на волне взаимодействия»¹.

Претворение в жизнь этих указаний имело большое значение, поэтому летчики, штабные работники, связисты и радиоспециалисты отнеслись к ним со всей серьезностью.

— Связь, и прежде всего радио,— наши глаза и уши,— неустанно повторял начальник связи полка капитан Бархатов Иван Кондратьевич,— и мы не имеем права пренебрежительно относиться к ней, тем более в канун напряженных больших боев.

Кажется, ни в одной эскадрилье не было такого самолета, на котором бы Бархатов лично не проверил состояние радиооборудования. Беспокойный, хозяйственный был специалист, к себе относился с большой требовательностью и с подчиненных спрашивал строго и справедливо.

Впрочем, забот хватало не только полковому связисту, но и начальникам других служб, офицерам, ответственным за все стороны жизни и боевой деятельности части.

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. над, оп. 1, д. 5, л. 124.

В период подготовки к большому сражению во все полки воздушной армии, в том числе и к нам, поступало пополнение. Молодые летчики, только что окончившие учебные заведения, разумеется, не имели боевого опыта. Командование организовало учебу этого контингента. Молодежь осваивала новую для нее материальную часть, знакомилась с районом предстоящих действий и характерными ориентирами на его территории, перенимала все то лучшее, что было накоплено старшими товарищами в области тактики.

Не все одинаково быстро и хорошо усваивали этот сложный комплекс учебных задач. Случались недоработки и ошибки, которые влекли за собой определенные, порой неприятные, последствия. Так, старшина Березин из третьей авиаэскадрильи во время посадки слишком рано начал выравнивание, в результате свалил машину на крыло и совершил поломку. Комсомольцы эскадрильи, внимательно разобрались во всем и пришли к выводу, что в поломке повинен сам Березин, и объявили ему взыскание. Полковое бюро ВЛКСМ утвердило это решение.

К сожалению, невнимательность и даже халатность допускали и отдельные опытные летчики. В нашей эскадрилье, например, небрежность во время рулежки самолета проявил гвардии младший лейтенант Денисов. Пришлось на его «яке» менять погнутый воздушный винт. Коммунисты строго взыскали с Александра, вынесли ему выговор. Я тоже, как член партийного бюро, голосовал за это взыскание, несмотря на то что дружил с Денисовым: дружба дружбой, а служба службой.

Неточное соблюдение требований наставления по производству полетов и других документов, регламентирующих боевую работу в воздухе, необоснованное высокомерие к противнику, которого «под Сталинградом разбили и тут разобьем», и ряд других причин привели к тому, что группа летчиков нашей дивизии, в большинстве своем молодые, неорганизованно, не по-гвардейски провели воздушный бой.

Противник в составе семи Ю-88, восьми ФВ-190 и четырех Ме-109 находился в районе села Ржава, когда по тревоге были подняты пять Як-1 из нашего полка и тринадцать «аэрокобр» из полка соседней части, которой командовал офицер Хлусович. Силы были равными, однако наши летчики не смогли одержать эффективной побе-

ды над врагом. Немцы потеряли два самолета, мы недо считались тоже двух. Из части Хлусовича был сбит гвардии младший лейтенант Голубчиков; он скончался от ран в госпитале танковой бригады, стоявшей в селе Глебово, и был похоронен в братской могиле в селе Ржава. Причина невозвращения с боевого задания моего однополчанина гвардии младшего лейтенанта Ковалева осталась неизвестной.

Анализируя этот бой, командир дивизии гвардии полковник А. В. Утин указал на характерные недостатки. Он отметил прежде всего неорганизованность, отсутствие пары как боевой единицы. Большинство наших самолетов находилось гораздо ниже противника, а попытки набрать выгодную для атак высоту непосредственно в районе воздушной схватки встречали противодействие со стороны немецких летчиков. Наши истребители, увлекшись борьбой с неприятельскими истребителями, не предпринимали атак фашистских бомбардировщиков. Иногда «яки» и «кобры» открывали огонь с большой дистанции, что, естественно, не давало должных результатов.

В заключение командир дивизии дал указания, направленные на устранение недостатков, и призвал летчиков к повышению бдительности на земле и в воздухе, к всемерному укреплению дисциплины и строгому соблюдению требований руководящих документов.

В соответствии с этим заместитель командира нашего полка по политчасти организовал партийно-политическую и агитационно-пропагандистскую работу. Агитаторы из числа коммунистов и комсомольцев проводили в звеньях и эскадрильях беседы, в которых предостерегали сослуживцев от ошибок, допущенных летчиками Березиным и Денисовым, разъясняли требования командира дивизии.

Члены партийного бюро, активисты и руководящие офицеры полка выступили с беседами и докладами на темы: «Всемерно крепить воинскую дисциплину», «О революционной бдительности в условиях непосредственной близости противника», «Бить врага по-гвардейски». Командование пригласило из соседней части командира эскадрильи капитана Пасечникова, который поделился с нами опытом борьбы с самолетами ФВ-190, рассказал о новых тактических приемах, применяемых вражеской истребительной авиацией.

Большой подъем среди личного состава полка вызвал приказ № 195 Верховного Главнокомандующего, в котором не только подводились итоги борьбы Красной Армии и всего советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, но и конкретизировались формы и методы боевых действий против врага в нынешних условиях, когда за нашими плечами был почти двухгодичный опыт войны, когда мы нанесли противнику ряд крупнейших поражений, когда наш тыл стал крепким, как никогда, и был способен обеспечивать действующую армию всем необходимым.

Приказ нам зачитали, затем разъяснили в беседах и докладах, отдельные его положения популяризировались средствами наглядной агитации.

Повышению боевой готовности, мобилизации всех усилий однополчан на выполнение боевых задач способствовали митинги, которые проводились в связи с заметными событиями в полку, дивизии или армии, а также событиями общенародного характера. Один из таких митингов был посвящен юбилею нашей дивизии. Тогда же ей присвоили наименование Сталинградской, а 54-му авиapolку — Керченский. Как гордились мы этим, сколь высок был моральный дух всех утинцев! Не преувеличу, если скажу, что каждый из нас ощущал нечто вроде дыхания самой истории: ведь и звание гвардейцев и наименование сталинградцев и керченцев должны остаться за нами на долгие десятилетия, навсегда. Это была разумная инициатива, глубоко продуманная и обоснованная мера поощрения защитников Родины. Добрые традиции русской армии, армии Суворова и Кутузова, возрождались и трансформировались в лучшем их качестве.

Запомнился мне и другой митинг. Мы провели его, прочитав в «Правде» ноту Народного Комиссариата иностранных дел о массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд наших соотечественников в Германии. От имени летчиков слово на митинге предоставили мне. Затем выступили комсомолка Трушина, работавшая у нас оружейницей, коммунист техник-лейтенант Таран и другие однополчане. Легко себе представить, какую политическую окраску имели наши выступления, с какой страстью произносили

мы свои короткие речи, сколько в наших сердцах было ненависти к заклятому врагу. Вот что писал в политдонесении начальнику политотдела 16-й воздушной армии полковнику В. И. Вихрову дивизионный пропагандист Минаев:

«На митинге в 54 гиап старший техник-лейтенант тов. Пащенко заявил: «За все зверства немецких мерзавцев, за издевательства и надругательства над мирным населением, за убийства и насилия, за муки, причиняемые раненым и пленным красноармейцам, за разрушение наших сел и городов мы должны сполна отплатить фашистским захватчикам. Для этого технический состав обязан работать так, чтобы наши самолеты ежеминутно были в полной исправности, а летчики должны завоевать превосходство в воздухе, драться еще лучше, чем дрались под Сталинградом...»

Летчик Денисов сказал, что «мы обязаны сейчас подготовить себя к предыдущим боям, чтобы значительно улучшить свою боевую работу. Мы будем драться по-гвардейски, и, чем больше уничтожим врагов, тем лучше будет наш ответ на чинимые немецко-фашистскими оккупантами зверства над мирным советским населением и ранеными и пленными красноармейцами»¹.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю коллектив коммунистов 54-го гвардейского истребительного авиационного полка, который был для меня подлинной школой политического воспитания, институтом гражданского самосознания, академией боевой зрелости.

Таким образом, третья военная весна сыграла большую роль в подготовке к предстоящему сражению, которое вошло потом в историю Отечественной войны под наименованием Орловско-Курской битвы.

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. иад, оп. 1, д. 28, л. 35.

ГРОЗА В СОЛОВЬИНОМ КРАЮ

*...Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.*

Алексей Фатьянов

1

Догорала майская вечерняя заря. Поляна, окаймленная нежной зеленью кустарника, подернулась лилово-сиреневой дымкой ранних сумерек. Разгоряченные от продолжительной и весьма напряженной работы в воздухе, моторы «яков» остывали. Инженер эскадрильи Дрыга шумел, торопил техников и механиков с подготовкой самолетов к завтрашним вылетам. Медленно, словно неповоротливые мастодонты, двигались от истребителя к истребителю спецмашины — бензовозы, маслозаправщики. Позвякивали черные и голубые баллоны со сжатым воздухом и кислородом, гремели дюралевые капоты и заправочные лючки, деловито переговаривались оружейники, прибористы, электрики, проверяющие пушки, пулеметы, приборы и аккумуляторы. Слышались команды механиков: «Дава-ай!», «Сто-оп!».

Но вот постепенно гомон людей, пофыркивание автомашин, стук инструментов и лязг капотов и лючков начали стихать. Все отчетливее становилась тишина весеннего вечера, переходящего в ночь. И в этой тишине яснее доносились с линии фронта редкое уханье орудий, частая пулеметная дробь, приглушенная расстоянием, взрывы бомб, похожие на одиночные удары грома. На далеком горизонте, окутанном темно-лиловым бархатом, вспыхивали зарницы. Языки сполохов, поднимаясь вверх, облизывали небо, как бы пытаясь достать до звезд, безмятежно мерцающих над беспокойной землей.

Настораживающая, неумолкающая какофония фронта клочкотала километрах в сорока на севере, под Орлом, и километрах в ста на западе, около Севска. До Сум и Бел-

города было еще дальше, и здесь, под Фатежом, мы почти не слышали сердитой воркотни, тамошней передовой. Успокоенные относительным затишьем, в густой листве кустарника, обрызганной едва осязаемыми крапинками росы, защекали соловьи. Сначала подал голос один. Робкий, пробный голос — два незатейливых колена. Цвикнул и замер, словно прислушиваясь: отзовется кто-нибудь или одному придется петь. Но солиста услышали его пернатые друзья. Почти рядом с ним зацокал сосед. Потом послышались короткие трели из кустов, уходящих ближе к лесу. А вскоре вся лесная опушка огласилась звонкими соловьиными мелодиями.

— Курские! — восхищенно произнес Илья Чумбаров. — Эх, братцы, до чего я люблю соловьев! Кажется, сто лет их не слышал.

— Сколько же тебе годков от роду? — лукаво спросил Василий Лимаренко. — Если ты целый век не слышал соловьиного пения, то, судя по всему, тебе никак не меньше ста шестидесяти. А?

— Почему ста шестидесяти?

— Сто лет не слышал вот этих певчих птиц, да война идет третий год. А год войны, сам знаешь, к десяти приравнивается. Тебе же, как летчику, год за три засчитывается. Вот и посчитай сам. Три на двадцать — шестьдесят. Плюс сто. Итого сто шестьдесят, — засмеялся Лимаренко.

— Здорова ты, Вася, брехать научился за эти шестьдесят лет, — шуткой на шутку ответил Чумбаров.

Ребята, разлегшиеся на остро пахнувшей вешним настоем траве, попыхивали папиросами, улыбались, изредка вставляли реплики. Саша Денисов ворчливо заметил:

— Помолчали бы, остряки. Не так уж часто слушать вот такое доводится. — Он показал рукой в сторону перелеска.

Ночь звенела руладами — очень светлыми, прозрачными, с какими-то тонкими серебряными переливами.

— Эх, соловушки... — вздохнул Павлик Оскретков и загасил окурок. — Попоют с мая до начала июня, выведут птенцов и умолкнут до следующей весны...

— Ничего, Паша, мы еще столько весен встретим с тобой, столько соловьиных песен наслушаемся! Особенно после войны. Ни тебе дыма, ни огня, ни пальбы. Сиди где-нибудь в палисадничке, попивай душистый чаек и

слушай соловушек,— мечтательно сказал Иван Максименко.

— Когда ей конец, войне-то? — медленно, словно каждому слову приходилось преодолевать преграду, проговорил Павел. — Вот если бы союзники открыли второй фронт, может, и побыстрее бы управились с фашистами.

— Да они вроде бы действуют,— сказал Геннадий Шерстнев.

— Из чего же ты сделал такое заключение? — спросил Саша Денисов.

— Так я же не только соловьев слушаю, но и радио... Диктор так и сказал, что наши союзники оказывают со своей стороны советскому народу все возрастающую помощь вооружением и материалами.

— Что-то я не вижу этой помощи,— скептически процедил Денисов.

— погоди. Не перебивай,— одернули ребята Сашу.

— Ну так вот,— продолжал Геннадий. — За последние месяцы, говорит, союз антигитлеровских государств укрепился совместными и одновременными боевыми действиями против итало-германских фашистов.

— Ха,— усмехнулся Денисов,— то-то, гляжу я, в воздухе то слева от Генки союзник, то справа. Что за чудеса, думаю? Дай поближе подлечу. Захожу слева — Яша Михайлик, пристраиваюсь справа — Илья Чумбарев. Надежные союзники! Эти ни в коем разе не подведут.

Летчики и техники дружно засмеялись.

— Я им серьезно, а они — хихоньки да хахоньки,— обиделся Шерстнев.

— Давай, давай,— выручил его кто-то. — Чем там закончил диктор?

— А закончил вот чем. Мощные удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам с востока слились, мол, с ударами наших союзников по разгрому итало-германских армий в Северной Африке. В то же время авиация союзников наносит все более чувствительные удары по Германии и Италии.

— Ну прямо замполит! Без конспекта шпарит,— не удержался Денисов.

— Между прочим, именно я и попросил его провести в эскадрилье беседу,— неожиданно услышали мы голос заместителя командира полка по политчасти. — Правильно говорил Шерстнев. В ходе войны боевой союз СССР,

Англии и США все более укрепляется. Ну-ка, Яков Данилович,— обратился он ко мне,— посвети фонариком. Кое-что запамätовал...

Я направил полоску света от электрофонаря на блокнот замполита.

— Ага, вспомнил,— полистав странички, сказал он.— Вот одно любопытное письмо. Его писал пленный солдат немецкой танковой дивизии СС «Адольф Гитлер».

Ребята с любопытством слушали.

— Так вот, Фердинанд Мюллер рассказал, что не так давно, проезжая Рурскую область, он вынужден был остановиться в Динсбурге. А почему? Да потому, что там объявили воздушную тревогу. Вы понимаете, товарищи, в глубоком вражеском тылу — тревога! Значит, наши союзники беспокоят гитлеровцев, треплют им нервишки...

Потом поезд этого Мюллера, как он сам говорит, направился к Эссену, но, не дойдя до станции, остановился. Эссен бомбили англичане. Заводы, улицы, целые кварталы, по свидетельству немецкого солдата, были охвачены пожаром. Горели бензохранилища, фабрики и другие объекты. Весь Эссен представлял собой море огня.

— Будет время — вся Германия займется огнем, — глухо проговорил Максименко.

— Эссен, как говорят, — частный случай, — заметил Денисов. — А скажите, товарищ комиссар...

— Комиссаров теперь нет, Саша, — поправил его политработник.

— Это все равно, — улыбнулся Денисов. — Скажите, как все же дело обстоит со вторым фронтом?

— Что ты привязался? Сам, что ли, не знаешь, — попытался кто-то урезонить Денисова.

— Я не Черчилль и не Рузвельт, чтобы знать об этом, — отпарировал Саша.

— Вы знаете, товарищи, что отсутствие второго фронта в Европе спасло гитлеровскую Германию от поражения в прошлом году. Эту передышку гитлеровцы использовали для нового наступления против нас минувшим летом и осенью. Упустить благоприятные условия для открытия второго фронта сейчас, в этом году, — значит нанести серьезный ущерб нашему общему делу. Поэтому наше правительство, Верховное Главнокомандование принимают все меры к тому, чтобы второй фронт был открыт как можно быстрее, в максимально сжатые сроки.

— То нашп, — разочарованно заметил Денисов. — А заморским господам это, как видно, не очень желательно, невыгодно. Известно — бизнесмены...

— А второй фронт, Сашенька, — Илья Чумбарев поднялся на локте, — вот он, рядом. Белгородские, сумские, орловские партизаны. Так шерстят немчуру, аж пыль столбом.

— Что верно, то верно, — вступил в разговор инженер Дрыга. — Слыхатъ, недавно орловский партизанский отряд «Смерть немецким оккупантам» поддал жару фрицам. Налетел на железнодорожную станцию и перебил тамошний гарнизон — человек этак двести, вывел из строя оборудование, входные и выходные стрелки. Такой, говорят, трам-тарарам устроил!

— Вот это я понимаю — второй фронт! — удовлетворенно произнес Денисов.

— Наконец-то успокоился, — бросил Василий Лимаренко. — А то никак не поддавался агитации, соловьиная душа.

Разговаривали еще с полчаса. Первым поднялся замполит:

— Спать, друзья, спать. Завтра — жаркий день.

Летчики и техники не без сожаления покинули облюбованное местечко. Вслед уходящим звенели чистые соловьиные голоса.

2

Поднимались мы обычно с рассветом. Умывшись и на коротке позавтракав, спешили на командный пункт или на стоянку самолетов, прямо к машинам.

В этот день полк был на ногах часа в четыре. Гвардии подполковник Мельников и начальник штаба Антон Васильевич Верещагин подошли на командный пункт, где собрался летный состав, и, приняв рапорты от командиров эскадрилий о готовности экипажей, поставили задачу на день. Предстояла нелегкая работа — прикрывать от налета вражеской авиации город Курск.

Недавно по просьбе партийного бюро полка у нас побывал армейский корреспондент. Он рассказал, что с каждым днем в районе Орловско-Курской дуги интенсивность воздушных боев все более возрастает. Стремясь во что бы то ни стало разрушить Курск, вывести из строя железно-

дорожные узлы, чтобы лишить наше командование возможности подвоза войск, боевой техники, оружия и продовольствия, фашисты посылают на город волну за волной свои самолеты. Летают «юнкеры» и «хейнкели», «мессершмитты» и «фокке-вульфы», штурмовики и корректировщики. Однако бешеные налеты не достигают поставленной цели. Не то время. Немецкая авиация утратила свое бывшее превосходство, и почти каждая схватка в орловско-курском небе заканчивается для врага плачевно...

Хороший был доклад. И в последнее время мы нетерпеливо ожидали приказа о начале большой работы в небе.

— Ну, Яша, — подошел ко мне Николай Крючков, — пожелай мне успеха. Лечу вместе с Максименко.

— Ни пуха ни пера, Коля!

— Пошел к черту, — ответил Крючков и сплюнул через плечо.

Вслед за ним прибежали Саша Денисов и Павлик Оскрятков.

— Нынче без тебя летим, замкомэск. Самостоятельно, — смущенно улыбнулся Павлик.

— Ну что ж, ребята, желаю удачи!

И эти послали меня к черту. Уж так повелось: вместо спасибо — к черту посылают...

Да, летчики шли парами, но все-таки эскадрилью вели капитан Балюк и я: в случае чего ребятам нужно помочь, отвести от них беду. Следом за нами в воздух поднялись две другие эскадрильи, а потом покинули аэродромы остальные полки утинской дивизии. А за нашей дивизией — соседние.

Небо было забито дневными звездами, которым предстояло встретиться с уродливыми фашистскими крестами. И мы встретились. За этот день, как сообщала наутро газета «Правда», наши истребители уничтожили 56 вражеских самолетов. Жгли их и летчики нашего полка.

Максименко и Крючков, подходя к Курску, обнаружили группу «юнкеров», летевших на большой высоте.

— Коля, прикрой, — попросил Максименко и пошел на сближение с бомбардировщиками.

— «Мессеры», «мессеры»! — предупредил своего ведущего Крючков, заметивший истребителей противника.

«Яки» развернулись и бросились в атаку на самолеты прикрытия.

— Атакую ведущего. Прикрой, — передал по радио Максименко.

Пристроившись к Ме-109, он не отставал от него до тех пор, пока не поджег. Фашистский самолет потянул на северо-запад, но не успел перелететь линию фронта, упал где-то южнее Фатежа.

Воздушный бой не прекращался ни на минуту. Одни атаковали «юнкерсов», другие дрались с «мессершмиттами». Поняв, что Максименко и Крючков вынуждены были связать боем истребителей противника, Оскретков и Денисов направили свои «яки» на группу бомбардировщиков. Основная цель именно они — «юнкерсы».

— Атакую, — сообщил по радио Павел Саше.

— Понял. Прикрою, — отозвался Денисов.

Оскретков открыл огонь из пушки и пулеметов по одному из «Ю-87».

— Готов! — радостно выкрикнул Денисов.

Бомбардировщик, не дойдя до цели, загорелся и со снижением потянул в сторону своего аэродрома.

— Бью по второму, — предупредил Оскретков.

Трасса Павлика пронзила фюзеляж «юнкерса». Тот задымил, но продолжал лететь к Курску.

— Сволочь! — выругался Денисов и, вырвавшись чуть вперед, добил фашиста.

— Саша, Саша, — сообщил Оскретков, — на моем самолете, кажется, пробит радиатор...

— Разворачивайся домой. Иди спокойно. Я прикрою.

«Як» Оскреткова повернул в сторону Фатежа, но до аэродрома не успел дойти. Пришлось садиться на вынужденную. Пока Павел не приземлился, Денисов виражил над ним, в любую секунду готовый вступить в драку с врагом.

К вечеру севший в поле «як» техники привезли на аэродром и, облепив его, дружными усилиями восстановили до наступления темноты.

Командир полка поблагодарил Максименко, Оскреткова, Крючкова и Денисова.

— Хорошо, товарищи летчики, деретесь. Так и надо бить фашистскую нечисть.

— Служим Советскому Союзу! — единым духом выпалили ребята.

Выглядели они молодцевато. На их плечах были офицерские погоны, на груди — гвардейские знаки и недавно полученные награды.

По поводу присвоения мне очередного воинского звания произошел смешной случай. Представление на меня было послано одним из первых. Жду неделю, вторую — нет ответа. И вдруг однажды приходит приказ.

— Яша, с тебя магарыч! — весело воскликнул Иван Федорович Балюк. — Сегодня всей эскадрильей обмываем твоё посвящение в доблестное советское офицерство.

Каково же было разочарование, когда я узнал содержание приказа. Мне, старшине, присваивалось звание... старшины.

Ребята хохотали до упаду.

— Старшина в квадрате!

— Двухэтажный старшина!..

Каких только несуразных званий не придумывали для меня друзья!

— Черт бы их побрал, канцеляристов! — негодовал подполковник Верещагин. — Думал, присвоят лейтенанта. Так и в представлении писал. А они вон какой номер выкинули...

— А ты вот что, начальник штаба, — сдерживая улыбку, сказал Евгений Петрович Мельников. — Катай бумагу прямо на капитана.

— Подпишешь? — усомнился Верещагин.

— Непременно подпишу, — заверил командир.

На этот раз мне присвоили звание младшего лейтенанта.

— Что же они теперь-то не «ошиблись»? — язвительно спросил Мельников.

Верещагин даже обиделся:

— Ты так говоришь, будто я виноват...

— Виноват не виноват... Парень давно в заместителях командира эскадрильи ходит, а его все манежили в старшинском звании. Бюрократы!

— Ну ладно, Яков, — обратился ко мне Евгений Петрович, — звание — дело не последнее, конечно, но и не первостепенное. Сколько у тебя сбитых фашистов?

— Сегодня десятого прикончил, — ответил вместо меня Петр Ганзеев.

— Готовь документы.

— Какие?

— Не знаешь, что за десять сбитых самолетов положено? — упрекнул Мельников заместителя начальника штаба полка Ганзеева.

- Знаю — Героя...
- Ну, так и пиши. Понял?
- Так точно, товарищ подполковник!

3

Дружно занималось русское лето. Где-то за нами, в тылу, люди сеяли гречиху и лен, начинали ранние покосы, сажали поздние огурцы и рассаду. На полях первым наливом тучнела рожь. Буйно зацветали луговины, запах от которых доносился за две-три версты. И все эти переливы красок и цветов, завязи и наливов, садовые и полевые ароматы — всю благодать земли русской пытаются выжечь, искромсать, изуродовать пришельцы с запада, дикари, варвары. Они бьют по городам и селам, по железнодорожным станциям и аэродромам. Бьют для того, чтобы сломить нашу силу, а сломивши ее, топтать, грабить землю, чинить произвол и насилие.

Мы больше всего знаем о тех недругах, что крадутся по небу вдоль дорог Орел — Курск, Брянск — Львов, Сумы — Белгород... Крадутся, чтобы по-воровски ударить и удрать восвояси. Но для того мы и бросили свои поля и луга на руки стариков и женщин, чтобы отбить охоту немецким вора, убийцам и насильникам ходить в чужие земли, ушкуйничать в них. Вот и сейчас я и мои товарищи сидим на Фатежском аэродроме в готовности номер один. В случае необходимости мы должны отразить налет противника на наш аэродром или подняться в воздух для наращивания воздушного боя однополчан с немецкими истребителями. На ярком солнце раскалились кабины. Капельки пота выступают на лице и плавно скатываются по щекам. На губы стекает солоноватая влага.

Душно. Скорее бы подняться в небо или, сменившись с дежурства, вылезти из кабины, размяться, закурить крепкой махорочки, завернутой в жесткую газетную бумагу. Я смотрю на часы, монотонно тикающие на приборной доске, потом поворачиваю голову влево и вправо. Там сидят в самолетах Максименко, Крючков и Денисов. Ждут боевого приказа. В случае сигнала мы поднимемся в воздух вчетвером. А потом уж на помощь нам взлетят остальные друзья по эскадрилье. А если надо — весь полк взмлет в небо.

Рядом с плоскостью сидит на самолетном чехле механик Юрий Терентьев. Где-то теперь Шаповалов, чей самолет обслуживают его золотые руки? Из-под Сталинграда моего техника перевели в другую часть. С повышением перевели. Теперь он техник звена, а может быть, и Дрыгу догнал — в эскадрилье хозяйничает.

К Терентьеву подошел его товарищ, тоже механик, обслуживающий самолет младшего лейтенанта Ивана Ищенко. Ищенко с полчаса назад улетел на боевое задание вместе с капитаном Кобылецким и еще двумя летчиками. Они сопровождают Су-2, который должен корректировать артиллерийский огонь.

Мы еще не знали, что самолет Ивана Ищенко, атакованный ФВ-190, загорелся и, упав на землю, взорвался. Сам Ищенко не предпринял попытки выбраться с парашютом. Видимо, был тяжело ранен или убит в воздухе.

Подробности воздушного боя нам стали известны, когда три экипажа во главе с И. И. Кобылецким возвратились домой.

Сопроводив корректировщика к линии фронта, наши летчики внимательно всматривались в сторону территории противника — ожидали «фоккеров», которые с появлением Су-2 непременно должны были прибыть по вызову своих наземных войск. Однако истребители, вопреки ожиданиям, не пришли. Трудно представить, по какой причине они не вышли наперехват, ведь артиллерийские снаряды то и дело накрывали наземные цели, буквально не давали немцам поднять головы.

Выполнив свою задачу, корректировщик взял курс на свой аэродром, а «яки», так и не дождавшись истребителей противника, шли следом за своим подопечным. Кобылецкий с ведомым находился в непосредственном прикрытии Су-2, а пара Ивана Ищенко летела выше и левее, со стороны солнца, внимательно просматривая воздушное пространство.

На подходе к аэродрому нашу группу встретила шестерка неизвестных самолетов. Не заметно было привычных эволюций, обозначающих, что это свои, а не противник, не слышалось и радиосигналов. И все-таки Ищенко еще издали определил, что идут вражеские машины, и предупредил ведущего:

— Впереди «фоккеры»! Будьте внимательны. Атакую!

— Понял, — ответил капитан. Для безопасности он на-

правил Су-2 в облачность и сам, набрав высоту, занял выгодное положение для атаки ФВ-190.

Ищенко со своим ведомым вступили в воздушный бой с четверкой немецких истребителей, а пара «фоккеров» прорвалась к корректировщику. Вот когда наступил момент для наращивания сил. И Кобылецкий немедленно радировал на КП:

— Вышлите подкрепление. Веду воздушный бой в тридцати километрах северо-западнее аэродрома.

Тотчас же зеленая ракета прочертила дугу над стоянкой самолетов. Это был приказ для нашего дежурного звена. Значит, надо помочь нашим ребятам. И мы пошли на взлет.

А тем временем Иван Ищенко меткой очередью подбил одного «фокке-вульфа» и, не выходя из боя, сорвал атаку второго «фоккера», который пытался ударить по «яку» его ведомого. Воспользовавшись занятостью летчика, вторая пара немецких истребителей подожгла самолет Ищенко. Гвардеец сражался с врагом до последней возможности и пал в воздушном бою смертью храбрых.

Уже находясь над аэродромом, я услышал знакомый басистый голос командира:

— «Тридцать третий», набирайте высоту в стороне от точки. К нам подходит шестерка «фоккеров». Будьте внимательны.

Этот голос я мог бы различить из тысячи голосов, говорящих одновременно. Вот уже почти два года вместе с Евгением Петровичем Мельниковым хожу по земле, летаю в воздухе. Шаг в шаг, крыло в крыло.

— Понял, — ответил я командиру полка и мысленно поблагодарил его, вспомнив вылет в паре с Ефтеевым в начале войны. Для меня это была горькая, но большая школа опыта.

Итак, нас переориентировали. Но почему? То ли потому, что группе Кобылецкого уже была не нужна помощь, то ли потому, что налет шестерки вражеских истребителей грозил большей опасностью? Гляжу по сторонам — нет ли где «фоккеров», которые могут на взлете перебить все мое звено. Кажется, не видать. Пройдя несколько километров на бреющем полете, набираем высоту в направлении солнца, потом будет удобнее атаковать «фокке-вульфов», намеревающихся блокировать наш аэродром.

На мой запрос: «На какой высоте противник?» — Мельников ответил:

— «Фоккеры» ходят парами по большому кругу на высоте трех-четырёх тысяч метров. Подходи к ним скрытно!

— Иду к вам, — ответил я. «К вам» — значит к аэродрому.

Истребители противника, по-видимому, основное внимание обращали на соседний, плохо замаскированный аэродром и почему-то не штурмовали наши самолеты. Вероятно, упорно ждали, когда те будут взлетать. Это дало нам возможность подойти к аэродрому скрытно, со стороны солнца. Одну пару «яков» на всякий случай я оставил значительно выше «фоккеров», а сам с ведомым перешел в атаку, разгоняя скорость на пикировании.

Самолеты противника — два выше, а четверка несколько ниже — выжили правым пеленгом, растянувшись на большой дистанции. «Как дома, сволочи!» — невольно ругнулся я. Расстояние сокращалось очень быстро. Вот уже верхняя пара «фоккеров» зажата в клещи с двух сторон. Вначале они, вероятно, не заметили нас, а когда мы сблизились на дистанцию открытия огня, ведущий начал резко разворачиваться влево со снижением, то есть как бы прятаться под нижнюю четверку своих истребителей. Однако энергичный разворот не спас его от гибели. Перекрестье моего прицела лежало точно на «фоккере». Огненная струя достигла цели. Ведущий ФВ-190 загорелся и начал беспорядочно падать.

— «Тридцать третий», — услышал я одобряющий голос подполковника Мельникова, — молодец!

Отвечать Евгению Петровичу некогда. Ведомый сбитого поспешил выйти из боя, опасаясь разделить судьбу своего ведущего. Что ж, топай. Есть кого бить кроме тебя. Выйдя из атаки боевым разворотом, мы снова ринулись на врага. Вторая наша пара отлично прикрывала меня и моего ведомого, в любую минуту была готова кинуться на выручку.

Очередной противник выскользнул из-под прицельного огня, хотя мы и зашли со стороны солнца. Еще атака — и снова безрезультатно. Переходим на вертикальные фигуры, чтобы зайти в хвост и нанести удар по фашистским самолетам. Но, видно, враги были опытные. Не так-то просто их сбить. Вниз — вверх, вниз — вверх... Дико режут

моторы, от напряжения дрожит обшивка «яков», мечутся стрелки приборов, в глазах начинает темнеть от чрезмерных перегрузок. Мы гоняемся за гитлеровцами то у самой земли, то высоко над нею. Они хотят обмануть нас, поймать на оплошности. Мы стремимся перехитрить их.

Схватка продолжалась вот уже второй десяток минут, а удобного момента для удара все еще не было, хотя преимущество по высоте и скорости все время оставалось за нами. Но вот один из «фоккеров» решил оторваться от меня, изменить направление полета на восходящей вертикали. Сначала фашистский летчик пошел на левый боевой разворот, но во второй его половине неожиданно начал переключать самолет в правый. Вот когда он ошибся! Как только его машина начала переход из левого разворота в правый и как бы задержалась на месте, я открыл огонь. «Фоккер» мгновенно охватило пламенем, затем он взорвался в воздухе и упал в районе Ольховатки.

— Еще раз спасибо, сокол! — снова слышалось в наушниках. Это голос Мельникова.

Я рванул взмокший ворот комбинезона. Уходилась до того, что пот градом катился по всему телу. Осмотревшись, увидел, что немцы, не выдержав боя, стали уходить от наших летчиков пикированием.

Это было одним из их преимуществ. «Фоккеры» пикировали отлично, они почти камнем летели к земле. Что ж, пусть улепетывают. Задачу-то они свою не выполнили, да еще с потерями уходят от нас.

На земле не чаяли нашего возвращения. Наш успех придавал силы не только нам, но и всем однополчанам, которые не отрывая глаз наблюдали за каждым нашим маневром. Особенно ликовала молодежь, прибывшая к нам на пополнение. Воздушный бой над аэродромом вселял в нее уверенность в боевых возможностях отечественных истребителей Як-1.

К возвратившимся с задания летчикам подходили заместитель начальника штаба полка Ганзеев со своей неизменной записной книжкой, куда он заносил результаты полета и боя, парторг Федор Шувалов и секретарь комсомольской организации Иван Литвинюк. Федор и Иван тут же, если позволяло время, организовывали летучие беседы, собирали материал для обмена опытом среди молодых авиаторов, выпускали листовки-молнии, читали свежие газеты.

На щите фанеры, прибитом к стволу ольхи, уже висела одна «молния», на которой среди других была приклеена моя фотография — и где только достали, пронеры! — с подписью внизу: «Слава гвардии младшему лейтенанту Михайлику, сбившему сегодня, 2 июля, два «Фокке-Вульфа-190»! Товарищи летчики, бейте врага, как Яков Михайлик!»

Свободные от боевой работы люди толпились возле щита, обменивались мнениями.

Вечером того же дня весь личный состав полка провожал в последний пугь Ивана Харитоновича Ищенко. Его знали как хорошего воздушного бойца. Он выполнял по четыре-пять боевых вылетов в день с воздушными боями и всегда выходил из них победителем. Противника он встречал смело и дерзко. Таким мы знали Ивана Ищенко, таким он вечно останется в наших сердцах. И, стоя у могилы, мы дали клятву отомстить врагу за боевого друга, прошедшего славный путь от Сталинграда до Курска...

На следующий день приказ на боевой вылет поступил рано утром.

— Счастливого неба! — преданно посмотрел на меня механик Терентьев.

— Спасибо, Юрий! — помахал я ему рукой из кабины и пошел на взлет.

Четверка И. Ф. Балюка, в которую я входил, должна была прикрывать наземные войска от воздействия авиации и артиллерии противника. Артиллерийские налеты немцы чаще всего производили с помощью корректировщика ФВ-189.

Набрав высоту 2500 метров, капитан Балюк запросил наземную станцию наведения:

— «Штык-один», я — «Береза-пятнадцать». Иду к вам. Дайте воздушную обстановку.

— Надо мной «рама» на высоте трех с половиной тысяч метров, истребителей прикрытия не вижу, — откликнулся «Штык-1».

Балюк повернул самолет влево, и мы начали набирать высоту, всматриваясь в сторону солнца, чтобы не прозевать истребителей противника, которые должны прикрывать ФВ-189 и, видимо, находились где-то поблизости.

Вторая пара, ведомая Иваном Максименко, немного приотстала во время перехода на другую сторону, чтобы просмотреть заднюю полусферу.

Командир эскадрильи снова запросил станцию наведения об истребителях противника, и та ответила, что прошло четыре Ме-109, но сейчас их не видно. Тем временем меж облаками появился немецкий корректировщик. Тотчас же я услышал по радио голос Балюка:

— Атакую! Прикрой!

— Понял, — ответил я, внимательно следя за воздушным пространством. И вовремя: с юга на пересекающих курсах шла пара Ме-109.

— «Береза-пятнадцать», я — «двадцать седьмой». Атакую «мессеров».

Балюк ничего не ответил, ему было не до этого: его самолет сблизился с корректировщиком на дистанцию открытия огня. Положив «як» на левое крыло почти под 90 градусов, я со снижением развернулся и пошел в лобовую. Пара Ме-109, пытавшаяся атаковать Балюка, левым разворотом пыталась уйти вверх, чтобы занять выгодное положение для повторного наскока. Однако Максименко и его ведомый прижали немцев сверху, и «мессы», избегая схватки, скрылись в облаках.

Балюк уже выполнял повторную атаку где-то внизу. Чтобы не быть в отрыве от ведущего и дать ему возможность успешно закончить атаку, пришлось полупереворотом занять место рядом с ним. От меткой очереди капитана ФВ-189 загорелся и пошел к земле, а Балюк продолжал бить по нему до тех пор, пока тот не разбился вдребезги.

Взмыв вверх, мы заняли исходное положение для атаки по вновь прибывшим «мессершмиттам». Максименко и его напарник были рядом с нами. Два «мессершмитта», избегая боя, левым боевым разворотом уходили в сторону солнца. Они пытались подловить кого-нибудь из зазевавшихся летчиков, но в нашей группе такого не оказалось.

Сбитый Иваном Федоровичем Балюком корректировщик был восемнадцатым самолетом на его счету. Командование наградило капитана орденом Красного Знамени.

4

Как только солнце начало подниматься из-за горизонта, Балюк, я, Максименко и Денисов вылетели в район Малоархангельска. Погода стояла ясная, как на заказ,

только кое-где на небольшой высоте поднимались облака, несколько густевшие с подходом к линии фронта.

Шли мы двумя парами: Балюк и я — на высоте 3700 метров, Максименко и Денисов — 4000 метров. Горизонтальная видимость обеспечивала хороший просмотр воздушного пространства, так что никакой неожиданности не могло быть.

И в самом деле, для нас не было неожиданностью появление самолетов противника: еще издали сквозь редкие облака мы увидели впереди и ниже себя несколько точек, постепенно приобретающих очертания ФВ-190. Шли они цепочкой друг за другом. Заметив нас, отвернули на несколько градусов вправо и начали набирать высоту. Мы подвернули в их сторону и пошли на сближение с одновременным набором высоты, чтобы иметь преимущество для атаки, ибо высота и скорость в бою — залог победы.

Было видно, что бой предстоит жаркий: на каждого из нас приходилось по два вражеских истребителя. Когда мы устремились им наперерез, они прекратили разворот и пошли на встречно-пересекающих курсах. Одна пара «фоккеров» несколько оторвалась от своей группы, видимо она имела какую-то другую задачу. Какую? Посмотрим.

Ведущий немец принял лобовую атаку, навязанную капитаном Балюком. Я решил атаковать ведомого «месса», который опаздывал с разворотом или избегал встречи с нами. Дистанция сближения быстро сокращалась. Еще одно мгновение — и длинная очередь, направленная под ракурсом одна четверть, пронизала «фоккера». Объятый пламенем, он свалился на землю северо-западнее Ма-лоархангельска.

Выйдя из атаки левым боевым разворотом, чтобы посмотреть заднюю полусферу и в случае необходимости своевременно принять решение на атаку, я увидел, как два ФВ-190 с двух сторон пытаются зажать моего ведущего в клещи. Почувствовав опасность, Балюк почти мгновенно подвернул свой «як» и меткой очередью сбил одного немца. Я развернулся в обратную сторону, свалил самолет на левую плоскость и атаковал «фоккера», который заходил в хвост машины Балюка. Прицельная очередь — и «фокке-вульф» переходит в отвесное пикирование. Каскад фигур — и еще один «фоккер» от меткой очереди Ивана Балюка уходит из боя. Иван Максименко и Алек-

сандр Денисов надежно прикрывали нас сверху. Они не дали возможности ни одному вражескому истребителю достичь преимущества в высоте, и мы спокойно расправлялись с численно превосходящим противником.

Вслед за первым вылетом последовал второй. Третий раз летал на разведку. Время шло к исходу дня, когда я возвратился на аэродром. Сняв парашют и шлемофон, помог Терентьеву замаскировать самолет.

— Больше не будет вылета? — спросил механик. — Если не будет, надо готовить машину на завтра.

— Подожди, может быть, еще придется лететь. Давай покурим.

Терентьев не курил, но всегда со мною соглашался:

— Покурим.

Мы отошли от машины.

— Жарко было? — полюбопытствовал сержант.

— Как в Узбекистане в разгар июля, — затягиваясь дымком, ответил я.

Юрий понимающе улыбнулся.

У штабной землянки стояли подполковник Верещагин и высокий, как пожарная каланча, капитан Ганзеев. Поговорив о чем-то, они посмотрели в сторону самолетов Максименко и Оскреткова, потом Ганзеев поднял вверх ракетницу, и над аэродромом рассыпались зеленые искры ракеты. Тотчас же две машины порулили на старт.

— Юрий, готовь «як» к вылету, — бросил я механику на ходу, направляясь к офицерам штаба.

— Есть! — круто повернулся Терентьев.

Подбежав к Верещагину и Ганзееву, я с ходу засыпаю их вопросами: куда полетели ребята, надо ли готовиться мне... Наблюдая за взлетающей парой, штабисты молчали.

Подошедший к нам командир полка сказал:

— Большая группа бомбардировщиков противника над Поньями. Туда почти полностью пошел соседний полк. Нам тоже приказали подбросить парочку «яков». Ну, Михайлик, рассказывай о разведке.

Достав планшет, я начал докладывать. Капитан Ганзеев записывал результаты разведки в рабочую тетрадь, а начальник штаба то и дело подгонял его:

— Давай, давай быстрее! Разведданные ждут в дивизии. Видишь, какая разгрузка на станциях Комарычи. Для ночной авиации работы хватит с вечера до утра.

Капитан выпытал у меня все, что ему было необходимо, и побежал к телефону.

Мне очень хотелось вылететь на помощь товарищам.

— Летчики-то они опытные, обстрелянные, но ведь там, над Понырями, будет свалка. Оскреткову и Максименко нужна помощь. Разрешите вылететь? Самолет Чумбарева и мой готовы.

Однако нас не пустили ни капитан Балюк, ни подполковник Мельников: не было в том нужды...

Прошло порядочно времени. При благоприятных условиях ребята должны были уже возвратиться на свой аэродром, но их пока не видно и не слышно. Ожидающие начали высказывать разные предположения. Одни говорили, что Максименко и Оскретков произвели посадку на одном из соседних аэродромов, так как было уже поздно. Другие все еще рассчитывали, что летчики вот-вот подойдут. Мы обзвонили все имеющиеся поблизости аэродромы и отовсюду получили один и тот же ответ: нет, нет, нет.

Уже совсем стемнело, а мы все стояли у своей землянки, прислушивались к каждому звуку мотора и не теряли надежды на возвращение однополчан. Многие думали: если сегодня их нет, значит, завтра придут. Не на самолетах, так с парашютами за плечами. Не верилось, что ребята, мечтавшие после победы слушать вешней порой соловьиные песни, не возвратятся.

К нам подбежала Оля, белокурая, невысокого роста официантка. Она пригласила нас на ужин:

— Уже все покушали, кроме вас. Пойдемте.

— Хорошо, — угрюмо ответил Иван Федорович Балюк, — сейчас идем.

Мы спустились в лесистый овраг. Там, за командным пунктом, была летная столовая. Многие уже закончили ужинать. Кто курил, кто читал письма из дому, не успев их прочитать днем, кто слушал патефонную пластинку:

Ты мне ничего не сказала,
Но все рассказала письмом...

Кто-то неуверенно и фальшиво подпевал.

— Довольно, — мрачно бросил Мельников. — Может, еще в пляс пуститесь?.. Идите отдыхать.

Командир переживал потерю двух летчиков. Правда, он еще не был уверен в том, что они погибли, но ведь в полк-то они не вернулись...

Спать мне не хотелось, хотя Терентьев устроил неподалеку от самолета пышную постель — расстелил на свежую траву самолетный чехол, принес одеяло, подушку.

— Что будем пить? — спросил механик, отвинчивая колпачок с горловины термоса.

— Чем ты располагаешь?

— В термосе — вода со льдом, во фляге — квас.

Попили квасу.

— Ну, что там в воздухе нового, товарищ командир? — спросил после некоторого молчания Терентьев.

Механик, разумеется, знал полковые новости и, коль задал такой вопрос, значит, имел в виду значительно большие масштабы. Я рассказал ему обо всем, что было известно самому.

Почти месяц назад закончилась воздушная операция восьми армий, в том числе и нашей, в результате которой были нанесены бомбардировочные и штурмовые удары по целому ряду вражеских аэродромов. Позже стало известно, что наша авиация совершила 1400 самолето-вылетов и уничтожила свыше 500 самолетов противника. Некоторые аэродромы, подвергшиеся налету, были расположены в районе Орловско-Курской дуги. Это ослабило неприятельские воздушные силы, противостоявшие нашему полку, дивизии, армии.

— А помните бои над Курском двадцать второго мая? — спросил Терентьев.

— Помню. Мы отбивали тогда налет немцев на железнодорожную станцию. Нам здорово помогали зенитчики. В тот день, говорят, враг недосчитался более шестидесяти самолетов. Но второго июня бои над Курском были еще сильнее. Небо было забито бомбардировщиками и истребителями. Летчики второй и нашей воздушных армий и сто первой истребительной авиадивизии ПВО сбили сто четыре немецких самолета.

— А зенитчики?

— Тоже хорошо поработали, Юра. Своим огнем они уничтожили более сорока немецких экипажей.

Беседуя о действиях нашей авиации в пределах своей осведомленности, мы с Терентьевым, а может быть и никто в полку, не знали, что с 6 по 10 июня советское командование провело крупную операцию силами 1, 2 и 15-й воздушных армий.

В результате ударов по двадцати восьми вражеским аэродромам, расположенным на центральном и южном участках фронта, было уничтожено 234 самолета противника. Кроме того, было сбито в воздушных боях 246 самолетов. Это, несомненно, в значительной мере ослабило авиационную мощь немцев к началу решительного сражения на Орловско-Курской дуге.

...Наговорившись, мы уснули под звездным июньским небом и проспали крепким, здоровым сном до пробуждения. Сразу же после легкого завтрака мне приказали вылететь на разведку в прежний район. К обеду командир полка Е. П. Мельников сказал мне, что в дивизии довольны данными моей вчерашней разведки и что минувшей ночью бомбардировочная авиация сделала успешный налет на станцию Комарычи.

День шел к концу, а о Максименко и Оскреткове пока ничего не было известно. Затем таким же чередом минули второй и третий день, а Иван и Павел все не возвращались. Наконец в одном из полков уточнили, что, когда летчики вылетали на Поньри, они видели, как впереди их прошла какая-то пара «яков». Затем был горячий воздушный бой. «Яки» врезались в самую гущу самолетов противника, которых было более сорока. Соседи также видели, как в воздухе горело шесть самолетов. С подходом к противнику ребята вступили в воздушный бой. По хвостовым номерам «яков» определили, что с немцами дрались Максименко и Оскретков. Четыре вражеских самолета из сорока они сбили. А что же случилось с ними самими?

— Ваши летчики, — говорили соседи, — могли выпрыгнуть с парашютами или посадить где-нибудь подбитые самолеты...

Долго еще мы ждали их, но так и не дождались. Молодые коммунисты, гвардии офицеры честно выполнили свой долг перед Родиной. На примере мужества и самоотверженности Максименко и Оскреткова училось новое пополнение летчиков, готовившихся к новым боям и сражениям с ненавистным врагом.

...В тот день, когда в полк не вернулись младшие лейтенанты Максименко и Оскретков, над Орловско-Курской дугой были сбиты десятки фашистских самолетов. В конце концов потери заставили гитлеровцев отказаться от дневных массовых налетов на Курск.

Отрадными были и сводки Совинформбюро. В первой декаде июня мы слышали такое сообщение: «Летчик штабного отряда 51-й немецкой истребительной эскадры унтер-офицер Франц Клюг, захваченный 5 июня в плен, рассказал: «22 мая при налете на Курск немецкая авиация потерпела поражение. Командование привлекло некоторых офицеров к ответственности за то, что они допустили чрезвычайно большие потери. Одного майора авиации, ранее награжденного рыцарским крестом, предали суду. Однако последующий налет на Курск, совершенный 2 июня, повлек за собой еще более тяжкие потери. Только орловская группировка потеряла в этот день 56 машин, а кроме того, большие потери понесли и другие авиационные части».

Бортовой стрелок ефрейтор Шорнштейн, взятый в плен 2 июня, заявил: «Я 22 мая 1943 года прибыл из Франции в город Сталино в 55-ю бомбардировочную эскадру. Первый налет на советский город Курск, в котором я участвовал, закончился катастрофой для экипажа. Русские сбили машину и захватили в плен летчика, меня и радиста».

— Так что, как видите, друзья, — сказал парторг Шувалов, когда закончилась радиопередача, — многие поплатились за Максименко и Оскреткова. И рыцари, и асы, и тотальники, вызванные из Германии и Франции. То ли еще будет впереди!.. — закончил он и посмотрел на большую карту, висевшую на стене.

На карте весь соловьиный край — от Орла до Белгорода — огромным кулаком грозил Западу: а ну, сунься!

НАМ САЛЮТУЕТ РОДИНА

*Москва в огнях. Торжественный
венец
Ракетных звезд героям салютует.
И враг дрожит: он чует свой
конец.
Бедя врагам, когда Москва
ликует!*

Александр Ясный

1

В конце июня и самом начале июля на фронте приутихло, однако, делая по четыре-пять вылетов на разведку в сутки, мы знали, что это затишье перед грозой. Не могут долго молчать противники, сосредоточившие друг перед другом огромные армии. Вот-вот тишина взорвется, и пойдут греметь кровавые бои по всему Орловско-Курскому выступу.

Для постоянного контроля (воздушного наблюдения) за неприятелем из нашего полка было выделено восемь самолетов. Первую четверку было приказано возглавить мне, вторую — Василию Лимаренко. За каждым из нас закрепили район разведки. У меня было севское направление, у Лимаренко — южнее города Орла. Мы контролировали шоссе и железные дороги, а также места сосредоточения техники и живой силы противника. Хорошо изучив свои районы, замечали малейшие изменения на том или ином участке фронта.

Я летал в паре с Николаем Крючковым, а Денисов со своим ведомым всегда ходил выше нас и обеспечивал от внезапного нападения истребителей противника. Такое же распределение обязанностей было и в четверке Лимаренко.

Однажды, выполняя поставленную задачу, мы подошли к линии фронта, когда еще на востоке не было видно солнечных лучей. Линию боевого соприкосновения определили по системе траншей и ходов сообщения между ними. Молчали артиллерия и минометы, не наблюдались выстрелы стрелкового оружия. Казалось, внизу царит мертвая тишина, лишь кое-где из кустарников вились

дымки, подымаясь на небольшую высоту и расстилаясь затем по горизонту.

Вскоре я заметил, что по дороге из Игрицкого на Семеновское двигалась одинокая бронемашина. Я перевернул свой Як-1 через левое крыло и начал набирать скорость, быстро сближаясь с целью. Машина не останавливалась и не маневрировала, а напротив, на полной скорости мчалась вперед. Водитель или не обращал внимания на наши самолеты, или не видел их в утренней мгле. После небольшой выдержки я открыл огонь. От самолета понеслась ярко-красная трасса точек. Бронемашина резко сделала разворот вправо, перевернулась несколько раз и загорелась. Из нее так и не вылез ни один человек.

— «Тридцать третий!»! Смотри внимательно, по тебе открыли огонь из пулеметов, — предупредил меня Крючков.

По мне били из кустарника, где еще недавно вились, казалось, такие мирные дымки.

— А ну-ка, Николай, успокой их, — передал я.

— Атакую! — слышалось в ответ.

Как только Крючков закончил стрельбу и начал переходить в набор высоты, его выход из атаки я прикрыл своим огнем. По Николаю стреляли, но после того, как я ударил по вражеской огневой точке, трасса оборвалась.

Денисов со своим ведомым надежно прикрывали нашу штурмовку, внимательно просматривая воздушное пространство, особенно северо-западное направление, где нами был обнаружен полевой аэродром противника.

Выйдя из пикирования правым боевым разворотом, мы с Крючковым оказались на высоте 1200 метров. Осмотревшись, пошли во вражеский тыл. Вдоль дороги на Игрицкое возле опушки тянулась колонна автомашин, не успевшая спрятать в роще длинный хвост. Несколько западнее были видны на земле свежие следы танковых гусениц.

Предупредив верхнюю пару «яков», мы перевели самолеты в пикирование. Снизившись до бреющего полета, решили лучше просмотреть лесок и автоколонну. Между грузовиками обнаружили четыре автобуса. Мы обстреляли их. Загорелась одна, затем другая машина, из них в панике начали выбегать фашисты.

Но вот заговорили вражеские зенитные пулеметы и орудия. Пришлось буквально прижиматься к верхушкам

деревьев и уходить из зоны интенсивного обстрела. Развернувшись на юг, мы набрали высоту 3500 метров. Теперь можно было рапортовать в полк о результатах разведки. Сколько штурмовиков или бомбардировщиков пошлют для уничтожения обнаруженной автоколонны — дело командования.

Возвращаясь домой по дороге на Севск, мы обнаружили другую колонну автомашин. Крючков и я сделали по две атаки, а Денисов со своим напарником значительно больше, так как у них еще были не израсходованы боеприпасы. В голове колонны загорелось шесть автомашин, остальные расползались в стороны, наезжая в спешке одна на другую.

Я доложил на КП полка и об этом скоплении вражеских машин. За удачную разведку подполковник Мельников объявил нам благодарность.

Успешно действовала и четверка воздушных разведчиков, возглавляемая гвардии младшим лейтенантом В. А. Лимаренко. Чтобы не быть голословным, приведу выдержку из донесения начальника политотдела 1-й гвардейской Сталинградской истребительной авиадивизии гвардии подполковника Молчанова на имя начальника политотдела 16-й воздушной армии В. И. Вихрова:

«При выполнении боевых заданий по разведке особо отличились летчики из части гвардии подполковника Е. П. Мельникова: ...кандидат ВКП(б), трижды орденоносец, заместитель командира авиационной гвардии младший лейтенант Лимаренко, сбивший 9 самолетов противника лично и 5 в группе...

23.6.43 г. в 9 часов 35 минут тов. Лимаренко вылетел на разведку. Западнее Ясные Сосницы с высоты 300 метров заметил движение десяти крытых и одной легковой автомашины. Летчик нанес штурмовой удар по колонне и уничтожил легковую автомашину.

В этом же вылете в 9 часов 55 минут Лимаренко заметил движение колонны танков противника среднего типа численностью до 80 штук. И сразу же эти данные передал по радио на командный пункт полка»¹.

Такие же задачи выполняли восемь экипажей разведчиков из части гвардии майора Хлусовича.

Используя выдавшееся затишье, техники приводили в

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. иад, оп. 1, д. 28, л. 97.

А. Д. Денисов

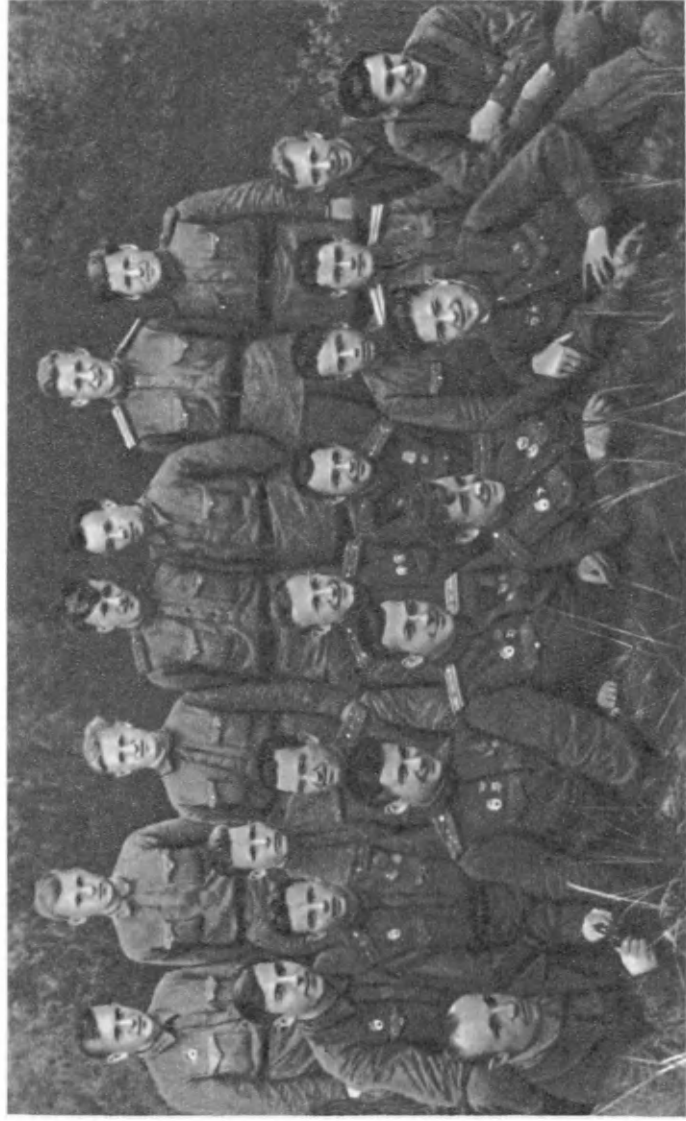
У гвардейского Знамени

Изучение боевого задания

Руководящий состав 1-й гвардейской истребительной авиадивизии

Летный состав 54-го гвардейского истребительного авиаполка

9 мая 1970 г. Встреча ветеранов

порядок самолеты. Старший инженер полка И. Б. Кобер заседал на Дмитрия Дрыгу, Дрыга торопил своих подчиненных — мотористов, оружейников, электриков и других специалистов.

В целях совершенствования пилотажного и огневого мастерства, выработки наступательного духа у молодежи, отваги и решительности в бою особое внимание обращалось на исправность радиоаппаратуры. Теперь на каждом самолете были установлены приемники и передатчики. Без радио летать, как это было под Москвой и иногда под Сталинградом, строго запрещалось.

В полку была проведена летно-тактическая конференция. Опытные воздушные бойцы рассказывали молодежи об особенностях новых немецких самолетов, о тактике борьбы с ними, указывали на сильные и слабые стороны вражеских машин, припоминали свои наиболее удачные атаки. Говорили о блокировании и штурмовке аэродромов, о технике тарана самолетов противника. Выступили майор Бенделиани, капитаны Балюк, асы Кобылецкий, младший лейтенант Лимаренко и другие. Дали слово и мне. А в заключение мы выслушали командира полка, который подвел итог нашей конференции и рассказал о свободной охоте, о боевых порядках во время прикрытия наземных войск, о маневрах и огне в бою и о других важных делах, объединенных темой с коротким названием «Черты советского аса».

Теория сочеталась с практикой обучения летной молодежи. Было установлено, что молодой пилот Силуянов не имеет достаточного опыта стрельбы по наземным целям. Это могло отрицательно сказаться во время штурмовки вражеских наземных войск, блокировании аэродромов, а также при выполнении других боевых заданий. Командир полка Мельников приказал запланировать для Силуянова несколько тренировочных вылетов. Штурман Ч. К. Бенделиани и помощник командира части по воздушно-стрелковой подготовке капитан И. И. Кобылецкий помогли молодому летчику устранить существенный недостаток в его боевой подготовке. Последующие воздушные бои показали, что Силуянов не зря тренировался — он не сделал ни одного холостого захода по наземным целям.

Литвинюк и Шувалов проводили в эскадрильях комсомольские и партийные собрания. К этому времени в подразделениях полка были созданы первичные организа-

ции, так что у комсорга и парторга забот хоть отбавляй. Им помогали работники политотделов дивизии и армии. В то время был распространен метод персональных отчетов коммунистов и комсомольцев по тому или иному вопросу. Я, в частности, доложил о том, что было сделано по претворению приказа Сталина № 195 в жизнь, то есть, как воюю с врагом, сколько уничтожил его самолетов, показываю ли пример подчиненным.

Как-то утром с постов ВНОС на командный пункт стали поступать сообщения о приближении к одному из наших военных объектов большого количества немецких бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей.

Командир немедленно выслал в воздух дежурную эскадрилью, в составе которой пошла пара истребителей, ведомая гвардии лейтенантом Котловым.

Большая группа «мессершмиттов» и «фокке-вульфов» была отсечена от «юнкерсов», связана боем. Основной удар наши летчики нанесли по бомбардировщикам.

«В разгар боя гвардии лейтенант Котлов заметил, что высоко в стороне, совершенно с другого направления, к цели пробираются более 30 «юнкерсов», — говорилось в донесении в политотдел армии. — Выше их шли 15 ФВ-190 и «мессеров».

Словно огненным мечом, трассами снарядов и пуль рассекал Николай Котлов строй вражеских бомбардировщиков. На землю упал Ю-88, и тут же десять истребителей сзади и сверху атаковали Котлова.

Ведомый, защищавший своего командира, был сбит, и в эти же секунды от огня Котлова полетели наземь два «мессершмитта».

Оставшись один, гвардеец не прекращал атаки и упорно пробивался к бомбардировщикам. Вывернувшись от огня четверки немецких истребителей, тов. Котлов взмыл вверх и нанес удар по немецким бомбардировщикам. Один из них загорелся и камнем пошел к земле.

На Котлова хищно набросились «мессершмитты». Гвардеец оказался в кольце, но продолжал биться. Вражеский снаряд оторвал ему выше колена правую ногу... Напрягая усилия, Николай Котлов нажал на гашетку и сбил еще одного Ме-109.

Это был пятый самолет, уничтоженный героем в воздушном бою. Но и его самолет уже горел. Последним усилием воли летчик выбросился с парашютом.

Гвардии лейтенанта Николая Котлова подняли с земли наши пехотинцы... Богатырь, совершивший беспрецедентный подвиг в бою, умер в госпитале через несколько часов»¹.

В последующих воздушных боях летчики 1-й гвардейской Сталинградской истребительной авиадивизии отомстили врагу за гибель Николая Котлова.

2

Наш полк обычно вылетал на прикрытие наземных войск всем составом. Так было и за несколько дней до знаменательного танкового сражения у Прохоровки, когда совершил героический подвиг мой товарищ Виталий Константинович Поляков.

Мы барражировали на высоте 2500 метров, потому что успели изучить тактику вражеских бомбардировщиков на Орловско-Курской дуге. Она не отличалась ни разнообразием, ни оригинальностью: фашистские самолеты появлялись на высотах от 1500 до 2000 метров группами по 30—40 штук, становились в круг и начинали пикировать на наши боевые порядки. Некоторые сбрасывали бомбы с горизонтального полета и торопились уйти от огня наших истребителей.

Время барражирования подходило к концу. Скоро нас должен был сменить соседний полк. Однако вместо «яковлевых» над Прохоровкой появилось двадцать «фокке-вульфов», которые ходили четверками на разных высотах. Это означало, что вот-вот покажутся и бомбардировщики. Без них «фоккеры» делать тут нечего.

В надежде рассеять нашу группу или хотя бы связать боем, фашистские истребители начали атаку. Что ж, драться не впервой. Часть «яков» приняла бой, а другая приготовилась к встрече бомбардировщиков. Ребята дерутся молодцами. Вот один «фоккер» от меткого огня Крюкова врывается в землю в километре северо-западнее Дружеветской. Вслед за ним вспыхивает и беспорядочно падает другой ФВ-190, сбитый Денисовым. Натиск гитлеровцев ослабевает: «яки» им не по зубам.

Но вот появляются бомбардировщики. Пять групп Ю-87

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. иад, оп. 1, д. 28, лл. 102—103.

по двадцать семь и четыре группы Хе-111 по двадцать самолетов. Гвардии майор Бенделиани с ходу атакует ведущего «юнкерса» и с первой атаки сбивает его. Горящий самолет падает в одном-двух километрах юго-западнее деревни Сеньково. Гвардии капитан Балюк следует примеру штурмана полка и также атакует одну из групп бомбардировщиков противника. От огневого удара командира эскадрильи Ю-87 взрывается в трех километрах южнее деревни Богомошеев.

Боевой порядок бомбардировщиков расстроен, бомбы рвутся далеко от цели, беспорядочно. Ведя воздушный бой, я замечаю, как один из ФВ-190 атакует Бенделиани, увлекшегося схваткой с другим истребителем противника. На «яке» майора пробит консольный бензобак. На помощь штурману поспекает Иван Балюк.

У нас на исходе горючее. На смену нам приходит соседний полк, и мы возвращаемся на свой аэродром.

Заправка машин, пополнение боеприпасами — и снова на боевое задание. Только пришли в район прикрытия, как показались три группы бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Наша ударная группа во главе с Чичико Бенделиани молниеносно перешла в атаку. Ведя огонь, «яковлевцы» отсекают «хейнкелей» от истребителей и насаждают на них. Лишенные прикрытия, бомбардировщики под ударами истребителей разворачиваются на обратный курс.

В разгаре боя Виталий Поляков со своим ведомым гвардии младшим лейтенантом Калмыковым и Геннадий Шерстнев с гвардии младшим лейтенантом Юрием Маркевичем неожиданно устремились куда-то в сторону. Оглядываясь и вижу: в районе Смородное подходит еще одна группа вражеских самолетов на высоте около 3000 метров. Молодцы ребята, вовремя заметили. Но в какой переплет они попали сами: на них набрасываются шесть «фоккеров». Однако звено смело идет в атаку, словно не замечая истребителей противника.

«Ястребки» молниеносно врезаются в строй бомбардировщиков и открывают по ним огонь. После первых атак вышел из боя подбитый Калмыков и взял курс на свой аэродром. Шерстнев и Маркевич вступили в схватку с истребителями, а Поляков продолжал атаковать бомбардировщиков. В одной из атак он сблизился с ведущим «Хейнкелем-111» на двадцать метров и пронзил его пу-

леметно-пушечными очередями. «Хейнкель» окутался черным дымом, но продолжал лететь.

Воздушные стрелки бомбардировщиков открыли по самолету Виталия огонь и пробили бензобак, водяной радиатор, зажгли правую плоскость. Однако Поляков продолжал огневые удары по бомбардировщикам. «Хейнкели» не выдержали натиска советского истребителя, куда попало сбросили бомбы и повернули на запад.

К Виталию устремились Геннадий Шерстнев и Юрий Маркевич и успели прикрыть его от ударов «фоккеров» сверху.

Передо мной удирающий бомбардировщик, подожженный Виталием Поляковым. Добить его не удастся: на меня насаждают два «фоккера». Увертываюсь от них и мельком замечаю, что горящий самолет Полякова не падает. Судя по всему, он вполне управляем. Больше того, Виталий, кажется, атакует врага. Так и есть. Младший лейтенант направляет свой истребитель на «Хейнкель-111». Вот он сближается с хвостовым оперением вражеского бомбардировщика и резко взмывает вверх. Во все стороны разлетаются обломки. «Хейнкель» переходит в пике, летит к земле и падает в районе Смородное. Самолет Виталия, видимо потеряв управление, срывается в штопор. Но позади него в воздухе вспыхивает белый купол парашюта. Уцелел, жив Поляков!

Фашисты уходят. Преследовать их нет возможности, горячего едва достанет на обратный путь. Спокойно наблюдаем, как Поляков опускается прямо на руки наших солдат, выбежавших из укрытий. Его обнимают, целуют. Весь воздушный бой проходил на глазах пехотинцев и артиллеристов; они были свидетелями мастерства и отваги летчиков нашего полка, сбивших за несколько минут пять бомбардировщиков и четыре истребителя противника. Правда, нашу победу омрачила потеря одного летчика и двух самолетов, но все-таки это была внушительная победа.

В полку провели митинг, посвященный героическому подвигу Виталия Полякова, выпустили боевые листки, состоялись специальные политинформации в каждой эскадрилье.

Спустя несколько дней ежедневная красноармейская газета «Доблесть» писала:

«Молодые летчики! Будьте бесстрашными и мужественными, как Виталий Поляков. О летчике Виталии По-

лякове можно написать увлекательную повесть. Придет время, и такая книга будет написана. А пока мы расскажем простыми словами о нашем боевом товарище младшем лейтенанте Виталии Константиновиче Полякове».

Далее в корреспонденции говорилось, что двадцатилетний юноша, воспитанник ленинского комсомола Виталий Поляков до войны учился в средней школе, затем в московском аэроклубе. Война застала его в Серпуховской объединенной авиационной школе пилотов и механиков. Все свои силы, умение он отдал учебе.

После окончания школы летчиков он прибыл в часть, когда решалась судьба Сталинграда. В эту величайшую битву включился и молодой пилот. Уже в первых воздушных боях он показал себя мужественным и стойким летчиком. В один из октябрьских дней сорок второго года, вылетев на прикрытие своих войск, истребители встретили группу фашистских бомбардировщиков. Звено, в котором был тогда сержант Поляков, имело преимущество в высоте и первым бросилось на врага. Виталию меткой очередью сразу удалось сбить одного бомбардировщика. Но вот появились восемь «мессеров». У наших истребителей горючее было уже на исходе, но они продолжали сражаться. Виталий Поляков получил тяжелое ранение, однако на поврежденном самолете сумел вернуться на свой аэродром.

После двухмесячного лечения в эвакогоспитале локтевая кость левой руки срослась, зарубцевались и другие раны, и Виталий возвратился в свою часть. Снова началась боевая жизнь. Вскоре Поляков в составе четверки истребителей вылетает на разведку. В тылу противника летчики встречают группу ФВ-190. Завязывается воздушный бой, в котором Виталий сбивает один самолет.

Много раз летал Виталий на разведку, доставляя важные сведения о противнике, за что неоднократно получал благодарности от командования.

Корреспонденция заканчивалась описанием боя, в котором Виталий Поляков на горящем самолете таранил «Хейнкель-111».

В том же номере газеты было опубликовано благодарственное письмо матери отважного летчика. По поручению комсомольского собрания его подписали Иван Литвинюк и члены комсомольского бюро полка Александров,

Беспалько, Безилиев, Лиховицкий и другие. В конце письма говорилось:

«Подвиг Виталия будет жить в наших сердцах, как символ воинской доблести и чести воинов воздушной гвардии. Мы гордимся Вашим сыном. Спасибо Вам, Мария Леонтьевна, за воспитание бесстрашного сокола-летчика, отдающего всего себя делу освобождения нашей Родины от озверелого фашизма».

За мужество и отвагу, проявленные в боях с врагом, В. К. Поляков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Беря пример с героя, в одном из воздушных боев совершил таран гвардии старший лейтенант Николай Крючков. Таким образом, таран, как один из самых решительных приемов борьбы с врагом, получил права гражданства в нашем полку.

2 июля 1943 года был днем напряженных воздушных боев. В очередном вылете четверка «яковлевых» поднялась в небо во главе с гвардии младшим лейтенантом Геннадием Шерстневым. Это был небольшого роста, никогда не унывающий, смелый и энергичный летчик. Не раз участвовал в воздушных боях и всегда выходил победителем.

Вот и сегодня на высоте около 3000 метров группа Шерстнева перехватила Ю-88, который вел, по всей вероятности, разведку. Молниеносной атакой «яки» попарно атаковали вражеский самолет. Загорелся правый мотор. Еще атака — и Ю-88 нашел себе могилу на курской земле.

В ту же минуту со стороны солнца появились четырнадцать ФВ-190 и бросились на группу Шерстнева. Хорошо владея искусством пилотажа, наши летчики не только отбивались от истребителей противника, но, выбрав удачный момент, сами переходили в наступление.

Один из «фоккеров» зашел в хвост машине комсомольца Березина, но Шерстнев, выполнив удачный маневр, атаковал врага и заставил выйти его из боя. За подбитым ведущим, оставляя шлейф черного дыма, последовал и ведомый. По самолету Березина открыли огонь другие немецкие истребители. «Як» сделал полупереворот и скрылся в облаках. Домой Березин не возвратился. Почти с пустыми баками пришли на свой аэродром остальные.

Едва группа Шерстнева успела зарулить на стоянку, как В. А. Лимаренко, В. К. Слесарев и С. С. Ткаченко

взлетели по тревоге на перехват Ю-88, появление которого засекли посты воздушного наблюдения, оповещения и связи. Самолеты быстро набирали высоту, сокращая при этом дистанцию сближения с противником.

Вот уже отчетливо видна конфигурация «юнкерса». Еще несколько сот метров, и тройка «яков» со стороны солнца перешла в атаку. На моторе и правой плоскости появились вспышки.

Убедившись в отсутствии истребителей противника, Лимаренко скороговоркой предупредил ведомых:

— Повторяем атаку. Будьте внимательны.

Предупреждение было не лишним, потому что истребители врага могли появиться в любую минуту из обширной облачности, висевшей справа от летчиков. В момент повторной атаки «юнкерса» из облачности вынырнули восемь ФВ-190. Добив Ю-88, наша тройка немедленно вступила в схватку с немецкими истребителями.

«Фокеры» сосредоточили огонь по самолету Василия Лимаренко и подбили его. Выход из строя ведущего прикрыл гвардии младший лейтенант Владимир Слесарев, а старший лейтенант Стефан Ткаченко продолжал сражаться с восьмеркой фашистских истребителей. Словно коршуны наседали они на него, но гвардеец не поддавался им. В одной из атак командир звена поджег одну машину противника.

Разъяренные неудачей, гитлеровцы с новой яростью набросились на советского летчика. Семеро против одного. Ткаченко отчаянно маневрировал, стремясь навязать противнику бой на вертикалях. Однако «фокке-вульфы» не дали ему такой возможности и подожгли его самолет.

Два вылета — две потери в полку.

— Война, — стиснув зубы, хмуро выдавил командир части и тяжело вздохнул. И в этом вздохе Мельникова было столько скорби по летчикам, павшим в бою, что у каждого из нас невольно сжимались кулаки от ненависти к врагу, с которым вот-вот предстояла решительная битва.

3

В ночь на 5 июля подполковник Мельников собрал на командном пункте командиров эскадрилий и их заместителей.

— Командир дивизии генерал-майор Утин приказал завтра с рассвета всем полком прикрывать боевые порядки наших войск в районе Поныррей. Все ли готовы к выполнению боевого задания? — спросил Евгений Петрович, обводя присутствующих взглядом. — Первая эскадрилья?

— Готова!

— Вторая?

— Так точно!

— Третья?

— Да.

— Прошу подойти сюда, — пригласил нас комполка и разложил на столе разрисованную красным и синим карандашами карту.

Станция Поныри находилась километрах в шестидесяти пяти от Фатежа, на железной дороге Орел — Курск. Передний край в этом районе обороняли части 13-й армии, далее стояла 2-я танковая армия, а за ней — полки 16-й воздушной армии.

— Туда полетите вот этим маршрутом, — указка Мельникова скользнула на северо-восток, — обратно — вот этим. Вопросы есть? Нет? Дополнительные указания получите завтра. С рассвета быть готовыми к вылету. А теперь — отдыхать.

По эскадрильям расходились не торопясь. Командиры вели разговор о предстоящем сражении, которого столько месяцев ожидали, об Орле и Курске — старинных русских городах, на плечи которых опиралась сейчас война. Много раз им, этим городам, приходилось выдерживать натиск врага. Будучи пограничной крепостью земли Черниговской, Курск в XI—XII веках неоднократно подвергался нападениям половцев. В 1185 году куряне принимали участие в походе новгород-северского князя Игоря Святославича против дерзких половцев, а спустя немногим более полувека бились с татарскими ордами. Растрепала, разорила дикая татарва город, и воскрес он и был укреплен только в XVI веке, после возведения оборонительной линии на южной государственной границе. А теперь вот немцы...

Орел помоложе своего соседа, но и ему на долгом веку не раз приходилось противоборствовать вражьей силе. Основан он царем Иваном Грозным как укрепленный пункт от набегов татар. В 1611 году Орел был сильно разрушен и разграблен польскими интервентами, потом не-

однократно разбойничали в нем крымские татары. Но тяжелее немецкого ярма не было...

В 2 часа 20 минут предрассветную тишину, царившую над степью, разорвал необычный гром канонады.

— Началось, товарищ командир? — тревожно посмотрел на меня сержант Терентьев.

— Как видно, началось, — ответил я, прислушиваясь к нарастающему гулу в стороне Понырей.

Орудия, пулеметы и минометы били непрерывно в течение получаса. Мы знали, что это артиллерия 13-й армии вела контрподготовку к наступлению. И тем не менее удивлялись: «Как же так? Вроде бы первым должен начинать артподготовку противник. Ведь он же готовился к наступлению. Выходит, наши опередили?»

Так оно и было. Наши открыли упредительный огонь за десять минут до начала предполагавшейся артиллерийской подготовки врага. Значит, немецко-фашистское командование оказалось застигнутым врасплох. По всей видимости, именно поэтому вражеская артподготовка началась лишь спустя два часа десять минут. Немного погодя огонь настолько усилился, что даже в Фатеже дрожала земля: артиллеристы начали повторную контрподготовку.

Мы стояли у самолетов и ожидали возвращения из разведки заместителя командира второй авиаэскадрильи Василия Лимаренко с одним из летчиков. Едва солнце успело бросить первую позолоту на аэродром, как из-за леса показалась пара «яковлевых».

— Они! — с облегчением воскликнули ребята и бросились к командному пункту.

Василий, сняв шлемофон и пригладив растрепанные волосы, подошел к Мельникову.

— Что там? — спросил командир.

— Дуэль. Наши стреляют, немцы стреляют. Дым и огонь. Над позициями тринадцатой армии — тучи бомбардировщиков.

В это время из землянки выбежал начальник штаба и передал приказ комдива на вылет.

— По самолетам! — раздался басистый голос Мельникова.

Звено за звеном, эскадрилья за эскадрилей поднимались в воздух и шли туда, где разгоралась грандиозная битва; где дрались солдат с солдатом, танк с танком, орудие с орудием, самолет с самолетом; где полыхала оку-

танная гарью земля, вздымающая фонтаны взрывов в грозно гудящее небо; где из-за сплошных волн бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей не было видно солнца. Дрался наш полк и соседние части дивизии, дрались другие соединения 16-й воздушной армии. На смену одной группе вылетала другая, на смену второй — третья. Волна за волной, поток за потоком...

— Справа «юнкеры», — подсказывала наземная станция наведения «Приклад». — Атакуйте.

И спустя несколько минут снова:

— «Сокол», я — «Приклад». Слева «хейнкели».

Откуда-то доносился голос «Пули»:

— Внимание, сзади «мессеры»...

— Я — «Сокол». Иду в атаку! — слышалось в ответ.

Сверкают пушечные и пулеметные трассы, бешено несутся «яки», «фоккеры», «мессеры». То вспыхнет наш самолет, то взорвется фашистская машина. Огненные факелы прочеркивают небо сверху вниз, вдоль и поперек.

Мы вылетели уже после третьей заправки, но конца боя не видно. Деремся на высотах от бреющего полета до 4000—5000 метров. А впереди еще несколько часов светлого времени, в немыслимом круговороте еще предстоит выполнить два-три вылета. К концу жаркого июльского дня командира полка вызвали в штаб дивизии. Возвратился Мельников через час-полтора и снова, как вчера вечером, собрал руководящий состав.

— Сегодня дивизия сбила тридцать один самолет противника, подбила десять, — сообщил он. Чуть опустив крутую лобастую голову, добавил негромко: — Своих потеряла пять летчиков и десять самолетов... Завтра с рассветом — в воздух. Вопросы?

Все молчали. Вопросов не было.

— Первая эскадрилья готова в бой? — вскинул голову командир.

— Готова!

— Вторая?

— Так точно!

— Третья?

— Да.

Ответы были такими же, как и вчера.

Суровое лицо подполковника тронула едва приметная улыбка.

— Добро, соколы, добро. Пойдемте поужинаем.

Мы направились к выходу, уступая дорогу командиру. Неожиданно зазвонил телефон. Мельников взял трубку:

— Да! Какая новость? Ну-у?! Спасибо. Передам... Обмыть? Найдется чем...

Мы слушали разговор Евгения Петровича. Его лицо заметно повеселело. Чему это он радуется? Долго ожидать не пришлось. Положив трубку, он сказал:

— Ну, Чубчик, — это относилось ко мне (ребята иногда называли меня так), — поздравляю! Командир дивизии только что передал: тебе присвоено звание лейтенанта. Приказ получим на днях.

Меня начали «поздравлять» — тормошить, пинать кулачищами, теребить за уши и волосы.

— Имениннику! — поддал в бок Иван Федорович Балюк.

— С очередным! — хлопнул по спине Петр Денисович Ганзеев.

— Ну будет, будет вам, — хохотал Евгений Петрович. — Парень и так едва на ногах стоит. Пошли в столовую, выпьем за нового лейтенанта.

За столами уже сидели летчики. Весть о присвоении мне очередного звания каким-то образом дошла и до них.

— Товарищи бойцы и бойцысы! — вскочил Генка Шерстнев, поднимая консервную банку, наполовину наполненную водкой. Все засмеялись. Шерстнев всегда называл девушек «бойцысами». — Я поднимаю тост за гвардии лейтенанта Якова Даниловича. Чует мое сердце — быть ему когда-нибудь гвардии полковником...

— Вот трепло, — перебил его Саша Денисов.

— Почему «трепло»? — не унимался Геннадий. — Остается каких-нибудь пять очередных званий. Чепуха!

В столовой раздался дружный смех.

Иван Федорович Балюк бросил в мою кружку две маленькие звездочки:

— Пей, Яша. Так положено по доброй офицерской традиции.

Мы чокнулись, выпили.

Подполковник Верещагин о чем-то пошептался с Мельниковым и, достав из кармана повенские погоны, подал их мне.

— Кстати о погонах. Знаете ли, друзья, когда они появились в русской армии?

— А как же, — выскочил Сашка Денисов, — шестого января сорок третьего года.

— Так это же не в русской, а в Советской Армии, — улыбнулся Верецагин. — Впервые в России погоны были введены в тысяча семьсот тридцать втором году.

Денисов чуть присвистнул.

— Да, — продолжал начальник штаба. — А носились они сначала на одном плече — на левом, и только с тысяча восемьсот второго года — на обоих плечах мундира. Так-то, товарищ Денисов.

— Ты уж им заодно расскажи и об офицерском звании. А то ведь опять тот же Денисов скажет, что введено это звание в январе сорок третьего, — постукивая корочкой хлеба, сказал подполковник Мельников.

— Что ж, можно, — согласился Антон Васильевич.

Это было интересно для всех нас, молодых офицеров, не очень-то хорошо знавших историю чинов, орденов, погон и прочих регалий.

— Офицерами стали именоваться войсковые командиры с возникновения постоянных армий, — начал рассказ начальник штаба. — Как правило, офицерские должности занимали лица, имевшие офицерские патенты, которые в некоторых западно-европейских армиях продавались и покупались.

— Ого! — удивился кто-то. — Там можно было сразу стать полковником.

— А присваивались офицерские звания, — продолжал Верецагин, — преимущественно лицам дворянского происхождения.

— Значит, Яшка теперь дворянин! — вставил Денисов.

— Не мешай, — шикнул на него Шерстнев.

— В русской армии офицерские звания были введены в тысяча шестьсот восьмидесятом году, в стрелецких полках. Ну а до совершенства это дело довел Петр Первый. Чин поручика введен в тысяча семьсот тринадцатом году, майора — восемь лет спустя, а еще через семь лет — подполковника. Несколько позже была разработана табель о рангах.

— Ты и в самом деле целый доклад закатил. Значит-ок! — одобрительно прогудел командир полка. — Что ж, это полезно. Ну, товарищи офицеры, засиделись мы. Пора и честь знать.

Из столовой вывалили шумной, веселой толпой.

И на второй, и на третий, и на восьмой день стонала земля курская и орловская от великого ратного напряжения. Немецко-фашистское командование бросало в ревущее пекло все новые и новые войска — живую силу и технику, но какого-либо значительного успеха добиться не смогло. В восьмидневных непрерывных боях войска Центрального фронта измотали врага и остановили его натиск. Противник перешел к обороне.

Командир дивизии генерал-майор А. В. Утин собрал летный состав своих полков и зачитал обращение Военного совета 13-й армии Центрального фронта к летчикам нашей воздушной армии. В нем говорилось:

«Бомбардировщики и штурмовики своими ударами наносили противнику чувствительные потери в живой силе и боевой технике, расстраивали его боевые порядки, действовали нашим контратакам, сдерживали наступление немцев. Истребители, прикрывая боевые порядки, противодействовали бомбардировщикам врага, заставляли их сбрасывать бомбы вне цели. Военный совет 13-й армии просит передать летному составу горячую благодарность наших наземных войск за активную поддержку с воздуха в отпоре врагу»¹.

Мы гордились, что наша воздушная армия эффективно поддерживала войска Центрального фронта. Только 6 июля «по наступающей группировке врага был совершен массированный удар силами 143 бомбардировщиков и штурмовиков, которые успешно применяли противотанковые осколочные и фугасные бомбы. Впервые примененные противотанковые бомбы с большим эффектом прожигали броню танков. Было сожжено более 10 танков и уничтожено много живой силы врага. В этот день летчики-истребители 16-й воздушной армии провели 92 воздушных боя, в которых уничтожили 113 самолетов врага»².

Обращение Военного совета 13-й армии взволновало нас. Каждому хотелось еще больше летать и бить, бить врага беспощадно, до полного его уничтожения.

На южном фланге Курского выступа сражение началось на сутки раньше, чем на северном. Там тоже на земле

¹ Архив МО СССР, ф. 368, оп. 205484, д. 3, л. 48.

² Там же.

и в воздухе с ожесточенной яростью сталкивались стальные армады. Нас особенно интересовали действия собратьев по оружию — летчиков. Оказывается, в первый же день наши истребители сбили в воздушных боях 173 вражеских самолета. Бомбардировщики и штурмовики успешно наносили бомбовые и штурмовые удары по фашистским танкам и мотопехоте.

С первого же дня битва на подступах к Обояни приобрела характер грандиозного танкового сражения. Немцы ставили на карту все и не считались ни с какими потерями: в случае успешного прорыва линии советской обороны и овладения Курском любые жертвы будут оправданны. В этих условиях нашей авиации придавалось особое значение. Пехотинцы, танкисты и артиллеристы ежечасно просили авиационное командование: «Дайте самолетов!» И самолеты шли эшелон за эшелоном с раннего утра и до позднего вечера.

Рядом с нами в составе Воронежского фронта воевали авиаторы 2-й воздушной армии. В воздушных боях 6 июля они уничтожили 114 самолетов противника.

О том, как они дрались с врагом, мы знали на примере героического подвига гвардии старшего лейтенанта А. К. Горовца. Встретив в районе Белгорода группу фашистских самолетов, состоявшую из двадцати бомбардировщиков Ю-87, Александр смело вступил в неравный бой. Направляясь к переднему краю, гитлеровцы шли плотным строем. Сомнений не было: они собирались бомбить наши позиции. Горовец бесстрашно врезался в самую гущу самолетов противника. Гитлеровцы растерялись от неожиданности. Молниеносные атаки Александра следовали одна за другой. И каждая атака — сбитый «юнкерс». Горовец уничтожил в этом беспримерном в истории бою девять фашистских самолетов. Остальные, не сбросив бомбы, поспешно обратились в бегство.

Слава об отважном летчике коммунисте Александре Константиновиче Горовце в тот же день облетела все фронты.

Вот туда, где гремело ожесточенное воздушное сражение, и посылал своих однополчан Е. П. Мельников. И они сражались мужественно, по-гвардейски. Примеров тому множество.

Так, 7 июля сразу же после партийного собрания, на котором коммунисты третьей эскадрильи обсуждали воп-

рос о выполнении одного из приказов Верховного Главнокомандующего, была объявлена тревога. Вместе с другими сослуживцами в воздух поднялся и молодой летчик гвардии младший лейтенант Ботин, имевший на своем счету всего лишь два боевых вылета. В воздушной схватке с противником кандидат в члены ВКП(б) Ботин проявил себя смелым, инициативным бойцом, уничтожив метким огнем двух фашистских стервятников.

7 июля в районе Курской дуги бомбардировщики 2-й и 17-й воздушных армий и авиация дальнего действия снова нанесли несколько мощных ударов по наступающим танкам и пехоте противника. В воздушных боях было уничтожено более 200 немецких самолетов. А в полосе Центрального фронта советская авиация своими активными и массированными действиями завоевала господство в воздухе.

8 июля войска нашего фронта контрударом отбросили противника с северной окраины Понырей, куда он ценой огромных потерь ворвался 7 июля. Остановили немцев также в районе Ольховатка. В воздушных боях и от огня зенитной артиллерии фашисты потеряли 161 самолет, а на следующий день — 144.

За неделю оборонительных боев под Курском в воздушных схватках и на аэродромах наша авиация уничтожила более 1400 немецких самолетов. Это обеспечило нашей авиации господство в воздухе и создало благоприятные условия для контрнаступления сухопутным войскам.

12 июля — в день начала контрнаступления советских войск под Курском — мы снова вылетели в район Прохоровки для прикрытия своих войск с воздуха. Бомбардировщики врага на этот раз не появились, но зато на земле творилось что-то невообразимое. Лоб в лоб сошлись лавины танков и самоходных орудий. Как потом стало известно, их было до полутора тысяч с обеих сторон.словно живые чудовища, машины расстреливали друг друга в упор, сталкивались в таране. Одни, крутанувшись на месте, замирали с подбитыми гусеницами, другие, охваченные пламенем, метались, будто в ярости. А на черный дым схватки шли все новые и новые стальные лавины, поднимая тучи пыли...

Летчики потом называли это место у Прохоровки «танковым кладбищем».

Я уже говорил, что вместе с другими однополчанами

храбро сражался с врагом капитан Кобылецкий, несмотря на то что под Сталинградом он был тяжело ранен и летал теперь с деревянной подставкой на педали управления рулем поворота. Он всегда был ведущим группы — четверки либо шестерки «яков». Помнится такой случай.

На смену группе Балюка взлетел Кобылецкий со своими ведомыми Ботиным, Лимаренко и Силуяновым. Набрав высоту над Понырями, истребители начали разворот в сторону солнца. И в этот момент капитан заметил, как со стороны противника показалась целая стая самолетов. На фоне облаков Кобылецкий определил, что это были ФВ-190. Группами по четыре — шесть штук они стремительно приближались к району Понырей.

Видимо, противник рассчитывал неожиданно напасть на советских истребителей, расчистить небо для своих бомбардировщиков. Но «яки» упредили врага. Со стороны солнца они перешли в атаку на ту группу «фоккеров», которая несколько приотсталала от общего боевого порядка. Снайперской очередью капитан сбивает одного ФВ-190. Лимаренко и Силуянов поджигают второго «фоккера», который, не долетев до земли, взорвался в воздухе.

Первая группа немецких истребителей ушла куда-то вниз, под облака, а с остальными завязался смертельный бой. Стремительными ударами «яковлевы» наносили одну атаку за другой, отбивались от ударов противника, в критические моменты защищали друг друга. Вот, заняв отличное положение для нападения, Силуянов с короткой дистанции открывает огонь по «фокке-вульф», и тот пылающей головешкой падает вниз. Несколько немецких истребителей зажали в клещи Кобылецкого. Трудновато бы пришлось капитану, если бы его не выручил Ботин. Отличным маневром ведомый зашел одному из ближайших «фоккеров» в хвост и короткой очередью сбил его. Подоспевшие Лимаренко и Силуянов уничтожили еще одного стервятника. Это позволило Кобылецкому уйти из-под ударов врага.

Внушительные потери вынудили немцев прекратить бой и пикированием уйти от «яков».

Обычно после таких жарких схваток Иван Иванович Кобылецкий находился в приподнятом настроении, был более общителен, собирал вокруг себя молодежь и рассказывал какой-нибудь эпизод из боевой жизни однополчан, из своей интересной фронтовой биографии.

В одной из таких бесед я услышал о том, как после августовского боевого вылета Кобылецкому, тогда еще старшему лейтенанту, пришлось добираться до госпиталя. Тяжелый, мучительный путь. Собравшиеся, особенно молодые летчики, слушали капитана затаив дыхание...

Кобылецкий лежал без сознания. День уже клонился к концу, когда летчик пришел в себя. Кругом рвались снаряды, свистели пули. Иван попытался подняться, но почувствовал нестерпимую боль во всем теле и снова свалился на землю.

Спустя некоторое время послышался гул танковых двигателей. Кобылецкий открыл глаза и увидел приближающиеся Т-34. На одном из них открылся люк, из которого вылезли два танкиста в серых комбинезонах и черных шлемах. Тот, что был поменьше ростом, спросил:

— Жив, дружище? Здорово ты «мессов» бил! Мы видели, как они горели от твоего огня...

— Жив... Да вот подняться не могу. А передовая далеко?

— В том-то и дело, что ты на нейтральной полосе приземлился, — ответил второй. — Мы больше часа отбивали тебя всем полком и только сейчас выбрали момент, чтобы подобрать.

— Спасибо...

— Благодарить потом будешь, а сейчас приказано доставить тебя в медсанбат.

Врачи оказали раненому первую помощь, затем его отвезли на Сталинградскую пристань.

Далеко за полночь причалил теплоход «Бородино». Началась погрузка раненых, но из-за налета бомбардировочной авиации противника прекратилась. Так продолжалось несколько раз. Зенитчики, прикрывая пристань, посылали десятки снарядов навстречу вражеским самолетам, но «юнкерсы», как назойливые мухи, подходили по одному и сбрасывали бомбы в районе пристани.

Лежа на носилках, Кобылецкий мог только повернуть голову. Он скрежетал зубами от боли и злости. Рядом с носилками сидела молоденькая медицинская сестра Валя, сопровождавшая Кобылецкого до госпиталя. Она успокаивала летчика, поправляла сбившиеся повязки, давала ему пить.

Бомбардировка пристани прекратилась. Распорядители установили очередь на теплоход. Началась погрузка. Уже была перенесена с берега не одна сотня раненых, как в небе опять повисла осветительная бомба на парашюте. Следом послышался гул моторов, а за ним — завывающий звук бомбы. Все притихли, кроме боевых расчетов зенитной артиллерии, которые открыли огонь по налетчикам. Одна бомба разорвалась рядом с теплоходом, другая где-то в стороне. Засвистели осколки. Валя вскрикнула и упала замертво возле носилок Кобылецкого. Висячий «фонарь» догорел, и мрак окутал пристань. Ничего не было видно даже за несколько шагов, но погрузка раненых была возобновлена. И вдруг в небе снова раздался взрыв.

— Смотрите, смотрите! — послышался чей-то голос. — Самолет горит!

— Так ему и надо, стерве, — пробасил кто-то в ответ. Было отчетливо видно, как горел, снижаясь, бомбардировщик. На душе Кобылецкого стало отраднее: на одного стервятника меньше. «Юнкерс», не закончив круг, упал в Волгу.

Погрузку раненых завершили. Кобылецкого поместили на палубе. Теплоход отшвартовался, дал длинный гудок и медленно поплыл на север от Сталинграда.

Наступил рассвет. Казалось, все тревоги минувшей ночи остались далеко позади. Но вот раздался крик матроса:

— В воздухе самолеты!

С запада показалась группа Ме-110. Началась бомбежка. Капитан теплохода искусно маневрировал, уклоняясь от сбрасываемых бомб, которые рвались слева и справа.

Раненые ругались.

— Разве не видят стервятники, что это санитарный теплоход?

— Гады проклятые! Ни дна им, ни покрышки!

— Звери!..

Очередная серия бомб легла справа по борту, но, к счастью, ни одна не взорвалась. Группа самолетов ушла. Ее место заняла другая. Растянувшись друг за другом, самолеты начали пикировать на теплоход. Снаряды и бомбы рвались повсюду. На палубе творилось что-то невероятное: шум, крик, стоны. Вспыхнул пожар.

Часть команды теплохода тушила огонь, другая занималась ранеными.

От взрыва бомбы у самого борта образовалась большая пробоина. В трюм хлынула вода, ее не успевали откачивать насосами. Команда бросилась заdraивать пробоины, но безуспешно. Теплоходу угрожала опасность. Раненые, способные передвигаться, сходили вниз, отыскивали спасательные средства и прыгали в воду. Кобылецкий этого сделать не мог, он лежал без движения и ожидал помощи...

Один «мессершмитт» вышел из пикирования так низко, что чуть не врезался в палубу. Гибели он, однако, не избежал — попал под обстрел зенитной артиллерии, взорвался и упал на берегу Волги.

Но за самолетами редко кто наблюдал, разве только те, которые вынужденно лежали на спине. Остальные спасались, кто как мог. Положение на теплоходе ухудшалось: пламя все больше распространялось по палубе. Языки огня начали подбираться и к Кобылецкому. Дым ел глаза, лицо обжигало жаром.

Так глупо погибать не хотелось, и летчик решил любым путем спуститься вниз, а там выброситься в воду. Левой рукой он с трудом достал из-под головы носовой платок, в котором были завязаны документы, орден, бритва. Зубами развязал узел, взял бритву и распорол бинты на руках и ногах.

Теперь надо было спуститься вниз. Упираясь левой коленкой в пол и цепляясь руками за что попало, Кобылецкий пробирался к лестничному проходу. Но здесь спуститься было нельзя: ступеньки горели. Летчик увидел диван у окна и, собрав все свои силы, поднялся на него, чтобы выброситься вниз.

От пылающей доски, упавшей откуда-то сверху, загорелись обшивка дивана и одежда на Кобылецком. Падая в проем окна, разбил голову. От боли потерял сознание. Пришел в себя от того, что на теплоходе взорвался паровой котел.

Летчику оставалось сделать последний рывок, чтобы через борт вывалиться в Волгу. Горящий и полужатопленный теплоход уже накренился; еще несколько минут, и он пойдет ко дну. Медлить было нельзя, и Кобылецкий, перекатываясь с боку на бок, достиг борта. Оттолкнувшись, полетел вниз головой.

Вода несколько освежила его. Было два выхода: утонуть или плыть во что бы то ни стало. Но как в таком состоянии доплыть до берега? И Кобылецкий, держа в зубах узелок с орденами и документами, лег на спину и поплыл, работая одной рукой и ногой. Волны почти не было, поэтому Иван с трудом, но все-таки держался на поверхности.

Вскоре под руку попалась довольно широкая доска. Кобылецкий лег на нее, устроился поудобнее, направляя по течению к берегу.

Однако такое путешествие продолжалось недолго. Налетевшие истребители противника начали охотиться за спасающимися. Вот справа от Кобылецкого поднялся ряд фонтанчиков от снарядов. Летчик отпустил доску и нырнул под воду. Вынырнув, осмотрелся и опять скрылся под водой, потому что пикировал еще один «мессер». Так продолжалось несколько раз. Но вот снаряд разорвался совсем рядом с Кобылецким. Доска разлетелась в щепки, и сам он, как приглушенная рыба, пошел ко дну. Что случилось с ним, он не мог сообразить, но твердо знал, что надо всплыть. Помогла прежняя спортивная закалка — всплыл. А узелок с орденами и документами пошел ко дну...

Силы, казалось, совсем иссякли, но желание победить смерть заставляло держаться на поверхности. И он держался до тех пор, пока не ощутил руками берег. Это было спасение.

Неподалеку от воды сидел раненый пехотинец. Он безуспешно пытался разорвать рубашку, чтобы забинтовать раздробленную ногу.

— Зубами рви по шву, — посоветовал ему Кобылецкий.

Боец приподнял голову, как бы удивляясь, кто ему подсказывает, затем благодарно кивнул летчику.

— Рви, рви, — подсказывал Иван. — Вот так. Теперь скручивай и вяжи выше колена.

Сделав перевязку, боец обессиленно откинулся на спину. К берегу причаливала лодка. На веслах сидел пожилой мужчина с широкой бородой. Греб он быстро и уверенно. В лодке находилась и медсестра.

— Эх, ребята, — вздохнул старик, — и сколько еще таких, как вы, по всему берегу разбросано...

— А что, папаша, много уже подобрали? — спросил Кобылецкий.

— Вы будете сто двадцать четвертый, солдат — сто двадцать пятый.

— И все живы?

Старик ответил уклончиво:

— Многие еще плавают. Давай-ка, дочка, бинтуй, делай, что положено, и поплывем дальше.

Летчику и пехотинцу оказали первую помощь. Затем их перенесли в лодку. Дед оттолкнулся от берега и поплыл по течению.

Из Средней Ахтубы, где И. И. Кобылецкий пролежал несколько дней, его направили в Саратов.

— Чем и как лечили, — заканчивая рассказ, проговорил капитан, — это для вас неинтересно. Важно, что врачи склеили, сшили меня, за что им великое спасибо, и теперь, как видите, я опять воин, опять человек.

«Храбрый воин и настоящий человек», — хотелось сказать Ивану Ивановичу, но, зная его скромность, я воздержался от такой оценки, тем более что он был старше меня по званию.

Еще в самом начале второй половины июня сорок третьего года по радио промелькнуло коротенькое сообщение о том, что на одном из участков советско-германского фронта в составе наших военно-воздушных сил сражается эскадрилья истребительной авиации «Нормандия», состоящая из летчиков-французов. За последние дни, передавало радио, шесть летчиков этой эскадрильи в групповых воздушных боях сбили три самолета «Фокке-Вульф-190».

Теперь, после Понырей и Прохоровки, в полк откуда-то дошла весть, что французы воюют где-то по соседству с нами. Однажды, воспользовавшись приездом заместителя командира дивизии полковника Крупнина, мы завели на эту тему разговор. Время клонилось к вечеру, и офицеры, окружив полковника в редких зарослях ольховника, неподалеку от самолетной стоянки, осаждали его вопросами.

— Правда ли, товарищ полковник, — спросил Саша Денисов, — что французская эскадрилья здорово бьет немцев?

— Вижу, газет вы за последнее время не читали. Придется замполиту вашему сказать.

— А что?

— Да то, что в «Правде» от третьего июля опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении офицерского состава французских летчиков нашими орденами.

— Расскажите о них.

— Хоть бы сесть, что ли, пригласили,— чиркнув зажигалкой, сказал наш собеседник.

Мы сели на припорошенный пылью и мелким листвою травяной ковер.

— Да, хлопцы,— начал полковник,— есть такая эскадрилья. Создана она была в конце прошлого года по соглашению между Советским правительством и Французским Национальным Комитетом. Французы прилетели к нам из Алжира через Иран, чтобы в нашем небе бить врагов, оккупировавших их родину.

Слова рассказчика напомнили нам тот случай, когда бортовой стрелок ефрейтор Шорнштейн, взятый в плен 2 июня, заявил: «Я... прибыл из Франции». Таких шорнштейнов, наверное, была не одна сотня во Франции. И не с доброй миссией. Сколько мирных французских городов и сел бомбили фашисты с воздуха, сколько горя причинили они французским людям, потомкам парижских коммунаров. Нет, не зря, совсем не зря прилетела «Нормандия» к нам...

— Ну так вот...— продолжал Крупинин,— выбрали они самолеты, которые им понравились,— «яковлевы», и начали воевать. Сначала были под Калугой, потом перелетели сюда, под Курск.

— И много их? — поинтересовался кто-то.

— Четырнадцать было. Четырнадцать летчиков,— ответил полковник, подчеркнув слово «было». — Командовал эскадрилей майор Жан Луи Тюлян.

— Я говорил, что Жан! — обрадованно воскликнул Николай Крючков.

— Погоди, Коля,— недовольно махнул рукой Крупинин.— Недавно, семнадцатого июля, не возвратился с задания командир «Нормандии» — майор Тюлян... Теперь эскадрилей командует капитан Альберт Литольф. Здорово воюют ребята. Немцев бьют почем зря.

— А что со вторым фронтом? — спросил Саша Денисов.

— Это уже не по моей части, братцы. Вот приедет лектор Минаев — у него и спросите.

Полковник встал, отряхнул брюки и куртку, попросился и пошел к командному пункту полка, где стояла дивизионная машина. Вышедшие из землянки Мельников и Верещагин о чем-то поговорили с Крупининым, и он уехал в штаб дивизии.

Как потом выяснилось, полковник приезжал по двум очень важным вопросам: полк представлялся к награждению орденом Красного Знамени и отправлялся на переформирование...

О том, что наш 54-й гвардейский Керченский истребительный авиационный полк ежедневно вносил большую лепту в разгром фашистской Германии, говорят такие цифры. Только на Центральном фронте летчики части совершили 800 боевых вылетов (общий налет 680 часов), из них: на разведку — 304, на сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков — 126, на прикрытие аэроузла — 126, на перехват — 84.

Проведено несколько десятков воздушных боев, сбито 22 и подбито 12 самолетов противника.

«В июльских боях на орловско-курском направлении, — говорилось в представлении Военного совета фронта, — полк вел напряженные боевые действия и успешно справился с поставленными задачами...»¹

О том, что нам предстоит отправиться на переформирование, мы узнали в тот день, когда к нам приезжал полковник Крупинин и рассказывал об эскадрилье «Нормандия».

Вечерело. Уже было ясно, что больше вылетов не будет. Солнце спряталось за горизонт. На аэродром пали робкие сумерки. Вспоминая рассказ полковника, ребята продолжали высказывать свои предположения о втором фронте, говорили о боях под Орлом, который со дня на день, вероятно, будет освобожден.

От землянки шагали к нам Мельников, Бенделиани, Верещагин и замполит. С другого конца стоянки спешили Ривкин и Талов — командиры второй и третьей

¹ Архив МО СССР, ф. 54 гв. иап, оп. 143451, д. 1, л. 10,

эскадрилий. Получилось так, что собрался весь руководящий состав полка.

— Товарищи командиры! — сказал Евгений Петрович Мельников. — Необходимо привести в порядок всю авиационную технику. Завтра к исходу дня передадим самолеты в соседний полк. Нас выводят из состава действующих войск, мы прекращаем бои и идем на отдых. Точнее — на переформирование. Вот так. Огорчайтесь или радуйтесь, но приказ есть приказ. Идите и объявите его в эскадрильях.

Иван Федорович Балюк и я еще долго стояли в раздумье. Как же так? У нас есть самолеты, летчики. Бои за Орел еще не окончены, а нам приказывают отдыхать. Странно, очень странно. Однако, решив, что начальству виднее, мы пошли в эскадрилью. Надо было найти инженера Дрыгу и сообщить ему новость.

Обогнув небольшой лесной массив, мы вышли на летное поле, вокруг которого стояли замаскированные самолеты. Перепрыгнув через старый валежник, вышли на тропу, негромко разговаривая между собой. Тропа петляла мимо землянки оружейников и упиралась в стоянку «яков». С одного из кустов вспорхнула какая-то птица, чуть не задев нас своими трепетными крыльями.

— Пристроилась рядом с людьми, — заметил Балюк.

— Ребята не разоряют гнезд, вот птицы и живут рядом, — ответил я.

Поблизости были слышны голоса:

— Быстрее заканчивайте.

— Уже почти готово. Последняя гайка.

Дрыга, как всегда, хлопотал на стоянке самолетов. Он торопил техников и механиков, заканчивающих восстановление подбитой в бою «девятки».

— Кажется, ничего не знает о приказе, — пробурчал под нос Балюк, заметив инженера.

Дмитрия Дрыгу мы уважали. Это был очень способный, энергичный человек, мастерски знающий свое дело. Он умел организовать работу так, что любой самолет, выведенный из строя в бою, к исходу дня или к утру был снова готов к полету. Вот за это и уважали инженера в эскадрилье все летчики, техники и механики. Его ценил сам инженер полка Кубер.

Подойдя к Дмитрию, Балюк сообщил ему, что есть приказ завтра к исходу дня передать самолеты соседям.

— Хоть сейчас,— ответил Дрыга.— А «девятку» утром опробуем — и тоже можно сдавать.

— Ну что ж, хорошо! — одобрил командир.— А сейчас пойдем проверим, что у тебя делается в каптерке, как налажен учет запчастей. А заодно проверим и НЗ в твоей знаменитой фляге.

Дрыга шел молча. Непривычно человеку вот так вдруг остаться с завтрашнего дня без дела.

— Чудно! — проговорил он, не обращая ни к кому.

— Что «чудно»? — спросил Балюк.

— Безработными, говорю, будем с завтрашнего дня.

— И отдохнуть надо. Люди устали. Кстати, отдых-то надо sprыснуть.

— Как это понимать?

— Очень просто — выпить по махонькой из твоего неприкосновенного запаса.

— Есть ликер «шасси». Хотите попробовать?

— Бр-р-р! — поежился Балюк.— Заборист?

— Мы привыкли, — равнодушно ответил Дрыга.— Спирт с глицерином. Пьется мягко.

Мы пришли в каптерку, где хранилось все, что было необходимо для ремонта и восстановления самолетов и моторов.

— Приземляйтесь,— сказал инженер и первым сел на свернутый самолетный чехол.

Вскоре перед нами стояла банка «ликера». Закуска была более чем скромная — кусочек черного хлеба и фляга воды.

— Чтобы вы не сомневались, я первый выпью. Ликерчик не первого сорта, но все же профильтрованный — ни резиновых манжет в нем, ни прокладок нет, да и глицерина — самая малость. Бывайте здоровы, отцы-командиры!

Дрыга выпил, глотнул из фляги воды и отломил кусочек хлеба. Потом налил командиру и мне. Жидкость для заполнения амортизационных стоек была тягучей и сладковатой.

— Настоящий ликер, — похвалил я. — Авиационный. Но больше двух глотков что-то не могу осилить.

— Давай другого налью, — предложил Дмитрий.

— Если такого же завода, то избавь.

— Авиация пошла! — недовольно произнес инженер. — Выпить не с кем.

Ночь прошла спокойно. На следующий день полк передавал соседям самолеты.

— Как идут дела? — спросил Мельников командира эскадрильи.

— Все в порядке, — доложил Балюк. — Что же мы теперь будем делать?

— Отдыхать, Иван Федорович. Почти все летчики, в том числе и ты с Михайликом, завтра отправляются под Москву, в дом отдыха. Есть там такое местечко укромное — Домодедово. Слышал?

— Знаю, — ответил капитан.

— Вот туда и полетите. А сейчас заканчивай дела и готовься с хлопцами к отлету.

Чтобы дать последние распоряжения, мы пошли искать инженера эскадрильи. Дрыга лежал под деревом, безвольно раскинув руки.

— Что с тобой? — спросил его Балюк.

— Голова болит, и в глазах чертики прыгают...

— А ты не хватанул ли своего «ликера» после нас?

— Почти не пил. Так, еще немного приложился...

— Яков, беги за доктором! — распорядился Балюк.

Цоцорию я нашел быстро.

— «Ликер»? — догадался он.

— Марки «шасси».

— Ничего страшного, Яков. Но теперь он будет разбираться, что можно пить, что нельзя...

После этого случая Дрыга не то что амортизационную смесь — и водку-то пил с великой осторожностью.

...Прилетев в Домодедово, мы узнали, что наши войска, наступавшие на орловском направлении, изгнали врага из Орла, а полки и дивизии, громившие его на белгородском направлении, освободили Белгород.

Вечером 5 августа 1943 года Москва салютовала советским воинам, одержавшим замечательные победы. Это был первый в Великой Отечественной войне салют в честь доблестных частей наших Вооруженных Сил,

ПЕРЕД БРОСКОМ НА ЗАПАД

*...День придет: от Севера до Юга
Крылатая победа пролетит!*

Константин Симонов

1

Домодедово встретило нас радушно, приветливо — горячим душем и добрым столом, тишиной библиотеки, по которой мы, солдаты, так соскучились, и безмятежьем кроватей с белоснежными простынями и пуховыми подушками. Два-три дня спали, как бобры зимой. Давным-давно, с довоенных времен не было такого уюта. Ни команд, ни тревог, ни выстрелов, только тихо позванивают на августовском ветру сосенки да березки.

Ребята, приведя себя в божеский вид после фронтовых мытарств и затрапезности, блаженствовали. Днем бродили по лесу, выходили на поля, нетронутые войной, навещали соседние деревеньки, а то и выезжали в Москву, гремевшую почти каждый вечер победными салютами. А к ночи собирались в палатах, читали, слушали радио, играли в шахматы и домино. И как-то уж так получалось, что обязательно вспоминали минувшие бои. Вроде бы и не стоило вспоминать тяжелые дни, полные лишений и невероятного напряжения, однако говорили о них, как о больших событиях в жизни каждого из нас, как о памятных вехах первого поколения Октября.

В конце августа из Домодедова мы возвратились под Курск, в район Щигров, где летчики должны были переучиваться на новых, еще неизвестно каких самолетах, чтобы потом снова отправиться на фронт. В один из таких дней новый командир дивизии полковник Владимир Викентьевич Сухорябов собрал нас и зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР,

Мы уже знали из сообщения по радио, что многие наши соратники удостоены высокого звания Героя. Но когда перед строем полковник зачитывал Указ, торжественная приподнятость была настолько велика, что мы едва справлялись со своими чувствами.

«...За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» гвардии капитану Балюку Ивану Федоровичу, гвардии майору Бенделиани Чичико Кайсаровичу, гвардии капитану Дубенок Геннадию Сергеевичу, гвардии лейтенанту Ратникову Петру Петровичу, гвардии капитану Ривкину Борису Мироновичу...»

Митинг бурлил. Выступали награжденные, говорили их боевые друзья, командиры и политработники. Речи были короткие, но горячие, взволнованные, заряженные великой силой патриотизма, клятвой на верность Советской Родине, ее народу и партии.

Солнце уже поднялось довольно высоко, и я проснулся от его лучей, пробившихся через щель занавешенного одеялом окна. В комнате было душно, и я решил распахнуть окна.

Спросонья зацепился за чайник. Падая со стола, он загромыхал, разбудив ребят. Все девять человек вскочили в недоумении.

— Что такое?

— Кто стреляет?

— Бомбят, — пошутил я. — Вставайте, байбаки! Привыкли бездельничать в Домодедове.

— Ай, — отмахнулся самый молодой из нас, летчик Гагин, и, перевернувшись на другой бок, накрыл голову подушкой.

Одеяла с окон полетели вниз, и комната наполнилась ровным светом теплого осеннего утра, свежим, чистым воздухом с вкусным запахом свежеиспеченного хлеба, который выпекали в пекарне обслуживающего батальона.

— Хлеб, — потянул носом Саша Денисов.

— Русский хлеб, — смакуя, произнес Илья Чумба-

рев. — Корочку бы сейчас, румяную, поджаристую. С маслом. А?

— Не заработали мы на хлеб сегодня, — лукаво улыбнулся Иван Балюк.

— А мы аванс попросим, — в тон ему ответил Илья. — Эй, Гагин, вставай, красоту проспишь. Вставай да сбегай за хлебом. Иль не чуешь благодати ржаной?

— Не мешай ему, — сказал Саша Денисов, — ведь он до авиации работал пожарником. А у них такой закон — пока на одном боку не проспишь двадцать пять часов кряду, ни разу не повернувшись, не видать тебе посвящения в рыцари брандспойта.

Поднялся хохот. Не выдержал и Гагин. Смеясь вместе со всеми, он начал заправлять свою кровать. Одни выбежали на зарядку, другие стали умываться.

— Яков, — попросил Иван Балюк, — полей, пожалуйста, на голову.

— Лей не лей, все равно шевелюра не вырастет, — съязвил Денисов.

— Важно не то, что на голове, а то, что в голове, — отфыркиваясь, заметил капитан. — А у тебя, Саша, ветерок в голове, хотя и шевелюра буйная.

Ребята снова засмеялись.

У дверей показался посыльный и доложил, что командира первой эскадрильи вызывают в штаб к одиннадцати ноль-ноль.

— Хорошо, приду, — сказал капитан.

Собравшись, мы пошли в столовую, а позавтракав, направились в штаб. Евгений Петрович Мельников расспросил капитана об эскадрильских делах, об учебе молодых летчиков. Балюк ответил на вопросы командира полка и под конец разговора спросил, скоро ли в настоящее дело, когда получим новые самолеты.

— Скоро, скоро, — заверил подполковник. — А пока вот тебе пакет, доставишь его в штаб дивизии.

— На автомобиле? — уточнил Балюк.

— Зачем же на автомобиле? Бери По-2 и лети. Сегодня же и обратно вернешься.

— Есть, — повеселел капитан. — Летать, даже на «кукурузнике», лучше, чем сидеть и зубрить наставления.

— У вас все такого мнения?

— Конечно, — ответил Балюк.

— Напрасно, Иван Федорович. — Наставления надо знать. Ну, собирайся — и в путь.

Капитан улетел, предупредив меня, что, если он почему-либо не возвратится, надо завтра провести занятие с летным составом по тактике боевых действий своих самолетов и авиации противника.

Вскоре из штаба дивизии позвонили, что капитан Балюк прибыл, передал пакет и сразу же, не задерживаясь, вылетел обратно. Мы ждали его час, два... Уже наступила темнота, а Ивана Федоровича все не было. Я пробыл на аэродроме до глубокой ночи. Не сел ли командир на вынужденную? Не уклонился ли от маршрута?

Только на вторые сутки стало известно, что капитан вылетел за несколько минут до захода солнца, а когда уже наступила полная темнота, он приземлился возле одной из деревень. Подробности же рассказал сам Балюк...

Небольшая площадка, облюбованная капитаном, оказалась вполне пригодной для взлета и посадки. Пройдя над ней два раза, Балюк сел. Подрулив поближе к первому сараю, он развернул самолет против ветра и выключил мотор. Не успел вылезти из кабины, как его окружила толпа любопытных деревенских ребятишек, к которым вскоре присоединились и взрослые.

Какой-то белобрысый паренек в кепке без козырька, вытерев ладонью нос и обдернув выцветшую рубашонку с расстегнутым воротом, отделился от толпы и, пристукнув каблуками здоровенных ботинок, спросил:

— Вы — советский?

Иван Федорович улыбнулся:

— Так точно, товарищ... как тебя?

— Степашкой зовут, — ответил мальчонка.

— Советский, товарищ Степашка!

В толпе засмеялись.

— А зачем прилетели?

— На тебя посмотреть, Степа. Уж больно ты парень-то толковый. И смелый, видать. И вот на них тоже, — показал капитан на Степиных односельчан.

— А вы с немцами воевали или все время вот так летали, по деревням? — спросил Степашка.

— Пришлось немного повоевать, — уклонился от ответа капитан.

— Немного — это так себе... Над нашей деревней каждый день така-ая карусель была, — протяжно сказал Степа, — что даже на земле голова кругом шла. Вот такого бы летчика посмотреть, настоящего. А «кукурузников» мы вида-али, — закончил малец и, разочарованно махнув рукой, отступил в толпу.

— Критику ты, брат, навел большую, — покачал головой Балюк. — А сам-то воевал?

— Я — нет. Зато у меня тятка танкист. Орден Славы получил!

— О! Значит, ты сын героя? Молодцом!

Собравшиеся расступились, давая кому-то дорогу. Балюк увидел: к самолету пробирается высокая, хорошо одетая женщина. Она шла большим, размашистым шагом, на ходу отвечая на вопросы односельчан.

— Ну чего, чего столпились? Телеги не видели, что ли?

— Елена Петровна, какая же это телега? — усмехнулась худенькая девчушка. — Это самолет. Наверно, к тебе, как к председателю колхоза.

— Сама спрошу — ко мне, нет ли, — ответила женщина.

Балюк, сдвинув племофон на затылок, пошел на встречу Елене Петровне. Поздоровались. Председательница потребовала документы. Капитан показал.

— Батюшки! — всплеснула руками Елена Петровна. — Герой!

— Герой?!

— Герой! — зашумели в толпе. — А ты, Степка, молот тут всякую ерундовину: летал — не летал, батькой своим выхвалялся.

— Да я... кабы знал... да я что... Отстаньте! — И вдруг выпрямился, поднял голову: — А где вы раньше были? За мою спину прятались. Осмелели после меня-то. А я первый к нему подошел!

Люди начали наперебой задавать Балюку вопросы, приглашать покушать, отдохнуть.

— Надо бы, Елена Петровна, — попросил капитан, — охрану к самолету. А завтра с утра полечу домой.

— Степашка! — крикнула женщина. — Беги к деду Миرونу и скажи, чтобы сей момент был здесь.

— Есть! — смешно козырнул мальчонка и во весь дух помчался выполнять приказ председательницы.

— Да пускай дробовик захватит с собой! — крикнула ему вслед Елена Петровна.

Дед МIRON, в сопровождении Степашки, пришел минут через десять. За плечом у МIRONа висело ружье.

— Здравия желаю! — поздоровался он с Балюком. — Какое будет приказание?

— Просьба, дедушка: покарауль машину до рассвета, — сказал Балюк.

— Это можно, со всем нашим удовольствием. — Дед МIRON снял с плеча ружье: — Вот этой пушкой укокошу любого гитлера, коль подкрадываться будет. Сильно бьет, на шашнадцать саженой — все дробины в картуз. Так что будь спокоен, милоч.

— Ну вот и отлично, товарищ часовой, — улыбаясь, сказал Иван Балюк. — Принимайте пост.

Дед обошел самолет, расправил бороду и, приложив руку к измятой шапчонке, доложил:

— Пост принят! Марш все от ероплана!

В толпе засмеялись.

— Эт-то што за фокусы? Часовой — святая личность, и надсмехаться над ей никому не дозволено. А ежели што, так и пальнуть могу. Сказано марш от ероплана, значит, тикайте. Катька! Приташши-ка кисет, — распорядился дед МIRON, — да кресало.

— Курить у самолета нельзя, — предупредил Балюк.

— Гм-гм, — хмыкнул дед и крикнул вдогон девчонке: — Катька, не велено. Отставить кисет и кресало. Принеси нюхательного табаку.

По дороге в деревню Балюк отвечал на многочисленные вопросы ребятишек и взрослых.

— Телефон у вас есть, Елена Петровна? Надо бы доложить в полк, — сказал капитан.

— Связи у нас нет никакой, но, если надо, можно послать в район человека. Напишите номер телефона, что передать, куда звонить, и все будет в порядке, — ответила Елена Петровна.

— Разве над вами тоже есть начальник? — удивился кто-то. — Над Героем?

— У нас много Героев, а командир полка один.

— Вон как...

Ивана Балюка определили на ночлег к Анастасии Ильиничне, худощавой, черноглазой женщине средних лет. Она была бригадиром в колхозе. Дом ее стоял

неподалеку от площадки, на которой приземлился самолет.

Встретили Ивана хлебосольно. На столе было все, чем красна изба. Соседи Анастасии Ильиничны, Гаврила и дядя Матвей, принесли две бутылки самогона.

— Ну-ка, Матвей, чиркни спичкой, — сказал Гаврила.

— Горит! — весело отозвался Матвей. — Первачок.

После чарки разговор пошел свободнее. По просьбе своих новых друзей Балюк сначала рассказал о положении на фронте, затем о воздушных боях, об отважных летчиках.

Разошлись поздно ночью, когда, кажется, обо всем переговорили. Правда, захмелевший Гаврила еще порывался сходить за первачком, но Анастасия Ильинична прицкнула на него...

Дед Мирон караульную службу нес исправно. С самого рассвета ребятишки толпились у самолета, но часовой никого не подпускал к нему.

— Не подходи! — покрикивал он. — Пальну.

— Так у тебя дробь-то нет, — подзадоривали его мальчишки.

— Я и солью пальну — окочуришься. Не подходи!

Когда Балюк подошел к машине, дед Мирон по всем правилам доложил:

— Ероплан в цельности и сохранности. Никаких безобразий, кроме мальчишек, не заметил.

— Спасибо, дедуся!

— Рад стараться, товарищ Герой Советской страны! — вскинул дед Мирон седенькую бороденку.

Ребята во главе со Степкой попросили капитана «покатать» их на самолете.

— Что ж, покатаю, — пообещал Балюк. — Принесите-ка два кирпича.

Мальчишки кинулись к развалинам соседнего дома и принесли целую дюжину кирпичей.

— Подкладывайте под колеса, — сказал им летчик. — Так. Молодцы! А сейчас запустим мотор и полетим: Степа, помоги-ка мне провернуть винт. Так, так, так! Хорошо! Когда я сяду в кабину, ты с кем-нибудь рвани лопасти винта — и в сторону. Понял?

— Понял.

Вскоре самолет был готов к полету. Усадив в заднюю кабину Анастасию Ильиничну, Балюк сделал круг над

деревней. Председательница отказалась лететь: не на таких, мол, летала, знаю, что к чему.

Потом поднимался в воздух с дедом Мироном.

— Эх, боже ты мой! — вылезая из кабины, возбужденно кричал дед. — При жизни в раю, на небеси побывал...

Балюк летал со Степкой, с девочками. Только начал взлетать с восьмым или девятым пассажиром, как мотор после отрыва от земли дважды чихнул и остановился. Высота всего несколько метров, а впереди высоковольтные провода. Выход один — садиться прямо перед собой. Балюк принял решение направить самолет между столбами: разворачивать влево или вправо нельзя, нет достаточной высоты. Пока планировал, машину снесло вправо, и она ударилась крылом о столб...

Приподняв очки, Иван вылез из самолета, вытащил из кабины перепуганную насмерть девушку и, не заходя в деревню, медленно поплелся вдоль столбов к дороге.

В полк он пришел к исходу третьего дня. Рассказал нам, а потом командиру все, как было.

— Черт меня дернул аттракционы устраивать! Герой...

Балюка отругал Мельников. Потом ему досталось на орехи от командира дивизии. А когда его вызвали в штаб воздушной армии, он снял с себя ордена и Золотую Звезду, завернул их в носовой платок и, тяжело вздохнув, проговорил:

— Все, отлетался Иван Федорович...

Сначала мы смеялись над незадачливым аттракционистом, а потом встревожились: в армии накажут за самовольство и поломанную машину. Но волнения наши были напрасны. Генерал Руденко расспросил Балюка о его приключениях, отечески пожурил и неожиданно предложил:

— Поезжай-ка ты, Иван, домой, в Конотоп. Повидай родных, а то скоро на запад пойдем.

Так закончилась эта история с пакетом.

2

Дни тянулись медленно, как ленивые волны: самолетов не было, и приходилось заниматься наземной подготовкой. Каждому хотелось поскорее подняться в воздух

и рвануться к берегам Днепра, на Украину, где шли бои с врагом, приближаясь к границе.

Но вот пришла весть о том, что мы скоро получим «аэрокобры» и начнем их осваивать. Весть взбудоражила полк: никто из нас не летал на таких машинах.

Однако это «скоро» длилось больше двух недель, пока из штаба дивизии не позвонили, чтобы мы выслали представителей для встречи летчиков, перегоняющих самолеты Р-39. Желающих оказалось так много, что командир полка распорядился подать несколько грузовых машин для летчиков и техников.

— Посмотрим, что нам прислал ленд-лиз, — потирая руки от нетерпения, сказал Денисов.

— Говорят, на каракатицу похожа эта «кобра».

— Передняя нога высокая, а мотор сзади летчика.

— А на всех приборах — английские надписи: автолян, футы, мили... Придется с переводчиком летать или самим учиться «хаудуэдукать».

Это было произнесено с таким откровенным извращением, что хохот катился за машинами несколько километров.

— Эй вы, словотворцы! — погрозил кулаком Мельников. — Не озорничайте.

Добравшись до аэродрома, мы слышали гул моторов. Выбежавший навстречу Мельникову начальник связи полка капитан И. К. Бархатов доложил, что к нам летят четыре самолета «аэрокобра» с соседнего аэродрома во главе с капитаном Бабенко.

— Аа-а, Гаврила, — кивнул головой Евгений Петрович, — знаю.

Мы напряженно всматривались в небо, ожидая диковинные самолеты. Наконец они выскочили из-за верхушек деревьев и, пролетев на бреющем полете, разошлись веером.

— Метеоры! — заметил кто-то.

— Они тебя возьмут в шоры, эти метеоры. Намучаешься с ними, — возразил ему другой.

Через несколько минут самолеты уже стояли возле нас, и мы сразу же облепили их, как мухи.

— Гляди-ка, Гагин, — показал Николай Крючков, — коленчатый вал проходит под самой кабиной. Так что ты не спи, а уснешь — комбинезон вместе с брюками наматает на вал...

— Да ладно тебе, — отмахнулся от него Гагин. — Сам не засни.

Летчики, пригнавшие «аэрокобры», едва успевали отвечать на наши многочисленные вопросы. Нас интересовало все — от конструкции до эксплуатации на земле и в воздухе.

— Ничего, друзья, — бодро произнес майор Бенделиани, — сами во всем разберемся. Надписи в кабине сделаем по-русски, а там легче будет. Принцип работы у всех моторов одинаковый. Одинаково и летают все самолеты. Особенности же расспросим у товарищей, которые пригнали нам самолеты, кое-что найдем в инструкциях.

— Погоди, Чичико, — предупредил его Мельников, — пусть ребятам кое-что расскажет Бабенко.

Капитан охотно согласился и добрых два часа объяснял нам, что к чему.

— Слушай, Бабенко, а ну-ка дай мне свой парашют, — сказал Евгений Петрович.

Мельников сел в кабину, закрыл дверцу, затем опустил стекло, которое поднималось и опускалось, как в любой автомашине.

— А теперь, Гаврила, покажи, как выбрасываться с парашютом, если обстоятельства вынудят.

— В воздухе при встречном потоке дверцу прижимает, — сказал капитан Бабенко, — поэтому ее необходимо сбрасывать аварийно. Дернешь вот эту красную ручку — толкай ногой дверку. Потом свободно падаешь на плоскость, и потоком воздуха тебя сдувает, как пушинку. Ну а все остальное известно — раскрываешь парашют и спокойненько, если нет «мессеров» или «фокеров», опускаешься.

Мы внимательно слушали его.

— Ну как, понятно? — спросил он.

— Понятно!

— А теперь давай попробуем запустить эту технику, — попросил Мельников.

Капитан Бабенко помог нашему командиру запустить мотор, потом рассказал, как надо рулить по аэродрому. А после рулежки Бабенко залез на крыло и о чем-то с минуту говорил с Мельниковым.

— Подрулив к взлетно-посадочной полосе, Евгений Петрович прибавил обороты и пошел на взлет, но в се-

редине разбега убрал газ и остановился. Было видно, что машина послушно выполняет волю летчика.

Потом командир снова начал взлет. Скорость нарастала. Самолет приподнял переднее колесо и, пробежав еще несколько метров, оторвался от земли. Мы наблюдали за действиями подполковника. Со стороны все было так же, как и на наших самолетах.

Сделав два круга над аэродромом, Мельников пошел на посадку. После третьего разворота выпустил шасси. Посадка была классическая — сначала на основные два колеса, затем, во второй половине пробега, самолет плавно опустил нос и покатился на трех точках.

Так мы познакомились с новой боевой машиной, затем начали изучать ее, стали летать на ней. Прав был Чичико Бенделиани: принцип действия всех самолетов одинаков.

— Летать вроде бы научились, — сказал однажды Василий Лимаренко, — да на чем воевать-то? В полку всего четыре машины.

— Все будет в свое время, — пообещал Мельников.

И в самом деле, вскоре полковник Крупинин отобрал из полка двадцать четыре летчика и приказал готовиться к отъезду в Красноярск.

— Там и получим «аэрокобры». А оттуда летом до самого Курска, — закончил инструктаж заместитель командира дивизии.

Наши войска, наступая на запад, освобождали один город за другим. Сердце переполнялось радостью за родную землю, вновь обретшую свободу, за советских людей, сбросивших ярмо фашистского рабства, за армию, мужающую от победы к победе. Сумы, Сталино, Нежин, Чернигов, Полтава, Хотимск были отбиты буквально за каких-нибудь двадцать дней.

«Объезжая» заморского скакуна — «аэрокобру», я мечтал вместе со своими однополчанами подоспеть к штурму Кременчуга, неподалеку от которого прошло мое детство, отрочество и юность. Но мечты мои не сбылись: в конце сентября 1943 года войска Степного фронта освободили Кременчуг, несмотря на то что враг превратил его в сильный опорный пункт на левом берегу Днепра.

Сообщил мне об этом парторг полка Шувалов в конце дня, когда я сделал последний полет на новом самолете, заканчивая программу переучивания.

— Подарок тебе, Яков. Большой подарок, — радостно сказал он, взобравшись на крыло «аэрокобры».

— Какой подарок? За что? — удивился я.

— Самый дорогой, какой только можешь себе представить, — возбужденно ответил парторг. — Наши освободили город Кременчуг, твою родину, Яша. Поздравляю!

Не помню, как выскочил из кабины, как начал тискать в объятиях Шувалова. Пришел в себя от умоляющего голоса парторга:

— Кости, кости переломаете, медведь!.. Эка сила!

— Спасибо, Шувалыч, спасибо, друг!

— Что за эмоции? — полюбопытствовал Мельников.

— Сдурел от радости парень, — разминая плечи, ответил Шувалов. — Я ему об освобождении Кременчуга сказал, а он набросился на меня медведем.

Командир полка улыбнулся и шутливо заметил:

— Да, если при нынешних темпах продвижения наших войск каждый будет вот так проявлять свои чувства, то, пожалуй, мы останемся без парторга. До смерти зажимают, черти... Ну, Михайлик, — обратился ко мне Евгений Петрович, — освоил «кобру»?

— Хоть сейчас в бой.

— Потерпи, теперь уже скоро. А сегодня надо ехать в Красноярск за машинами. Крупинин торопит. Так что собирайся в дорогу.

В тот же день я написал письмо на родину, в Максимовский сельский Совет, в котором просил срочно сообщить о судьбе моих родных — отца, Данилы Дмитриевича, и матери, Харитины Тимофеевны. Невольно вспомнилось родное село Максимовка, растянувшееся вдоль шоссе на дороге Кременчуг — Градижск на добрые семь километров.

Максимовка раскинулась на небольшой возвышенности по левобережью Днепра, протекавшему когда-то у самого села. Потом, по рассказу деда, слышавшего эту историю от своего деда, река изменила русло, отошла от села влево, и на месте бывшего русла образовались плавни с безымянной речушкой, впадающей в реку Хо-

лодная. А сама Холодная бежала к Днепру, чтобы слить свои воды со знаменитой рекой, дивно воспетой Николаем Васильевичем Гоголем.

Своеобразный островок, образованный безымянной речушкой, зеленел могучими старыми дубами, стройными тополями и раскидистыми плакучими ивами, склоняющими свои красивые ветви до самой воды. Птиц на этом островке было видимо-невидимо. Заберешься, бывало, с ватагой сельских мальчишек в эти приднепровские джунгли и слушаешь веселые птичьи концерты, замирая от восторга. Озерки на этом благодатном пятачке земли полным-полны рыбой. Особенно славилось озеро Вертебо, о котором ходило немало легенд. Какой-нибудь досужий рыболов или охотник соберет нас, сельских мальчишек, и начинает рассказывать разные были и небылицы. Слушаешь его и мысленно уносишься в сказочный мир, полный таинственности, приключений, романтики...

Каково-то сейчас там, в стране моего детства? Живы ли дорогие моему сердцу люди? На месте ли уютные белые хаты, окруженные садами? По-прежнему ли звенят веселые птахи в зарослях островка? Так же ли плещется рыба в тихой прозрачной воде? Что с тобой стало после лихолетья, край мой любимый, край, о котором сложены стихи:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора?

С мыслями об освобожденной Полтавщине ехал я на восток страны, в далекий сибирский город Красноярск, что стоит на славном Енисее, тоже овеванном седыми легендами. Там я и получил долгожданную весточку с родины. Потрясенный великой радостью, долго смотрел я на неровные буквы, выведенные натруженной, мозолистой рукой отца. Смотрю на обратный адрес и не верю своим глазам: Полтавская область, Градижский район, Максимовский сельский Совет, село Максимовка, Михайлику Даниле Дмитриевичу. «Жив, жив батька!» — ликovalo во мне все. Дрожащими от волнения руками вскрываю толстый конверт.

Первое, что увидел, — сложенный вчетверо приказ. Читаю.

«1. В этой деревне разрешается жить только оседлым местным жителям, а пришлым из других местностей — только с разрешения германского командования.

2. В темноте гражданскому населению не разрешается покидать ни домов, ни местности. В крайне исключительных случаях гражданским лицам разрешается покидать местность лишь в сопровождении германского солдата.

3. Строго воспрещается давать приют, снабжать продовольствием и оказывать помощь партизанам и пришельцам из других местностей. Виновные в этом будут немедленно расстреляны.

О всяком появлении партизан или чужих пришельцев должно быть заявлено немедленно местному старшине и через него ближайшему германскому местному коменданту.

4. Неисполнение этого приказа карается смертной казнью...»

Я отшвырнул ненавистную бумажонку о введении «нового порядка» с бесконечными угрозами расстрела. Зачем ее прислал отец?

«...Почитай, сынок, этот приказ — а их был не один десяток — и узнаешь, в какой тюрьме мы жили все это время... Ты знаешь, что Максимовка наша была верст десять в длину, а нынче осталось от нее с десяток хат. Нашу хату тоже разорили и сожгли немцы. А бабку твою хотели сжечь, заперев ее в хате. Спасибо матери, Харитине Тимофеевне, она вытащила ее, когда уже все занялось полымем. Обгорелую, но вытащила. Теперь по-немногу поправляется, но дюже плоха...

А теперь опишу все, как было, по череду — от прихода германцев до той поры, пока их не турнули с Полтавины...»

Я читаю письмо, едва сдерживая набегающие слезы, и вижу непокорную мужицкую Максимовку. Ни поджоги, ни виселицы, ни публичные расстрелы, ни насилия — ничто не сломило могучий советский корень, душу наших людей.

«Как не потечет вспять Днепр наш батюшка, так не заставить нас идти против совести, против власти нашей законной, какую сами вырвали в семнадцатом

для себя, сыновей, внуков и правнуков своих, — писал отец. — Так что ты, сынок, не сомневайся: не опозорили мы чести и имен детей своих, будучи в немецкой неволе...

А еще сообщаю тебе, что старший твой брат Иван пал в бою под Минском еще в начале войны. Не обошло нас лихо, как и другие семьи... Мать дюже горевала, все слезы выплакала, осталась одна чернота на душе... Теперь молит бога, чтобы хоть ты с Гришей остались целы. Гриша-то в Горьком покамест служит, то ли в школе, то ли в училище артиллерийском. Хорошо бы вам повидаться. Ежели выйдет оказия — слетай к нему, может, начальство отпустит.

О нас ты, Яша, не беспокойся. Теперь все будет по-прежнему, потому как вернулась законная советская власть.

Низко кланяется тебе и обнимает твоя мать. И еще просит она: напиши, старик, Яше, чтобы он не дюже высоко и шибко летал, а то ведь страшно, наверно, в вышине... Что взять со старухи? Приходится писать.

Ну, будь здоров, сокол. Бей паршивую немчуру покруче, отомсти за наше горе, за наши слезы. Ждем от тебя ответ. Твой отец Данила Михайлик».

На уголке была приписка:

«Тут прислала свой адрес какая-то дивчина, Катюша. Просит тебя написать ей письмо. Ежели ты женился, то сообщи нам, чтобы мы знали все о своей невестке».

В эту ночь я уснуть не мог.

3

Находясь далеко на востоке, мы пристально, можно сказать даже ревностно, следили за боевыми действиями своей армии, за событиями своего фронта, за тем, как обстоят дела на всем театре борьбы Красной Армии с немецко-фашистскими войсками.

Нам было приятно узнать, что 6 октября 250 самолетов 16-й воздушной армии нанесли мощный удар по железнодорожному узлу Гомель, где находились бронепоезд и 10 эшелонов под погрузкой. Во время этого налета было сожжено 65 вагонов, выведено из строя 3 паровоза, бронепоезд, 20 платформ и 40 автомашин.

Недели две спустя мы узнали о том, что Центральный фронт переименован в Белорусский и что он, этот фронт, с 10 ноября начал осуществлять Гомельско-Речицкую наступательную операцию.

— Эх, успеть бы, — горели нетерпением летчики, особенно те, кто был родом из Белоруссии.

— Успеем, друзья, — успокаивал полковник Крупинин. — А кто сегодня проводит политинформацию? Михайлик? Докладывай, что нового.

Каждый день дежурный политинформатор сообщал однополчанам известия, пользуясь газетными материалами и радиосообщениями. Это занимало пять—десять минут. Красные флажки на карте изо дня в день все дальше шагали на запад.

21 ноября ударная группировка нашего фронта продвинулась на 75 километров и вышла в глубокий тыл вражеским войскам, оборонявшимся в районе Гомеля. Потом наступление в районе Пропойска (ныне Славгород), освобождение города Брагин, форсирование Березины, изгнание немцев из Гомеля и продвижение в направлении на Жлобин. Особенно отрадно было то, что успеху наземных войск активно содействовали авиаторы нашей 16-й воздушной армии.

Наконец в Красноярск прибыла партия «аэрокобр». Через день-другой мы приняли их, оформили документацию и приступили к облету. Рассчитывая на прыжок по воздуху в несколько тысяч километров — от Красноярска до Курска, мы на каждый самолет подвесили дополнительные бензобаки емкостью 600 литров.

С таким баком «аэрокобра» вела себя довольно неустойчиво, особенно при выпуске шасси после четвертого разворота. Да и с убранными шасси самолет как будто был на игле, очень неустойчив.

— Я говорил, — горячился Саша Денисов, — что это не самолет, а каракатица. Сто раз пожалеешь о своих «яках». Еще неизвестно, как эти «кобры» в бою будут себя вести, а то наплачешься с ними.

— Это уже от тебя зависит, — возразил ему Лимаренко. — Как ты будешь себя вести, так и самолет.

Убедившись в исправности машин, мы стартовали. День выдался погожий. Под крылом тайга да снег — насколько хватает глаз.

Из Красноярска до Новосибирска добрались благопо-

лучно, но вскоре разыгралась жестокая метель, и нам долго пришлось ожидать благоприятной погоды. Так и летели — час-два в воздухе, сутки-двое на земле.

Омск... Курган... Свердловск... Ижевск... Йошкар-Ола... Горький.

«Гриша в Горьком покамест служит», — вспомнилась мне строка из отцовского письма. Отпросившись у полковника Крупинина, я отправился на поиски брата, которого не видел с довоенного времени. Шел в комбинезоне и унтах, потому что другой одежды с собой не было. Шел и думал: «Застану Гришу или он уже уехал на фронт?»

Вот и улица, указанная в письме, дом, в котором должен быть брат. Я остановился, унимая волнение.

Набрав полные легкие воздуха, единым духом взбежал на второй этаж. Стучу.

— Войдите, — слышался женский голос.

Не ошибся ли?

Открыл дверь. Небольшая комната, перегороденная цветной ширмочкой.

— Здравствуйте, — поздоровался с женщиной, державшей на руках грудного ребенка.

— Здравствуйте, — оглядывая меня с ног до головы, ответила незнакомка. — Вам кого?

Из-за ширмы вышел старший лейтенант с погонами артиллериста.

— Вы к кому, товарищ?

— Да так... — замялся я для виду, — переночевать бы...

— Переночевать? — Гриша оглядел свою тесную комнатушку, как бы прикидывая, где бы положить такого медведя. — С удовольствием, но, извините, без комфорта.

— Вижу, Гриша, вижу, братуха! Но все равно останусь у тебя!

— Яшка! — кинулся ко мне брат. — Что же ты мне голову морочил? Яшка-а!

Мы обнялись.

— Познакомься, — брат представил мне свою супругу. — А это самая юная из рода Михайликов, — Гриша взял у жены дочь и, словно куклу, поднес ее к моему лицу. — Похожа? То-то! Танюшей зовут.

Это был один из самых мирных и милых вечеров, какие отвела мне судьба за все время войны.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

*Над полями, лесами, озерами
Боевые летят корабли,
И свобода встает над просторами
Возвращенной народу земли.*

Владимир Луговской

4

Наш полк снова вошел в состав 16-й воздушной армии, обеспечивающей действия войск Белорусского фронта, которому совместно с 1-м Прибалтийским и Западным фронтами предстояло принять участие в разгроме витебской, оршанской и бобруйской группировок противника с выходом на рубеж Полоцк, Лепель, Могилев, река Птичь в общем направлении на Минск.

8 января 1944 года на левом крыле Белорусского фронта загудели орудия. Войска перешли в наступление на Мозырь и Калинковичи. К середине месяца они были взяты. Регулярным войскам в этой операции оказали содействие партизаны Полесья. Примерно через месяц после этого Белорусский фронт был переименован в 1-й Белорусский, и его полки и дивизии, прорвав оборону врага в районе Рогачева, овладели этим важным опорным пунктом на бобруйском направлении. В течение полутора месяцев, когда осуществлялись Калинковичско-Мозырская (8 января — 8 февраля) и Рогачевско-Жлобинская (21—26 февраля) наступательные операции, мы получили «боевое крещение» на новых самолетах, летая на сопровождение наших бомбардировщиков и штурмовиков, наносивших удары по коммуникациям и войскам противника.

Война заставила менять тактику. Новые тактические приемы применялись и в авиации. В частности, «петляковы» все чаще и чаще наносили удары по врагу с пикирования. Такой способ существенно отличался от бомбометания с горизонтального полета, был эффективнее: точность поражения целей резко возрастала.

— Обеспечивать работу пикировщиков теперь сложнее, — подтвердил командир Полка на одном из методических совещаний. — Поэтому взаимодействие с ними надо отрабатывать особенно тщательно. Чем лучше мы продумаем этот вопрос на земле, тем организованнее будем действовать в воздухе. — И Мельников начал объяснять основные способы прикрытия.

— Карусель какая-то получается, — заметил озадаченный Гагин. Младший лейтенант был необстрелянным летчиком, и усложненный способ обеспечения боевой работы Пе-2 казался ему очень мудреным.

— Да, — ответил подполковник Мельников, — если хотите, то это можно назвать «организованным беспорядком». Со стороны смотреть — кажется неразбериха, а в самом деле — четкая организация строя с конкретной задачей для каждой подгруппы истребителей.

Опытные однопольчате отлично разбирались во всей этой «карусели». К району бомбометания «пешки» шли обычным клином, а у самой цели перестраивались в правый пеленг и начинали бомбить вражеские войска с пикирования, как бы выписывая траекторией полета цилиндр.

Истребители при этом разбивались на три, иногда на четыре подгруппы. В самом верхнем ярусе — ударная, не допускающая «мессершмиттов» или «фокке-вульфов» к нашим самолетам. Остальные подгруппы непосредственного прикрытия распределялись так: одна на высоте ввода Пе-2 в пикирование, другая — еще ниже. Эти две подгруппы выполняли полет по внешнему кругу то по часовой стрелке, то против нее. И на самой малой высоте — третья подгруппа истребителей. Она ходила с противоположным курсом, не давая возможности «мессам» подойти к «петляковым» па выходе из пикирования и переходе в набор высоты для очередного бомбометания. Такой строго продуманный, рассчитанный боевой порядок называли «этажеркой». Что и говорить, он был сложен, но надежно обеспечивал безопасность бомбардировщиков и почти исключал потери от зенитной артиллерии, так как отдельные экипажи выполняли специальную задачу по уничтожению зенитных точек врага. Впрочем, на них обрушивал огонь тот, кто первый заметит.

...Над аэродромом Тростынь, куда мы перелетели еще в декабре прошлого года, прочертила дугу долгожданная зеленая ракета. Долгожданная потому, что, как известно, с 17 апреля войска 1-го Белорусского фронта находились в обороне. Правда, мы и в этот период летали на разведку, на перехват самолетов противника, выполняли другие боевые задания, однако настоящего ратного напряжения не было. И только 22 июня, когда войскам фронта было приказано провести разведку боем на довольно обширном фронтальном участке, мы приступили наконец к настоящему делу. Шестерка «аэрокобр», возглавляемая капитаном Балюком, взмыла в белорусское небо. Вскоре мы увидели группу Пе-2 и пристроились к ее флангам с небольшим превышением. В районе бомбометания уже барражировали летчики из второй эскадрильи, посланной Мельниковым несколько раньше. Это была ударная группа. Она ходила на высоте 3000—3500 метров.

Пикировщики перестроились. Иван Федорович Балюк со своим ведомым остался наверху. Я и Николай Крючков пошли следом за первым Пе-2, охраняя его от ударов вражеских истребителей. Там, внизу, мы и остались до конца выполнения бомбардировщиками своей задачи. Илья Чумбарев и Саша Денисов — в середине общего боевого порядка. «Петляковы» друг за другом начали пикировать, сбрасывая по одной-две бомбы. Внизу разрывы, всплески огня и клубы дыма. Прицельно, точно бомбят ребята. Жарко фашистам на земле белорусской. Для многих из них этот день — последний в жизни: то, что искали, наконец нашли... Победно рокоча моторами, «петляковы» пошли на второй заход. То снижаясь почти до самой земли, то набирая высоту до 2000—2500 метров, я и Николай Крючков просматриваем воздушное пространство, чтобы не прозевать подход немецких истребителей. Мы хорошо изучили «фокке-вульфов». Они обычно подкрадываются к нашим самолетам на малых высотах и нападают на них во время выхода из пикирования. Но фашистов пока не видно, и Пе-2 делают третий заход по переднему краю врага.

Но вот в наушниках послышался предостерегающий голос командира эскадрильи:

— Внимание, «фоккеры»!

Едва успев ответить ему, я заметил два вражеских

самолета, показавшихся на малой высоте. Идя на большой скорости, друг за другом, они, видимо, решили с ходу атаковать бомбардировщик, устремившийся в пикирование.

Осмотревшись еще раз и оценив обстановку, я несколько подвернул свою «аэрокобру» влево и передал Николаю по радио:

— Смотри в оба, атакую!

В своем ведомом я был уверен, Крючков не подведет, надежно прикроет. Поэтому я ни на одно мгновение не выпускал из поля зрения «фокке-вульфа», устремившегося на Пе-2. Вот уже дистанция открытия огня. Еще секунда-другая, и будет поздно: гитлеровец ударит по бомбардировщику. Нет, прошло время, когда мы кусали губы от отчаяния, упуская врага безнаказанным. Заработали пушка и два крупнокалиберных пулемета. «Фокке-вульф» загорелся и врезался в землю. Почти одновременно задымил его ведомый. Это Коля Крючков всадил в него свинцовую очередь.

Надо помочь Балюку. Однако не успели мы сделать полного круга, чтобы осмотреться, как сверху камнем упал третий фашистский истребитель. Значит, и там, в верхнем ярусе, не теряются наши летчики. «Петляковы» уже отбомбились и шли по кругу, ожидая, когда замыкающие самолеты выйдут из пикирования, чтобы собраться в общий боевой порядок и возвращаться домой.

На аэродроме царило оживление. И это было естественно: успешный боевой вылет после большой оперативной паузы как бы вдохнул в каждого из нас новый заряд физических сил и наступательного духа.

До сих пор мы отдавали дань восторга летчикам авиации дальнего действия, которые со второй половины мая наносили бомбардировочные удары по скоплению вражеских эшелонов на железнодорожных узлах, расположенных на различном удалении от нашего аэродромного узла. Брест, Полоцк, Минск, Барановичи, Холм — объекты ударов АДД в мае. В июне авиаэскадрильи полка дальнего действия наносили удары по аэродромам противника в Бресте, Белостоке, Барановичах, Минске, Бобруйске, Орше, Лунинце и Пинске.

Было совершенно ясно, что эти массовые налеты рассчитаны на уничтожение живой силы и боевой техники немцев, на ослабление их противодействия перед началом общей Белорусской наступательной операции, пре-

дусматривающей разгром группы вражеских армий «Центр». Ту же цель преследовали и активнейшие действия партизан, нанесших одновременный удар по железнодорожным коммуникациям неприятеля в целом ряде районов, в том числе в Бресте, Ленево, Городце, Лухинце, Янове, Полоцке, Молодечно, Вильно, Двинске. Читая об этом сообщении в газетах, мы ждали и своего часа.

И вот он настал, этот час. И значимость его тем более увеличивалась, что мы, фронтовики, повседневно ощущали всемерную заботу партии и правительства, всего советского народа. Участники боев за Москву и Кавказ ко всем своим прочим наградам добавляли теперь медали «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа». Многие авиационные подразделения и части получали на вооружение новые типы истребителей, прежде всего Ла-7 конструкции С. А. Лавочкина и модернизированный «як».

— Вот это настоящие метеоры, не то что наши «кобры», — говорил Александр Денисов.

— Ты всегда чем-нибудь недоволен, — упрекнул его Николай Крючков.

— А именно?

— То отсутствием второго фронта, то самолетами.

— Если ты думаешь, что, стоило американско-английским войскам высадиться на побережье Северной Франции и тем самым открыть второй фронт в Западной Европе, так сразу же нам с тобой стало намного легче, то ты ошибаешься. Я, например, не ощущаю этого. Когда-то еще они там расшевелились, — скептически заметил Денисов.

— Вот перейдем границу фашистской Германии, начнем штурмовать ее города, тогда союзники и начнут форсированное наступление, — вступил в разговор Геннадий Шерстнев.

— Тут все, братцы, с большой политикой связано, — резюмировал адъютант эскадрильи Михаил Савченко. — А наше первейшее дело сейчас — помогать наземным войскам выкуривать оккупантов с белорусской земли.

Перед Бобруйской наступательной операцией командование дивизии организовало летно-тактическую игру на тему «Прикрытие наземных войск в период прорыва танковыми корпусами линии обороны противника». Она преследовала цель проверить готовность частей и подразделений к боевым действиям.

20 июня мы перелетели на аэродром Неговка, а 24, 25 и 26-го уже летали на сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков 3-го бомбардировочного авиакорпуса, действовавшего в интересах наших наземных войск. Таким образом, во взятии Жлобина и глубоком охвате с севера и с юга бобруйской группировки противника была и наша лепта — летчиков 16-й воздушной армии.

Вот как оценило командование 241-й бомбардировочной авиадивизии нашу помощь:

«Летный состав 241-й дивизии просит передать благодарность всему личному составу истребителей, участвовавшему в боевой работе 24.6.44 г., и выражает уверенность, что боевое содружество наших частей будет впредь еще более крепким и позволит наносить эффективные удары по войскам врага»¹.

Через три дня операция успешно закончилась. Враг был изгнан из Бобруйска, из Слуцка, из сотен других населенных пунктов. Войска соседних фронтов освободили Витебск, Оршу и Могилев.

Помнится, с каким подъемом в связи с этим прошел у нас митинг. Открыл его представитель политотдела дивизии. Затем командир полка зачитал приказ Верховного Главнокомандующего, в котором всем воинам нашего фронта объявлялась благодарность.

Вслед за Мельниковым выступил Герой Советского Союза гвардии капитан Балюк:

— В течение двухдневных ожесточенных боев с ненавистным врагом войны нашего фронта добились больших успехов и удостоены благодарности Верховного Главнокомандующего. Фашисты отступают по тем же дорогам, по которым в Отечественную войну 1812 года бежала хваленая гвардия Наполеона, разбитая русским народом.

Мы, летчики и техники, клянемся, что отдадим все силы и умение для полного уничтожения фашистского зверя в его собственной берлоге. Только таким путем мы избавим нашу страну и другие поработанные народы от коричневой чумы.

Слово попросил гвардии старший техник-лейтенант Пащенко. Его звено — одно из лучших в полку — обслужило 1308 самолето-вылетов и восстановило 17 подби-

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. над, оп. 41409, д. 2, л. 94.

тых в воздушных боях самолетов. Пащенко имел три правительственные награды, ряд поощрений от командования эскадрильи и полка. Пользовался большим авторитетом среди сослуживцев. Коммунисты избрали его заместителем секретаря партийной организации эскадрильи. В своем выступлении он сказал:

— От имени всего технического состава подразделения заверяю, что мы готовы выполнить любое задание командира. Будем работать, если потребуется, круглые сутки, чтобы материальная часть всегда находилась в полной боевой готовности. У нас, как и у всего советского народа, только одно желание — скорее покончить с ненавистным врагом.

В основе всех выступлений лежало стремление как можно быстрее освободить советскую землю от гитлеровской нечисти и прийти на помощь народам Западной Европы, стонущим под немецким ярмом.

2

Бои шли непрерывно весь июль — с первого и до последнего дня. Наши наземные войска столь стремительно продвигались на запад, что строители не успевали своевременно готовить аэродромы, и фронтовая авиация несколько отставала от наступающих частей и соединений. Командование полка и дивизии, несмотря на то, что мы перебазировались с аэродрома Тростынь в Неговку, приняло решение использовать на самолетах дополнительные бачки, которые подвешивались под фюзеляжем, а при необходимости (в основном во время встречи с воздушным противником) сбрасывались на землю.

Сегодня мы тоже подвесили бачки, чтобы сопровождать самолет «Петляков-2», идущий на разведку по дальнему маршруту. В состав сопровождающей четверки истребителей назначили меня, Александра Денисова, молодого летчика Гагина и уже не новичка в летном деле Петрова. Мы с Гагиным выполняли роль группы непосредственного прикрытия разведчика от истребителей противника, а Денисов и Петров — ударной.

С прилетом Пе-2 в район нашего аэродрома мы должны были запустить моторы и выруливать на взлет. К сожалению, на самолете младшего лейтенанта Гагина мотор

не запустился. Ждать, пока техники устранят неисправность, возможности не было, и мы поднялись в воздух втроем. Пристроились к разведчику, легли на заданный курс.

Облачность — 6—7 баллов, нижняя кромка облаков — около 1300 метров, а наш лидер все набирал высоту. Когда мы пересекли линию фронта, облачность начала заметно уменьшаться, а солнце ярко светило со стороны хвостового оперения самолетов. Это последнее обстоятельство было невыгодно для нас, ибо противник мог использовать его для нанесения внезапного удара. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, я приказал своим ведомым усилить наблюдение.

Пе-2 увеличил скорость и, по-видимому, включил аппараты для фотографирования железнодорожных эшелонов юго-восточнее города Осиповичи и скопления вражеских автомашин и техники на шоссе на дороге. Денисов и Петров несколько отстали, и теперь мне одному приходилось просматривать воздушное пространство, выполняя эволюции самолетом вблизи от разведчика.

— Подтянитесь, — передал я по радио второй паре.

В этот момент на них со стороны солнца свалились восемь ФВ-190. Два «мессершмитта» на большой скорости начали заходить снизу, чтобы атаковать разведчика.

— Внимание, противник! — предупредил я Денисова и Петрова. — Атакую!

Выполнив переворот через крыло, пошел в атаку на Ме-109. Оценив мое преимущество (выгодное положение для атаки), «мессеры» отказались от своего намерения и, отвернув вправо, скрылись в облаках. Сбрасываю, как было предусмотрено инструкцией, подвесной бак с горючим и правым боевым разворотом перехожу в лобовую атаку на ФВ-190, которые после наскока на Петрова и Денисова пытались атаковать меня. Короткая очередь — и ведущий «фоккер» выходит из строя. В это время одна «аэрокобра», атакованная четверкой ФВ-190, загорелась и резко пошла к земле. Второй мой ведомый — кто, я не знал — продолжал вести воздушный бой.

— «Сирень-тридцать два», — передаю разведчику, — уходи в облака. Я веду воздушный бой.

Но вместо ответа с борта Пе-2 в наушниках слышу голос Денисова:

— Прикрой. Я подбит.

Значит, несколько раньше загорелась машина Петрова...

Разведчик, резко спикировав, скрывается в облаках. Теперь у меня развязаны руки. Врываюсь в стаю «фоккеров» и отбиваю их атаки от идущего на снижение Денисова.

— «Платина», я — «Сирень». Возвращаюсь домой. У меня все в порядке.

— Понял. Возвращайся, — ответил я командиру экипажа Пе-2.

«Фокке-вульфы» снова начали проявлять активность. Пришлось перейти в отвесное пикирование на полном газу, чтобы вовремя отбить очередной наскок немцев на планирующий самолет Денисова.

— Тяни на свою территорию, сколько можешь, — порекомендовал я Александру. — Тяни, от «фоккеров» прикрою.

К счастью, вражеские истребители вскоре отстали от нас — то ли у них было на исходе горючее, то ли они боялись встречи с новой группой наших самолетов вблизи от передовой.

Денисов продолжал лететь со снижением. Полоска дыма от его самолета растаяла.

Он подобрал площадку и посадил машину на фюзеляж в районе деревни Менькое, пятнадцать километров северо-западнее Жлобина.

Я снизился над самолетом Денисова до бреющего. Саша вылез из кабины и помахал мне шлемофоном. К самолету подъезжали на автомашине наши бойцы. Значит, все в порядке. Резко взмыл под облака и вскоре догнал разведчика, вместе с которым и возвратился на свой аэродром.

О нашей потере стало известно всем. Мы еще раз убедились, сколь важна осмоторительность в воздухе, как необходимо взаимодействие между парами и группами. Только недостаточная внимательность могла подвести такого опытного летчика, как Петров, — бывшего школьного работника, инструктора, обладавшего отличной техникой пилотирования.

Надежд на возвращение нашего товарища было мало, однако мы ожидали его каждый день, не могли забыть жизнерадостного, никогда не унывающего боевого друга. Он смело и дерзко вступал в единоборство с численно

превосходящим противником и всегда выходил победителем.

Помимо командования дивизии и полка этим чрезвычайным обстоятельством — потерей боевого летчика из-за неосмотрительности — были озабочены коммунисты и комсомольцы части. Очевидно, в связи с победным наступлением Красной Армии, в частности войск 1-го Белорусского фронта, некоторые из летчиков ослабили требовательность, стали утрачивать остроту бдительности. Все это и обусловило повестку дня партийных и комсомольских собраний по эскадрильям — «Задачи коммунистов и членов ВЛКСМ в повышении бдительности».

Докладчики (у нас в эскадрилье им был член партийного бюро полка лейтенант Кольцов) подчеркивали, что о бдительности нельзя забывать ни в воздухе, ни на земле. Приводили примеры, когда нарушения дисциплины оканчивались нежелательными последствиями. Особое внимание обращали на то, что с приближением наших войск к западным границам Германии и других капиталистических стран вражеская разведка активизирует свою подрывную деятельность. Говорилось также о возможном воздействии на неустойчивых, политически незрелых людей растленной буржуазной культуры и о мерах борьбы с этим влиянием.

После собраний были проведены беседы и политические информации. С лекцией «Быть на страже революционной бдительности — святая обязанность каждого офицера Красной Армии» выступил гвардии майор П. Д. Ганзеев, доклад «О методах немецкой контрразведки и засылки в наш тыл агентов и шпионов» сделал старший лейтенант П. П. Белоусов — наш оперативный уполномоченный. Комсорг полка И. П. Литвинюк рассказал рядовым и сержантам о том, что бдительность является железным законом воинов Красной Армии, разъяснил, как надо вести себя, чтобы не разгласить военную тайну.

Чем еще запомнились июльские дни сорок четвертого года?

Советский тыл все в более возрастающем количестве снабжал боевые части оружием и техникой. Однажды в боевом листке третьей эскадрильи я прочитал небольшую заметку Героя Советского Союза В. К. Полякова. Возвратившись с боевого задания по прикрытию наземных войск, освободивших Пуховичи, Червень и другие насе-

ленные пункты, а также перерезавших железную дорогу Минск — Барановичи, Виталий написал:

«Я участвовал в бигвах под Сталинградом, Орлом и Севском, но никогда не видел такой насыщенности неба советскими самолетами. Чувствуешь себя в воздухе полным хозяином. Это говорит о том, что наша Родина идет к победе с непрерывно возрастающей военной мощью».

Комментарии тут, как говорится, излишни.

Не осталось незамеченным такое выдающееся событие, как завершение Минской наступательной операции, в которой принимали участие и войска нашего фронта, в том числе 16-я воздушная армия. Несколько раз мы сопровождали Ил-2 и Пе-2 в район окружения 3-й танковой и 4-й армий противника. Изгнание врага из Барановичей, Пинска и других крупных городов было праздником не только для их коренных жителей, но и для нас, воинов-освободителей 1-го Белорусского фронта.

Вряд ли кто-нибудь из моих однополчан забыл день 20 июля, когда войска прославленного полководца К. К. Рокоссовского прорвали немецкую оборону западнее Ковеля, форсировали Западный Буг и вступили на территорию Польши. Солдаты, перешагнувшие этот рубеж, по праву гордились тем, что они первыми вступили на землю братского народа с высоко поднятым знаменем армии интернационалистов. Легко себе представить, какие чувства владели авиаторами, сопровождавшими этих солдат — полпредов советского народа в стремительном и долгожданном броске на землю польскую.

Лично я в этот день никуда не летал и коротал время за газетами и прослушиванием радиопередач. Дело в том, что мой предыдущий полет был очень тяжелым. Расскажу об этом немного подробнее.

Обычно на задания со мной летал молодой летчик Галин, не закаленный еще в схватках с воздушным противником. Самолет он знал хорошо, пилотировал не плохо, но все равно за ним нужен был глаз да глаз. Однажды нам встретились шесть «фоккеров». Они почему-то не рискнули напасть ни на штурмовиков, ни на нас. Будь я с Балюком, с Бенделиани или с Крючковым, немцам бы не поздоровилось, но с молодым напарником я не решился атаковать противника.

— И правильно поступил, — одобрил подполковник Мельников,

Мне казалось, что после этого случая группу прикрытия увеличат. Или моему докладу не придали особого значения, или часть истребителей держали для выполнения какой-то другой задачи, но на второй день сопровождать «илов» я снова полетел только с Гагиным. Остальные ребята тоже пошли парами.

Дойдя до западного района, штурмовики друг за другом начали пикировать на врага. Мы с Гагиным только успевали переходить с одной стороны на другую, меняя высоту над группой «ильюшиных». После одного из заходов на цель неожиданно появились четыре «фокке-вульфы». Ведущий в надежде на легкую поживу начал пристраиваться к Ил-2, набиравшему высоту после удара по артиллерийской установке противника. Второй «ил», прекратив штурмовку, отпугнул «фоккера». Атака была неудачной, но все-таки вражеский истребитель исчез из поля зрения: видно, не впервой встречаться с огневой мощью советского штурмовика.

Действуя по цели, «ильюшины», как бы прикрывая друг друга, замыкали круг. Такой порядок до некоторой степени облегчал нашу задачу, и нам оставалось только смотреть за вражескими истребителями, не дать им подойти к «илам». Правда, я знал, что бывали случаи, когда при такой взаимной обороне штурмовики растягивали кольцо, разрывали его и в образовавшийся разрыв вклинивались истребители противника. Знал и потому неотрывно следил за обстановкой: вдруг наши оплошают...

И действительно, убедившись, что «фокке-вульфы» особенно не надоедают, командиры экипажей «илов» ослабили бдительность. Каждый из них начал отыскивать для себя наземную цель и расстреливать ее самостоятельно. Фашистские стервятники немедленно воспользовались этим.

— Прикрой, иду в атаку! — тотчас же приказываю я Гагину и стремительно бросаю свою машину на «фоккера», который вот-вот откроет огонь по одному из наших самолетов. Упредив противника на несколько мгновений, сбиваю его удачной очередью.

Выйдя из атаки, перевожу машину в правый боевой разворот. Осматриваюсь. Мимо меня проскакивает истребитель. Я надеялся, что это Гагин, но вместо звезд мелькнули черные кресты. Нет, не Гагин. Видимо, он где-то дерется с гитлеровцами. Это предположение укрепилося,

потому что рядом проскочил еще один «фокке-вульф». «Здорово парень их шерстит!» — подумал я и устремился за уходящим врагом.

А «ильюшины» продолжают работать как ни в чем не бывало. Преследуемый «фоккер» сумел оторваться от меня, но тут же я увидел справа четверку атакующих ФВ-190. Зову на помощь Гагина. Но радиоприемник молчит. Нет моего ведомого. Куда он запропастился в такой горячий момент? Значит, я один должен охранять семь штурмовиков и отбиваться от целой своры вражеских истребителей...

Увеличиваю скорость и перехожу в атаку на пикирующих истребителей. Наскок на «ильюшинных» отбит. Заметив, что я остался один, гитлеровцы действуют более агрессивно. Двое справа, двое слева. Клещи. Вываться, во что бы то ни стало вываться! Маневром, с помощью которого не раз уходил от врага под Курском и Сталинградом, вырываюсь. Но гитлеровцы снова кидаются на меня: если они расправятся со мной, им легче будет бить штурмовиков.

Передаю ведущему группы «илов»:

— Прекращайте работать, собирайте группу.

— Делаю последний заход, — ответил мне летчик с лидера.

Четыре «фокке-вульфа» коршунами насканивают на меня, а два атакуют отставшего от строя «ила». Как жаль, что нет напарника. И даже соседних групп нет: выполнив задание, они ушли на аэродром. Значит, на помощь рассчитывать нечего, надо драться одному.

Еще раз осмотревшись, замечаю, что ведущий штурмовиков закончил работу и вышел на прямую для следования домой. За ним, пристраиваясь в правый пеленг, идут остальные. Комбинацией сложных фигур высшего пилотажа ухажу от преследования четырех «фокке-вульфов» и спешу к замыкающему штурмовику, которого вот-вот возьмут на прицел два гитлеровца.

Говорят, что человек даже спиной чувствует нависшую над ним опасность. Нечто подобное испытываю и я. Оглянувшись, увидел в хвосте «аэрокобры» «фоккера».

Защитить себя — значит оставить товарищей в беде, оставить их на растерзание фашистам. Как потом жить? Каждый день будет мучить совесть. Нет, нет, только не предательство! Забыв о грозящей катастрофе, я настиг

«Фокке-вульфов» и с короткой дистанции сбил одного из них, уже стрелявшего по «ильюшину». Второй трусливо отвернул. Штурмовик, избавленный от гибели, прибавил газ и стал догонять свою группу.

В тот момент, когда огненная струя моего оружия прошла самолет врага, «аэрокобру» встряхнуло. Мотор работал с перебоями. Но зато мой друг штурмовик жив. «Илы» пошли домой. У них очень малая высота. Это хорошо: «фоккеры» не поднырнут снизу. А сверху и сзади к «ильюшиным» не подойти: срежут воздушные стрелки...

— «Тридцать третий», горишь, — услышал я незнакомый голос. Наверное, это летчик спасенного мною самолета. — «Тридцать третий»! Дружище...

Удар. Самолет кренится. Я едва успеваю застопорить привязные ремни, чтобы хоть немного защитить себя при соприкосновении с землей. «Кобра» клюет носом и валится на левое крыло. Почти полностью даю элероны в обратную сторону, по... Трах-тарарах! Переворот. Еще и еще кувыркаюсь. А потом оглушающая тишина. Я вишу на ремнях вниз головой. Глаза затекли кровью. Из-за спины показываются языки пламени. Если не выберусь — конец! Отсоединяюсь от ремней и опускаюсь, вернее, падаю на голову. Протираю глаза от крови, текущей с виска, рассеченного осколком снаряда. Пытаюсь выбраться из кабины, но не тут-то было! Дверца не открывается: видно, при ударе о землю получился сильный перекося. Выходит, сидеть мне, как в мышеловке, и ожидать, когда поджаришься. К черту! Дергаю красную аварийную ручку, которой обычно в воздухе сбрасывают дверцу, чтобы выброситься с парашютом. Дверца отошла всего на несколько сантиметров. Упираюсь спиной и ударяю ногами в дверцу.

Появилась надежда выбраться из горящей кабины. Но что же мешает? Ах, да, парашют! Расстегиваю лямки и вываливаюсь из кабины. Прочь, прочь от самолета! Едва успеваю отползти, как раздается взрыв. Все! Была «аэрокобра», и нет ее...

Я осмотрелся. Поляна. Какой-то полуразрушенный сарай. Из траншеи выскочили несколько человек. Это были наши, советские солдаты.

— Жив?

— Жив...

— А «фоккеры» горят. Посмотрите, — указали они в сторону двух костров.

— «Илы» все целы?

— Ушли домой. Все в порядке.

На душе сразу стало легче.

По ходам сообщения солдаты провели меня к командиру полка, который находился в одном из блиндажей. Он поздоровался, поблагодарил за хорошую работу над позицией части, расспросил о воздушном бое, о самочувствии.

— Из какого полка?

Я назвал.

— О! Керченцы, гвардейцы. Заслуженный полк.

Потом командир полка позвал врача, и мне оказали помощь.

— Домой спешишь? — спросил офицер.

Да, мне надо было спешить в полк, чтобы доложить о потере «кобры», выяснить, куда девался Гагин, убедиться, что штурмовики возвратились домой без потерь.

— Хорошо, — сказал командир пехотинцев, — до плевой дороги тебя подбросят на мотоцикле, а там доедешь на попутном грузовике. Кстати, вот возьми письмо для своего начальства. Мы тут написали о твоём бое с немцами. Молодец!

В пути на аэродром я думал: «Неужели Гагин, бросив «ильюшиных», улетел? Неужели он так и доложил командованию, что Михайлик погиб при первом заходе штурмовиков на цель?»

Поздно вечером, когда Евгений Петрович разбирал, при каких обстоятельствах меня сбили, я неожиданно появился среди однополчан — командиров, друзей и товарищей. Все обернулись в мою сторону. С полминуты была недоуменная тишина. Затем с шумом и радостным криком ребята бросились мне навстречу, обнимали, тискали, что-то говорили.

Только после подробного разговора о начале воздушного боя выяснилось, что над целью, когда я сообщил Гагину о противнике и попросил прикрыть, потом пошел в атаку и сразу же поджег ФВ-190, он, Гагин, оказывается, увидел горящий самолет и подумал, что сбили меня. Растерявшись, младший лейтенант упустил из вида штурмовиков своей группы и пристроился к другой группе «илов», которая направлялась домой.

Прилетев на свой аэродром — мы базировались в местечке Бытень, — он доложил о случившемся так, как предполагал. В полку не было человека, который бы не укорил Гагина за его поступок. Но я понимал, что произошло это по неопытности и молодости, и простил своего ведомого, от которого было все отступились,

3

Георгий Исламович Цоцория осмотрел меня, удивленно покачал головой и, широко улыбаясь, сказал (уже в который раз!):

— Ну, старший лейтенант, тебе определенно везет. О таких людях говорят: в рубашке родился. Не раны, а царапины. Денька два-три погуляешь по земле, потом опять можешь подниматься в небо.

Отдыхая, я послушал радио, просмотрел газеты. Потом побрел в ремонтные мастерские, где специалисты восстанавливали для меня чью-то «аэрокобру», подбитую в одном из воздушных боев. Вместе с другими работали техник звена Алексей Погодин и механик Юрий Терентьев. Как видно, дело подвигалось успешно: машина уже находилась на подъемниках с целью проверки шасси — хорошо ли убирается и выпускается.

— Помочь, Алексей Сергеевич? — спросил я техника звена.

— Вы лучше отдохните, товарищ старший лейтенант. Машина почти готова, скоро будете облетывать. Хороша! Дотянет до самого Берлина.

К нам подошел секретарь комсомольского бюро полка Иван Литвинюк.

— О чем речь да совет? — поинтересовался он.

— О самолете толкуем. Думаем сберечь его до победных залпов, — ответил я.

— О, инициатива! Подхватим, распространим, — улыбнулся Литвинюк. — Но сейчас по приказанию командира я пришел пригласить вас на охоту, куропаток погонять, а если попадутся, то и зайчишек.

— Я, правда, не охотник, но компанию могу составить.

Минут через тридцать мы отправились в поле. Вдалеке синел лесок.

— Недавно я бродил здесь с ружьишком, — сказал Иван.

— Убил?

— А как же!

— Ноги и время? Здесь небось ничего нет, всю живность война распугала.

— Ну, это вы зря.

Свернув в кустарник, тянувшийся вдоль лощины, мы заметили стаю куропаток. Я прицелился.

— Далековато, не попадете, — предупредил Литвинюк.

— Попаду. На спор с Ильей Чумбаревым в карманные часы с двадцати пяти метров угораздил. С тех пор Илюшка ходит без часов.

— Ну что же, стреляйте.

Я спустил курок. На снегу затрепыхалась куропатка. Выстрелил еще. И снова удачно.

— Теперь ты стреляй, комсомол.

Литвинюк прицелился. Раздался выстрел. Еще одна куропатка! Остальные разлетелись. Подобрал трофеи, мы пошли дальше.

— Мне под Сталинградом Поселянов рассказывал, как в детстве он индюков руками ловил, — вспомнил Литвинюк одну из шуток лейтенанта.

— И что же?

— А то, что добыча у него побогаче нашей была. Заберется, как он говорил, в чужой сарай, где индюки на жердях сидят, возьмет грабли и толкает снизу крайнего. Индюк с жерди — на грабли, а Поселянов с граблей его да в мешок. Второй индюк занимает место первого. Поселянов и второго в мешок... Да, — вздохнул Иван, — умел адъютант байки рассказывать...

— Почему «умел»? Он и сейчас умеет.

— Но ведь Поселянов погиб...

— Нет, Ваня, не погиб. Говорят, недавно его видели. Правда, шел он под конвоем. Но я думаю, что это какое-то недоразумение. К немцам он мог попасть только в бессознательном состоянии. А теперь вот освободили его вместе с другими. Разберутся, я уверен.

— В таких случаях Саша Денисов говорит: «Доказывай, что ты не верблюд. Пока разберутся, война кончится». Но я думаю, что честь человеку нужна не только во время войны...

— Правильно думаешь, комсомол.

Разговаривая, мы углублялись в заросли кустарника. Неожиданно, почти из-под самых ног, вылетела большая птица. Оторопев от неожиданности, мы остановились.

— Фазан! — крикнул Литвинюк.

Да, это был фазан. Искали мы его минут двадцать, но так и не нашли. Решили пойти через косогор в другой перелесок. Вскоре на возвышенности заметили зайца, пересекавшего дорогу. Иван вскинул винтовку и сказал:

— Первым стреляю я, вторым вы.

Прогремел выстрел. Литвинюк побежал к своей добыче и спустя минуту поднял за уши длинного зайца.

— А вы говорили, что я не умею стрелять! — торжествовал Иван, хотя я вовсе не говорил этого.

К концу охоты и мне повезло. Домой мы возвращались с богатой добычей. Но трофеи не радовали: думалось о нелегкой судьбе лейтенанта Поселянова...

Адъютант эскадрильи Михаил Трофимович Савченко объявил, что все, кто свободен от полетов, могут идти в баню.

— Но не очень торопитесь, — добавил он. — Пока воды привезут, нагреют ее, пройдет часа два. Так что успеем пешочком дойти. А по пути кто молочка попьет у какой-нибудь хозяйюшки, кто у шинкарки к пузырьку приложится.

Ребята засмеялись.

— А далеко эта баня? — спросил Саша Денисов, только что возвратившийся с боевого задания вместе с другими летчиками.

— Туда километра три, оттуда — четыре, — не моргнув глазом, ответил Савченко. — Чего, чего зубы скалишь?

— Да ведь у тебя получается, как у того, кто осла мерил. От головы до хвоста два метра, а от хвоста до головы — три, — хохотнул Саша.

— Чудак человек. Я рассчитываю с остановкой. После баньки надо как следует отдохнуть. Вот Гагин был когда-то пожарником, он толк знает в отдыхе. Если сидит — его домкратом надо поднимать.

В другое время младший лейтенант нашелся бы что ответить, но после разбора последнего вылета он был мрачен, неразговорчив.

Шумной толпой мы двинулись в баню. Кто-то запел:

В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят...

Компания дружно поддержала:

Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд...

Мы с шумом ввалились в предбанник. Пахло свежей соломой, которой был выстелен пол. По обе стороны от входной двери рядком лежали шайки. Вкусно пахло парным духом и березовыми вениками. Шутя друг над другом, ребята раздевались и, сладко покряхтывая, ныряли в клубящийся пар.

Плеск воды, свист веников, шум, смех.

— А ну, наддай парку!

— Пар костей не ломит, можно и прибавить.

— Саша, похлещи-ка... Эх, хорошо!

— Кваску бы после такой баньки.

— Зачем же кваску? Савченко обещал горилки!

— Врет он, — вздохнул Денисов.

— Я отродясь не врал, — откликнулся адъютант.

— Эй, кто там на верхотуре? Слезай, а то запаришь-ся до смерти.

— Так, та-ак... Теперь давай я похлещу веничком по твоей спине...

Разомлевшие, довольные баней, мы возвращались домой уже в сумерках.

В одном из домов, где размещались люди батальона аэродромного обслуживания, слышались звуки гармонии.

— Танцы! — догадался Коля Крючков и первым ринулся в дом.

Танцевал он хорошо, особенно любил комические танцы. Когда мы вошли, Крючков уже отплясывал что-то замысловатое, потешное. Посидельщики смеялись, прихлопывая ладонями в такт гармонике.

Потом начался веселый гопак. Крючкова поддержал Илья Чумбарев, за ними пошли остальные. А когда гармонист перешел на белорусскую мазурку, круг оказался пустым: никто танцевать не умел.

— Эх вы, медведи! — Николай поправил прическу и пригласил полкового врача, красивую стройную женщи-

ну лет двадцати пяти, с быстрыми, горящими синим огнем глазами. Ее светлые толстые косы были уложены короной.

Все любовались стремительной парой умелых танцоров. Старший лейтенант улыбалась мило и естественно. Должно быть, в эти минуты она вспоминала довоенную пору, выпускной бал в институте, веселых и беспечных друзей-медиков.

Николай тоже улыбался, изредка что-то шептал своей красивой напарнице.

Мы уже отдыхали, успев добрым словом вспомнить ушедшего на повышение доктора Цоцорию, поговорить о докторше, заменившей его, незлобиво посплетничать о ней и Крючкове, запропастившихся куда-то после танцев, когда вошел Николай.

— Ну и как? — хихикнул Гагин.

— Эх, ты! — насунился Крючков. — С ней поговорить, пройтись — любо-дорого, а ты...

— Ладно, я пошутил.

— Шутить тоже надо умеючи, — уже миролюбивее сказал Николай и стал раздеваться.

Балюк потушил огонек лампы и, нырнув под одеяло, вполголоса проговорил:

— Доловим, ребята, после войны.

«После войны», — повторил я мысленно, вспомнив Катюшино письмо. Я написал ей еще из Красноярска, когда отец сообщил мне ее адрес. И вот пришел ответ, первое письмо от нее за всю войну. Катя писала, что служит по-прежнему в батальоне аэродромного обслуживания. Где этот батальон, определить трудно, но, судя по намекам Катюши, где-то в районе Ленинграда. Значит, она была в блокаде, и пережить ей пришлось немало.

«...Если ты все еще не забыл наш последний разговор в Белом Колодце, мне будет радостно получать от тебя, Яша, письма. А после войны, коли ничего с нами не случится, может быть, встретимся. Будет о чем рассказать друг другу, о чем вспомнить...

Ну ладно, размечталась я. Береги себя, мой дорогой друг. Крепко жму твою руку. Катя».

В эту ночь я увидел ее во сне. Она была не в солдатской робе — в белой блузке и темной юбке. Шла со мной по мирной сельской улице. Тихо шумели тополя и каштаны, приветливо мерцали чистые высокие звезды, мяг-

ким светом луна освещала побеленные избы, погружившиеся в сон.

Мы идем и молчим, окруженные пленительной тишиной. Только деревья шуршат еще не опавшей листвой.

«Яша, я пойду служить в батальон».

«Зачем?»

«Служат же девушки... А потом... с батальоном я скорее тебя найду, когда ты вернешься с Волги».

Значит, Катя боится потерять меня. Значит, любит.

«Милый мой солдат!» Я обнял Катю за плечи. Девушка вскинула руки и дотянулась до моей щеки.

Объятия — тоже вечность, как дружба и любовь.

«Пойдем, — отпрянула Катя и, достав из кармана блузки карточку, протянула ее мне: — Возьми на память».

Робко прокричали, будто боясь нам помешать, ранние петухи. Вот и Катюшин дом. Еще минута, и Катя взмахнула косынкой из-за палисадника. Я смотрю в сторону, где только что стояла девушка среднего роста со светлыми волосами, чуть вздернутым носиком и круглыми ямочками на щеках. Скрипнула дверь. Щелкнул засов. А мне не хочется уходить домой, потому что неизвестно, встречу ли еще когда-нибудь с Катей. И звезды об этом ничего не говорят...

— Яша, вставай, — разбудил меня Балюк. — Чему улыбаешься? Сон хороший видел?

— Сон, Ваня. Такой мирный, милый сон.

4

Над местечком Бытень, над всей округой висела плотная, высокая и белая облачность. Летчики собрались на аэродроме с рассветом. Командир полка поставил задачу сопровождать штурмовиков, которые должны нанести удар по переднему краю обороны противника и его тактическим резервам. Войска фронта вслед за передовыми отрядами готовились форсировать Западный Буг.

Вскоре была объявлена готовность номер один. Через пятнадцать минут ожидалось прибытие трех групп «ильюшиных». Но через пятнадцать минут наши подопечные, конечно, не появились, так как у нас, у истребителей, каждая командирская инстанция от себя, для страховки,

назначила более ранний срок, чтобы, боже упаси, кто-либо не опоздал. «Страховочного» времени с избытком хватило обслуживающему персоналу на анекдоты по этому поводу. Кто-то вспомнил, как однажды начальник одного из гарнизонов приказал вывести солдат для наблюдения за ожидающимся солнечным затмением. Пока приказ дошел до командиров подразделений, «страховочного» времени прибавилось столько, что одну из рот вывели наблюдать солнечное затмение с полуночи.

Наше ожидание было, конечно, значительно короче. Штурмовики появились приблизительно через полчаса. Наконец слаженное прикрытие поднялось, словно на параде. Самолеты провожали десятки влюбленных глаз с земли.

И вдруг пришла весть, которая сразу вырвала этот день из общего ряда дней и бросила его в омут глубокой скорби и боли. Казалось, само небо почернело от горя. Погиб майор Чичико Бенделиани. Погиб коммунист, Герой Советского Союза, штурман полка, воздушный ас, человек кристальной души и безумной храбрости. До сознания доходило, что Чичико уже нет, а сердце отказывалось верить. Неужели я не увижу больше его мужественную белозубую улыбку, согретую жаром черных кавказских глаз? Неужели больше не подойдет он ко мне, широкоплечий, необыкновенно сильный, еще разгоряченный боем, закончившимся пять минут назад, и не скажет: «Хорош-шо, Яша! Очень хорошо! Только огонь открыл рановато... Секундой позже и — «фоккеру» был бы капут!»

На войне часто складываются обстоятельства, последствием которых являются большие жертвы. И сегодня они сложились не в пользу Чичико...

Пара, возглавляемая Бенделиани (ведомым был гвардии майор В. Д. Верховский, заместитель командира полка по политчасти, в прошлом летчик-бомбардировщик), вылетела с первой группой «ильюшиных», которая направлялась к берегам Западного Буга на штурмовку подходивших к фронту резервов противника. Недалеко от объекта их встретила шестерка ФВ-190. Вражеская группа сразу же разделилась. Два «фоккера» пошли вниз, намереваясь, по-видимому, подстеречь штурмовиков на выходе из атаки, а четыре остались на высоте 1700 метров и начали разворачиваться в сторону солнца. Маневр был

не очень хитрым, но и не простым: он оставлял за фашистами инициативу предстоящего боя и выгодные условия для атаки. Немцы решили пропустить «илов» и атаковать сзади истребителей прикрытия. Для Бенделиани раскусить этот «железный» маневр все равно что умножить два на два. Да и обороняться Чичико не привык. Его девиз — нападение.

«Аэроксбры» на полной скорости ринулись в лобовую атаку. Фашисты не знали, с кем имеют дело, и из-за своей привычки к шаблону решили завершить начатый маневр: он давал возможность зайти в хвост штурмовикам. Но враги просчитались. Они сами оказались под прицельным огнем пары советских истребителей.

Несколько коротких очередей Бенделиани — и ведущий «фоккер» рухнул вниз, в те болота, где гибли, достигнутые народными мстителями французские гранатеры, обманутые великим проходимцем с острова Корсика. Второй фашист едва успел увернуться от заградительной очереди майора Верховского. Оставшаяся тройка смешалась. Этого и добивался штурман полка. Он тотчас перешел с ведомым в пикирование, а затем атаковал тех двух «фоккеров», которые поджидали на малой высоте «ильюшиных». Один «фоккер» был поврежден очередью Бенделиани, но добивать его не было времени: сверху надела опомнившаяся тройка; к ее атакам присоединился и четвертый немец, затем появились еще две пары «фокке-вульфов».

А штурмовики уже пошли на второй заход, расстреливая из пушек и пулеметов пехоту и технику противника на окраине леса.

Видя свое явное преимущество в количестве, фашистские стервятники пасадали со всех сторон. Но Чичико Кайсарович и Василий Давыдович успевали и отбивать вражеские паскоки от штурмовиков, и защищать друг друга.

После третьего захода «илы» легли на обратный курс. Замыкающий штурмовик несколько приотстал. Пока Бенделиани отбивал от него нападающих «фоккеров», фашистам удалось отсечь майора Верховского и связать его боем. Замполит яростно сражался с двумя фашистскими истребителями, а Чичико — с четверкой. «Ильюшины» между тем, прижимаясь к земле, потянули на свой аэродром.

С запада появилась еще одна пара «фокке-вульфов». На максимальной скорости они бросились догонять штурмовиков. Бенделиани заметил это, и сердце его сжалось от предчувствия беды: «ильюшины» остались без прикрытия! Пройдет какая-нибудь минута, и на них обрушится огонь двух истребителей врага. Но нет, Бенделиани не оставит товарищей в беде. Он еще никогда не позволял фашистским истребителям безнаказанно бить его подопечных. Не обращая внимания на яростные атаки четверки «фоккеров» с двух направлений, Чичико перевел самолет в резкое пикирование и ринулся вслед новой вражеской паре. Да, майор знал, что на хвосте его «аэрокобры» висят четыре стервятника, что его машина в зоне их огня, что через несколько секунд фашисты нажмут гашетки и расстреляют его в спину... Знал, но иначе поступить не мог: сердце диктовало — надо любой ценой сорвать атаку на «ильюшинных».

Замыкающий фашист, увидев стремительно несущегося на него краснозвездного истребителя, трусливо шарахнулся в сторону. Он, вероятно, видел, чем кончаются такие атаки советских летчиков, и через две-три секунды еще раз убедился в этом: его ведущий, увлекшийся преследованием штурмовиков, вспыхнул факелом от меткой очереди Бенделиани и врезался в холм.

Майор мгновенно перевел «аэрокобру» в боевой разворот. Но преследовавшие «фоккеры» были слишком близко. Их четверо. Они били из пушек и пулеметов. Раскаленные трассы рвали хвостовое оперение, решетили фюзеляж, секли крылья, чиркали по фонарю кабины. Четверо против одного. Бьют сзади, по безответной мишени... Самолет Бенделиани начал беспорядочно падать. Вероятно, у него перебиты рули управления. В таких случаях летчики покидают машину, выбрасываются с парашютом. Но Чичико не мог этого сделать: до земли оставалось всего несколько метров. Еще один бешеный шквал огня, и самолет пал на поле у города Хелм, за рекой Западный Буг...

Тело Чичико привезли в полк на следующий день. А спустя сутки его хоронили в селе Бытень, Ковельского района. Проводить прославленного летчика в последний путь собрались не только однополчане, но и окрестные жители. Покрытое июльским загаром лицо Бенделиани выглядело спокойным, будто прилег штурман отдохнуть

на часок-другой. Легкий ветерок шевелил черные густые волосы. Казалось, сейчас откроются веки, озорно сверкнут белки горячих кавказских глаз, дрогнут губы, обнажая белозубый рот, и лицо Чичико засияет мужественной улыбкой. Но нет, Кайсарыч был мертв.

Начался траурный митинг. Я смотрел на дорогое мне лицо боевого друга и старался представить, о чем мог думать, вспоминать Чичико в последние секунды жизни. Может быть, вспомнил он тот бой в первые дни войны, о котором говорят сейчас над его могилой ветераны воздушных схваток.

Двадцать «юнкерсов» направлялись тогда бомбить Киев. Навстречу им поднялась четверка советских истребителей. Машины вели Шишкин, Мельников, Борисов и он, лейтенант Бенделиани. Грозный вид фашистской армады их не смутил. В сердцах летчиков, пламенных советских патриотов, кипела жгучая ненависть к наглому, озверевшему врагу. Четверка истребителей, ведя огонь, на полном газу врезалась в строй воздушных разбойников. Часть «юнкерсов» шарахнулась в сторону. Строй рассыпался. Несколько бомбардировщиков загорелось. Советские истребители разделились и начали стремительные атаки. За считанные минуты они сбили шесть вражеских машин. Остальные, поспешно освободившись от бомб, в панике повернули восвояси. Налет на Киев был сорван.

А может, Чичико вспомнил бой 21 мая 1942 года, как вспоминает сейчас его боевой друг И. И. Кобылецкий...

Тогда Кобылецкий, Костин, Бугаев и командир группы Бенделиани прикрывали действия наших наземных войск. Гитлеровцы решили нанести по одному из участков фронта мощный бомбовый удар. Бенделиани насчитал двадцать четыре бомбардировщика и истребителя. Двадцать четыре против четырех! Но Чичико такое соотношение не испугало. Дерзкая, ошеломляющая атака в самую гущу строя вражеских бомбардировщиков. Фашистам не до цели, не до прицельной бомбежки. Лишь бы как-нибудь отбиться от дьявольски смелых, цепких атак русских истребителей. Гитлеровцы побросали бомбы на головы своих солдат.

К этому времени опомнились истребители сопровождения. В течение двадцати шести минут они пытались хотя бы отогнать отважную советскую четверку от своих удиравших подопечных, но сами получали удар за ударом.

Задымил, снижаясь, один из «хейнкелей». Взорвался в воздухе «мессер». Второй, распоротый меткой очередью, врезался в расположение своих войск.

Рассеянная армада врага позорно убралась из района боя на глазах тысяч людей, наблюдавших с земли. За этот бой Бенделиани, Костин, Кобылецкий и Бугаев были награждены орденом Ленина.

Может быть, вспомнил Чичико все свои 400 боевых вылетов и все 72 воздушных боя, в которых лично сбил 12 гитлеровских стервятников и 20 — вместе с однополчанами.

Обо всем мог вспомнить Чичико Кайсарович Бенделиани, когда его самолет лишился управления в нескольких метрах от земли: о солнечной Грузии, о прозрачной горной речке и родном селении Чохатаури на ее берегу, о матери и отце, старом революционере Кайсаре Бенделиани...

Но вероятнее всего, в последние секунды жизни он думал лишь о том, как сделать раненый истребитель послушным, как уберечь «ильюшиных» от атак вражеских истребителей, как выполнить боевую задачу...

Он ее выполнил. Штурмовики вернулись домой невредимыми, нанеся урон ненавистному врагу. И лежит он в гробу удивительно спокойным не потому, что мертв, а потому, что до последнего удара сердца не погрешил против самого себя. Я знаю Чичико...

В моей душе сами собой зазвучали слова горьковской «Песни о Соколе»:

Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом
всегда ты будешь живым примером, призывом гордым
к свободе, к свету!..

Это о нем, о нашем Чичико, написал великий Горький. Он как будто знал в дни своих странствований по Грузии, что одна из улиц Тбилиси будет со временем называться именем славного летчика Чичико Бенделиани. Словно знал, что о подвигах человека, воспитавшего в себе черты бесстрашного Сокола, будет рассказываться в грузинских школьных учебниках, что дети, изучая «Песню о Соколе», в один голос будут говорить:

— Это о нашем Чичико написано. И мы будем такими, как наш Чичико!

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

*...Угрюмый перед нами
Рейхстаг в пороховой дымился
мгле.
Когда над ним взлетело наше
знамя,
Светлее стало сразу на земле.*

Степан Щипачев

1

«Правде», «Красной звезде», другим центральным, фронтовой и армейской газетам мы всегда были рады, как голодные — хлебу, как жаждущие — воде: они являлись важнейшим источником наших знаний о положении на фронте и в тылу, всеармейской трибуной обмена боевым опытом и широчайшей пропаганды героизма и мужества советских солдат и офицеров. Именно в годы войны я впервые осознал, что печать действительно является острейшим оружием нашей партии, духовной пищей миллионов патриотов социалистической Родины.

«Что нового?» — таким вопросом начинался каждый день войны. И ответы мы находили на страницах газет.

В конце июля 1944 года нас особенно интересовал так называемый польский вопрос, и центральный печатный орган нашей партии разъяснял, что «военные действия советских войск на территории Польши диктуются единственно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь в освобождении от немецкой оккупации»¹.

К тому времени войска 1-го Белорусского фронта (2-я танковая армия и соединения 8-й гвардейской армии) перерезали железную дорогу Брест—Варшава, освободили Люблин и концлагерь Майданек, созданный гитлеровскими палачами еще в 1940 году. Здесь фашистские изверги уничтожили полтора миллиона человек,

¹ «Правда», 26 июля 1944 г.

В этом лагере смерти погибло множество советских людей. Вот почему мы особенно остро ощущали потребность в святой мести врагу.

Летая над городами и селами многострадаальной Польши, наши крылатые разведчики выискивали скопления немецких войск и техники и сообщали об этом в вышестоящие штабы, которые немедленно высылали группы Ил-2 и Пе-2 для нанесения по врагу штурмовых и бомбардировочных ударов.

Авиаторы 16-й воздушной армии крушили противника на дорогах, выжигали, выкуривали его из всякого рода укреплений. Вместе со штурмовиками мы, истребители, тоже наносили удары по автомашинам с пехотой, танкам и чаще всего били по головным отрядам, создавая пробки, панику во вражеском стане. Мы мстили гитлеровцам за сорок первый год, когда их воздушные стервятники расстреливали отступавшие роты и батальоны, измывались над беззащитными беженцами, убивали ни в чем неповинных детей и стариков.

Активное участие 54-й гвардейский истребительный авиационный полк принимал в операции по окружению в районе Бреста трех немецких дивизий и прикрытию наших войск от воздействия авиации противника во время прорыва к Висле на участке Демблин, Пуловы.

Позади Висла, впереди Варшава и сотни других городов и городков, поселков и селений, ждущих своего освобождения. В составе нашей воздушной армии воевал с врагом и авиационный полк «Варшава». Сначала это была эскадрилья, вооруженная тринадцатью самолетами конструкции Яковлева, затем она выросла до полка, который дрался с противником до конца войны.

С освобождением города Остров-Мазовецки войска фронта перешли к обороне. За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за овладение городом Демблин и проявленные при этом доблесть и мужество, как говорилось в Указе Президиума Верховного Совета СССР, нашу гвардейскую дивизию наградили орденом Красного Знамени. Получили награды и многие однополчане. Мне вручили орден Александра Невского.

— Ну что ж, князь Невский, — улыбаясь, сказал Иван Балюк, пожимая мне руку, — готовься к решительному побоищу с потомками псов-рыцарей.

Саша Денисов, подбоченясь, продекламировал стихи однополчанина старшего лейтенанта Гусева:

Вперед, орлы, на подвиг славы!
Пред нами путь лежит один:
За Вислой, городом Варшавой
Идет дорога на Берлин.

— Да, на Берлин, — подтвердил Илья Чумбарев. — Теперь будет легче.

— Почему? — спросил Александр Денисов.

— Румыния объявила войну Германии — раз. — Илья начал загибать пальцы. — Финляндия уже теперь не воюет против нас — два. С Болгарией начались переговоры о перемирии — три. А там, гляди, и Венгрия одумается, поймет, что к чему.

— Это логично, — согласился Денисов.

— Дальше, — продолжал Чумбарев. — Дивизия наша удостоена ордена Красного Знамени, многие из нас тоже получили боевые награды, повышены в должности и звании...

— На себя намекаешь? — усмехнулся Александр.

— Зачем же делать исключение? — возразил Илья. — И ты стал командиром звена, и Кобылецкому присвоено звание «гвардии майор», и механик Терентьев теперь в старших сержантах ходит... Как думаешь, повышает все это боеспособность? Повышает.

— Кобылецкого переводят в пятьдесят третий гвардейский, — вступил в разговор заместитель начальника штаба Ганзеев, тоже недавно ставший майором.

— Кем? — почти одновременно спросили мы.

— Заместителем командира полка. И не только он уходит, — вздохнул Петр Денисович, — но и еще кое-кто.

— Вот тебе и повышение боеготовности, — развел руками Денисов. — И еще надо учесть, что молодняка многовато у нас. С кем летать? «Старички»-то убывают...

И мы поняли, что он в эту минуту вспомнил о младшем лейтенанте Гагине, погибшем в одном из воздушных боев над польской землей. Правда, он не был «стариком», но все же старше тех, что пришли теперь в полк.

— Веселее, веселее, друзья! — подбодрил нас Балюк и повторил стихи, которые читал Денисов:

За Вислой, городом Варшавой
Идет дорога на Берлин.

— Пойдем-ка, Яков, в штаб. Запишу новый орден в личное дело, — сказал Ганзеев и посмотрел на меня как-то хитро, с веселым прищуром.

— Что так смотришь, шрамы, что ли, считаешь на лбу? — спросил я.

— Шрамы давно, Яша, изучены. Смотрю, как ты преобразишься, прочитав одну бумагу. — Майор шутливо погрозил: — Только никому об этом ни слова. Подружески сообщаю секрет, чтобы веселее воевалось.

Мы пришли в штабную землянку, и Ганзеев достал из стола какой-то документ. Я начал читать:

«Гвардии старший лейтенант Михайлик Яков Данилович является подлинным мастером воздушного боя. Во всех проведенных им схватках с истребителями и бомбардировщиками противника проявил исключительную отвагу, героизм, присущие русскому солдату, сражающемуся за Родину...»

Высокие слова о самом себе смутили меня. Скользя взглядом на концовку документа: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза», я поблагодарил Ганзеева и вышел из землянки.

Через час мы вылетели на свободную охоту за вражескими самолетами, которых становилось в небе все меньше.

— Выдыхается немецкая авиация, — проговорил после вылета один из самых молодых летчиков — Саша Талов.

Нет слов, вражеская авиация стала теперь уже не та, что прежде, но нам еще предстояли встречи с реактивными самолетами «Мессершмитт-262».

Не делали поспешных выводов и те, кто неустанно улучшал качество авиационной техники и вооружения. И мы были благодарны самоотверженным рабочим, техникам, инженерам и ученым, вместе со всеми советскими людьми разделяли радость, когда Указами Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа и 2 ноября 1944 года за образцовое выполнение заданий партии и правительства были достойно награждены вооруженцы, приборостроители, опытно-конструкторские бюро и конструкторы самолетов — Герои Социалистического Труда С. А. Лавочкин, А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин и А. Н. Туполев.

Ни у одной из воюющих стран не было самолетов лучше наших «илов», «яков» и «лагов». Ими были довольны не только мы, но также французские, польские, чехословацкие, югославские, болгарские летчики. Многие из союзнических офицеров ВВС сражались с врагом, не щадя жизни, и заслуженно стали кавалерами боевых советских орденов. Некоторые летчики французского полка «Нормандия» в ноябре 1944 года были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Одним из проявлений постоянной заботы о летчиках-фронтовиках был приказ командующего ВВС Красной Армии, в котором говорилось о необходимости применения воздушного тарана лишь в исключительных случаях, как крайней меры. Беседуя на эту тему с молодыми однополчанами, гвардии лейтенант Чумбарев, таранивший в небе Сталинграда вражеский самолет, рассказал о том, что в трудное время применение таранного удара было массовым явлением в нашей авиации, особенно истребительной.

Тогда Илья привел около десятка примеров, назвал имена Талалихина, Катрича, Жукова, Здоровцева, Харитонов, Полякова и других героев. Теперь мы знаем, что в годы Великой Отечественной войны советские летчики совершили более 200 таранов, 17 человек применили этот тактический прием дважды, А. Хлобыстов — трижды, Б. Ковзан — четырежды. Таран был оружием исключительно грозным, смертельным для врага, и потому, естественно, немецкие летчики так боялись его.

Своевременным было и преобразование авиации дальнего действия в 18-ю воздушную армию. К концу 1944 года расстояние до объектов бомбардировки значительно сократилось. До Берлина, скажем, или других важных промышленных и административно-политических центров противника могли с успехом совершать полеты и фронтовые бомбардировщики. Это сэкономило силы и средства, которые были нужны для последнего, решающего наступления Советской Армии на врага.

2

В период осенне-зимней оперативной паузы мы напряженно занимались боевой подготовкой. В полку проводились учебные полеты с показательными воздушными боя-

ми и стрельбами, сборы летчиков и техников, конференции по важнейшим вопросам фронтовой жизни. Заключительным этапом всей учебы было совещание руководящих офицеров и наиболее опытных летчиков фронта.

Открывая совещание, командующий 16-й воздушной армией генерал-полковник авиации С. И. Руденко сказал:

— Мы собрались для того, чтобы поговорить о некоторых особенностях борьбы со скоростными немецкими самолетами, в том числе с «Мессершмиттами-262», имеющими реактивные двигатели.

Некоторые из присутствующих здесь товарищей уже встречались с такими самолетами в воздухе. Хотелось бы, чтобы эти летчики поделились своими впечатлениями о воздушных боях, рассказали, как выглядят новые вражеские самолеты в полете, какая необходима тактика, чтобы лучше поражать и сбивать их. Этого требуют интересы окончательной победы над немецко-фашистской Германией.

Первым попросил слова помощник командира 3-го истребительного авиакорпуса подполковник Новиков. Вот о чем он рассказал.

Однажды группа истребителей — командир корпуса генерал-лейтенант Савицкий, подполковник Новиков и еще несколько летчиков — вылетела на патрулирование в район переправ через Одер, находившихся севернее Франкфурта. Облачность была 6—8 баллов, высота — 300 метров. После двадцати минут барражирования Новиков заметил незнакомый самолет. Таких машин он еще не видел.

— Самолет имел длинный утонченный хвост и удлиненную носовую часть с низкой подвеской двух гондольных установок под крыльями, — продолжал подполковник. — Встреча произошла на пересекающихся курсах. Противник быстро проскочил мимо меня и скрылся из вида. В процессе поиска я опять встретил его и пошел на сближение. Немецкий летчик, вероятно, заметил меня и снова оторвался, ушел.

В третий раз встретил противника на том же курсе, что и впервые. Развернувшись, я набрал скорость пятьсот семьдесят километров в час и пошел на сближение. Однако реактивный самолет опять ушел от меня. Его попытался атаковать генерал Е. Я. Савицкий. Но эта

попытка осталась безрезультатной: скорость немецкой машины достигала семисот пятидесяти—восьмисот километров в час. Следов работы реактивных двигателей не было заметно из-за сильной дымки.

Как бороться с такими самолетами? Лучше всего применять метод внезапности — атаковать со стороны солнца. Не следует пренебрегать атакой в лоб с ракурсом одна четвертая. Считаю, что реконструировать наш прицел не следует, он соответствует ведению прицельного огня при ракурсах одна четвертая и две четвертых для скорости восьмисот километров в час.

Отвечая на вопрос командующего о том, как наш летчик должен действовать во время атаки скоростного самолета противника, подполковник ответил:

— Чтобы враг не мог вести прицельный огонь, необходимо использовать маневр своего самолета, не допускать противника на дистанцию ближе восьмисот метров. Во время атаки надо делать отворот на большой скорости, а как только нападающий проскочит вперед, следует немедленно повернуть самолет и вести пушечный огонь вслед даже с больших дистанций. Пулеметные очереди по такому самолету малоэффективны.

Считаю, что скоростные машины действовать в группе не смогут, они менее маневренны, чем «яковлевы». Но если все-таки противник будет навязывать бой, мы должны строить нашу тактику на взаимодействии в паре и маневре пар.

На трибуну вышел командир 178-го гвардейского истребительного авиационного полка подполковник В. М. Макаров.

— Прикрывая наземные войска на северном плацдарме реки Одер, я тоже встретил незнакомый самолет. Вначале признал его за «раму», но, когда развернулся и пошел в атаку, убедился, что это не «фокке-вульф». Под плоскостями машины были подвешены гондольные установки. Вероятно, в них находились реактивные двигатели, так как из гондол струился белый дымок. Неизвестный самолет быстро удалился от меня, и я потерял его из вида.

Чтобы сбить такой самолет, надо, по-моему, применять хитрость, тактику внезапности, использовать облака, солнце, местность. Иначе его не возьмешь. Нужно уметь использовать отрицательные стороны новой пе-

мечкой машины — плохой обзор, особенно нижней полусферы.

Я согласен с подполковником Новиковым: прицелом нашим в бою со скоростными истребителями можно пользоваться только во время стрельбы под малыми ракурсами, а под большими вести огонь бессмысленно. Еще предложение: на боевые задания по борьбе с такими самолетами надо посылать пары или четверки, потому что ими управлять легче, чем большими группами.

И последнее. При сопровождении штурмовиков и бомбардировщиков необходимо строить такой боевой порядок истребителей, чтобы не дать возможности противнику внезапно атаковать их. Группы сопровождения следует усилить, одну из них оттянуть назад и выше, а для защиты передней полусферы поставить группу или пару вперед.

Нам понравилось выступление дважды Героя Советского Союза гвардии майора И. Н. Кожедуба, заместителя командира 178-го гвардейского истребительного авиаполка. Он сказал, что борьбу со скоростными самолетами противника советские летчики ведут с самого начала Отечественной войны. Ме-109 по сравнению с И-16 или «Чайкой» были скоростными, однако мы научились их сбивать и уничтожили не одну тысячу.

— Известно, что скоростной самолет требует от летчика особого напряжения, ибо с возрастанием скорости становится недостаточно маневренным. На такой машине очень трудно производить атаку под большими ракурсами, поэтому наши летчики (а мы тоже получили на вооружение новые самолеты с повышенной скоростью) чаще всего производят атаки сзади и в хвост под ракурсами ноль четвертей и одна четверть. Таким же образом и я недавно атаковал и сбил «Мессершмитт-109 Ф».

Мне кажется, что немецкие летчики, осваивающие новые самолеты, будут применять такую же тактику.

Обычно, стреляя при ракурсе одна четверть—четыре четверти, я беру упреждение пятьдесят—семьдесят тысячных и в этом положении прицела всегда сбиваю самолеты противника.

Недавно, барражируя над одерским плацдармом, я видел самолет, gondолы моторов которого вынесены вперед. Летел он на очень большой скорости. Полагаю, что гоняться за такими машинами не следует, это лишь при-

ведет к напрасной трате моторесурса. Лучше уйти вверх, выждать удобный момент и внезапно свалиться на врага.

Лобовую атаку по новым самолетам противника надо производить умеючи и первому открывать прицельный огонь. Если же упустил возможность занять выгодную позицию и время открытия огня, нужно уходить в сторону, не давая противнику взять инициативу в свои руки.

От 53-го гвардейского истребительного авиаполка выступили мой недавний сослуживец гвардии майор И. И. Кобылецкий и командир эскадрильи гвардии капитан Г. С. Дубенок.

Иван Иванович предложил изучить маршруты полетов новых немецких самолетов и, организовав засаду или выслав большой патруль истребителей, принудить врага к посадке или сбить его.

Капитан Дубенок развил мысль подполковника Макарова о более четком построении боевого порядка истребителей, сопровождающих на боевые задания «ильюшинных» и «петляковых». Кроме того, подчеркнул он, надо высылать пару вперед, которая должна охранять «илы» или «пешки» с нижней передней полусферы и расстреливать истребителей противника, которые при атаке бомбардировщиков на большой скорости будут проскакивать вперед.

Что касается атак, то их целесообразнее всего производить под ракурсами от ноль четвертей до двух четвертей. Атаки в лоб будут малоуспешными, так как они очень скоротечны. Новые истребители противника всегда, по-видимому, будут стремиться сбивать ведущих наших групп, поэтому необходимо срывать такие маневры.

В заключение перед участниками совещания выступил командующий армией. Он выразил надежду, что в соединениях и частях будет продолжен разговор о тактике борьбы с новыми немецкими самолетами, имеющими реактивные двигатели.

Генерал Руденко подчеркнул, что Ме-262 использует полную мощность своих реактивных моторов для достижения максимальных скоростей только в необходимых случаях (догнать цель или уйти от истребителей). Применяться они будут, вероятнее всего, для борьбы с авиацией, наносящей удары по живой силе и технике врага, то есть против наших бомбардировщиков и штурмовиков,

Новые «мессершмитты», по-видимому, будут стремиться наносить короткие удары по группам и одиночным самолетам. Задача состоит в том, чтобы выработать эффективные способы уничтожения этих истребителей всеми средствами, которыми мы располагаем.

— О прицелах и дистанциях ведения огня здесь говорили правильно,— подчеркнул командующий.— Нужно вести огонь и бить противника прицельно, а не навскидку, как учит французская школа. Для этого необходимо хорошо изучить свой прицел и угловые перемещения цели.

Генерал порекомендовал нашим истребителям вести огонь по Ме-262 с дистанций от 20 до 600 метров и более, пока имеется хоть один процент вероятности попадания. Здесь учитывалось моральное воздействие на немецких летчиков.

Командиры частей, выполняющие задачи сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков, указывал генерал Руденко, должны глубоко продумать вопрос о том, как построить прикрытие, какие применять боевые порядки, какую избрать тактику, имея перед собой противника, вооруженного скоростными самолетами с реактивными двигателями.

В конце своего выступления генерал-полковник авиации призвал участников совещания принять все меры к тому, чтобы воздушные бойцы и впредь были достойны гордого звания отважных соколов Советской страны.

— Я уверен, — сказал он, — что мы, имея богатый опыт борьбы с немецкими самолетами, применяя его на практике, также выработаем новую тактику борьбы со скоростными самолетами¹.

3

Фронтовой практикой проверено, что боевые успехи подразделения и части во многом зависят от того, насколько хорошо организована партийно-политическая работа, как личный состав понимает поставленную командиром задачу, каково влияние коммунистов и комсомольцев на массы воинов. В предвидении ожидавшегося на-

¹ Архив МО СССР, ф. 53 гв. иап, оп. 288560, д. 2, л. 23.

ступления нам, партийным активистам, и поручили ознакомиться с различными участками партполитработы в полку. Я должен был доложить замполиту майору Верховскому о том, чем занимаются комсомольцы нашей эскадрильи.

В организации состояло на учете 35 членов ВЛКСМ, эскадрильское бюро возглавляли пять человек, в том числе летчик младший лейтенант Степанов и механик моего самолета старший сержант Терентьев. Чтобы иметь наглядное, доказательное представление о работе комсомольской организации по обеспечению передовой роли членов ВЛКСМ в выполнении боевой задачи, я проанализировал один летный день.

Нашей эскадрилье предстояло сопровождать бомбардировщиков до объекта бомбометания в заданном районе и обратно, а также нанести самостоятельный штурмовой удар по войскам противника. Узнав эти задачи от капитана Балюка, комсорг сержант Твилинов рассказал о них комсомольским активистам.

— А вы постарайтесь в индивидуальных беседах как можно быстрее и доходчивее разъяснить каждому комсомольцу, что от него требуется на сегодняшний день, — порекомендовал Твилинов.

Младший лейтенант Степанов поинтересовался, как летчики-комсомольцы усвоили боевую задачу, какие испытывают трудности. Он и его товарищи Кантовин, Коченков и Кислицын, уже имевшие боевой опыт, напомнили молодым сослуживцам о возможности встречи с новыми немецкими самолетами Ме-262 и рассказали об особенностях воздушного боя с ними.

Младший техник-лейтенант Митин и старший сержант Терентьев узнали от инженера эскадрильи Д. Н. Дрыги, что на самолетах, обслуживаемых сержантами Котовым и Заседателевым, большой объем работы. Чтобы ускорить подготовку боевых машин к вылету, комсомольские активисты помогли механикам вовремя устранить все дефекты.

Однажды сержанту Проценко досталось от комсомольцев за небрежное отношение к выпуску боевого листка. После этого редактор эскадрильеской стенной печати старался вовсю. Не было замечаний и сейчас.

— Вот так надо всегда делать, — одобрил комсорг, — на совесть. Боевой листок не ради формальности нужен,

сам понимаешь. Кого надо — отметить, нерадивого пожури. Не знаешь — спроси у инженера и командира.

Наряду с другими летчиками в этот день отличился и член комсомольского бюро младший лейтенант Степанов. От его меткого огня во время штурмовки вражеской колонны загорелись две автомашины. Этот факт был отмечен в боевом листке и в беседе агитатора младшего лейтенанта Юдина с однополчанами, которые по тем или иным причинам на этот раз не поднимались в воздух.

Во время подготовки материальной части к очередному вылету комсorghу Твилинову стало известно, что комсомолец Смирнов, закончив работу на своей машине, ушел со стоянки, не оказав помощи соседям. Пришлось поговорить с механиком, напомнить ему о войсковом товариществе. Сержант Проценко взял на заметку этот случай. Впоследствии Смирнов, подготовив свой самолет, всегда спешил помочь тем, у кого было много работы.

К вечеру Твилинов рассказал сослуживцам содержание сводки Советского информационного бюро, затем поставил перед активистами задачи на предстоящий день. Кроме того, он вместе с сержантом Ковальским успел побеседовать о правах и обязанностях членов партии с механиками, которые изъявили желание вступить в партию.

Несколько позже я узнал от комсорга полка младшего лейтенанта Миронова, что комсомольская организация нашей эскадрильи была признана одной из лучших, сержант Твилинов получил благодарность от начальника политотдела соединения гвардии полковника Акимова.

В выводах специального политдонесения начальнику политотдела 16-й воздушной армии полковнику В. И. Вихрову «О работе комсорга и бюро 1 аэ 54 гв. иап по обеспечению боевого летного дня» говорилось:

«Благодаря хорошей постановке работы комсомольская организация 1 аэ занимает ведущее место не только в полку, но и в дивизии»¹.

Положительно была отмечена и работа редактора нашего боевого листка сержанта Проценко. Его известность, можно сказать, приобрела армейский размах. В своем политдонесении гвардии полковник Акимов писал:

«В одном из боевых листков 1 аэ 54 гв. иап, где редактором гвардии сержант Проценко, помещено 5 заметок:

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. иад, оп. 2, д. 32, л. 26.

1. «Задачи дня», в которой командир поставил перед авиаэскадрильей задачу в течение дня провести 30 боевых самолето-вылетов и здесь же конкретно определил обязанности летного и технического состава.

2. «Благодарность». В этой заметке летчик гвардии лейтенант Денисов указывал, что, выполняя боевое задание, группа летчиков, ведомая командиром эскадрильи, отлично прикрывала бомбардировщиков, за что получила благодарность.

3. В своей информации «Они поняли задачу» гвардии сержант Проценко указывал, что гвардии младший техник-лейтенант Митин (агитатор), гвардии старшина Короленко и гвардии старший сержант Львов поняли задачу, поставленную перед ними командиром эскадрильи, и за истекший день отлично обслужили по 4 боевых самолето-вылета. Он призвал весь техсостав равняться по передовым специалистам.

4. В заметке «Итоги боевого дня» гвардии старший лейтенант Павленко указывает, что в течение дня эскадрилья выполнила задачу, поставленную командиром, сделав 33 успешных боевых вылета. Отлично выполнили боевое задание гвардии старший лейтенант Михайлик, гвардии лейтенанты Крючков и Денисов, гвардии младшие лейтенанты Степанов и Зерний.

5. «Наши недостатки». В этой заметке, написанной агитатором гвардии младшим техник-лейтенантом Митиным, указывается, что, несмотря на хорошую работу техсостава эскадрильи, все же имелись и недостатки — отсутствовала должная взаимопомощь во время закатывания на стоянки и маскировки самолетов.

Данный боевой листок привлек внимание всего личного состава авиаэскадрильи, а также обратил внимание партийной и комсомольской организаций на необходимость мобилизации личного состава по изжитию имеющихся недостатков»¹.

Хорошо у нас работали и агитаторы. Мы всегда были в курсе важнейших событий на фронте и в стране, своевременно знакомились с решениями партии и правительства. Этим однополчане прежде всего обязаны гвардии майорам Верховскому и Шувалову.

В первых числах января 1945 года секретарь партбю-

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. иад, оп. 2, д. 32, л. 64.

ро полка провел в нашей эскадрилье интересную беседу, пользуясь материалами новогоднего номера «Правды». Майор сказал, что ныне, когда Красная Армия освободила от немецко-фашистских оккупантов почти всю Юго-Восточную Европу, наша цель состоит в том, чтобы завершить разгром противника и до конца выполнить свою освободительную миссию — помочь народам Европы, которые еще находились под гнетом гитлеровской Германии, сбросить рабское ярмо, завоевать свободу и независимость.

Теперь мы знаем, что к началу 1945 года Красная Армия превосходила противника по числу людей более чем в два раза, по орудиям и минометам — почти в четыре раза, танкам и самоходно-артиллерийским установкам — более чем в три раза, боевым самолетам — почти в восемь раз.

Нас, авиаторов, особенно воодушевлял тот факт, что мы располагали большим количеством авиационной техники. Точного соотношения сил, конечно, никто из нас не знал, но, судя по абсолютному господству в воздухе советских самолетов, можно было смело утверждать наше первенство.

Союзники, по всей вероятности, не без оснований обратились к нашему правительству с просьбой ускорить наступление и тем самым облегчить положение их войск, подвергшихся ударам гитлеровцев. Знали, стало быть, в Америке и Англии, что мы располагаем большой силой.

— Когда нам было тяжело, — сказал Саша Денисов, — союзники не очень-то спешили со своей помощью... Ну да ладно, мы — народ сильный и добрый: с врагом сами справляемся, а кому невмоготу — помогаем.

4

14 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта начали Варшавско-Познаньскую наступательную операцию, являвшуюся составной частью Висло-Одерской стратегической операции.

Висло-Одерская операция «имела целью освобождение Польши, разгром основных сил группы армий «Центр» и вывод советских войск на последний естественный рубеж — рек Одер и Нейсе. Одновременно предусматривалось оказание помощи англо-американским войскам, ока-

завшимся под угрозой полного разгрома на западном театре военных действий... Важная роль в операции отводилась советской авиации, насчитывавшей до 5 тыс. самолетов»¹.

К тому времени вместо И. Ф. Балюка, назначенного с повышением, нашу эскадрилью принял гвардии капитан Батяев. Летчики довольно быстро убедились, что новый командир — искусный воздушный боец, хороший методист, чуткий и внимательный товарищ. Не раз вылетал он на боевые задания, которые были под силу только тем, кто прошел трудную фронтовую школу.

Первые полеты в период Варшавско-Познаньской операции показали, что летный состав нашего полка хорошо подготовился к боевым действиям. Помимо ветеранов части отличился старший лейтенант Бугаев. Вылетев во главе группы истребителей на штурмовку войск противника, он быстро обнаружил цель и решительно атаковал ее. В результате офицер Бугаев со своими ведомыми уничтожил восемь вражеских грузовых автомашин, легкой автомобиль, две цистерны с горючим и до взвода гитлеровцев. Успеху старшего лейтенанта Бугаева и его товарищей был посвящен один из номеров полкового бюллетеня, который выпускался по инициативе майора Шувалова и младшего лейтенанта Миронова ежедневно.

Вместе с тем выявились и недостатки в работе с отдельными молодыми летчиками. Младший лейтенант Минченко, например, во время одного из полетов на разведку оторвался от своего ведомого. Командир полка еще раз напомнил молодежи, что подобные случаи могут привести к нежелательным последствиям, ибо «мессершмитты» и «фокке-вульфы» специально подкарауливают одиночные экипажи. Наши командиры не делали никаких послаблений: слишком много пришлось пережить за годы войны, чтобы допускать оплошности там, где можно было обойтись без них.

Сообщения о форсировании Вислы севернее Варшавы и расширении фронта прорыва до 120 километров, об освобождении столицы Польши, промышленного центра Лодзь и целого ряда других городов вызвали среди летчиков и техников полка еще большее воодушевление.

¹ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945. Краткая хроника. М., Воениздат, 1970, стр. 667.

Я представляю себе, какой небывалый подъем царил в наземных войсках, непосредственно освобождавших город за городом и настойчиво шедших вперед, ломая сопротивление противника.

А сопротивлялся враг отчаянно. Мы были свидетелями этого во время штурмовки познаньского оборонительного рубежа и уничтожения вражеской группировки в районе Познани.

Помню, с каким ликованием мы встретили весть о том, что 29 января части и соединения нашего фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, западнее и северо-западнее Познани пересекли границу Германии и вторглись в пределы Померании. Как все ждали этого дня, ждали почти четыре года. Теперь не мы, а немцы читали в газетах и слушали по радио об оставлении гитлеровской армией городов и сел. Что ни день, то из десятков всяких там тирштигелей, урунштадтов, фидбергов и швибусов советские солдаты вышибали фашистских вояк.

В конце января наши войска форсировали Одер в районе Кюстрина и захватили плацдарм на левом берегу. Через два дня Висло-Одерская операция была успешно закончена. За это время соединения 16-й и 2-й воздушных армий совершили свыше 54 тысяч боевых вылетов. Наши истребители провели 543 воздушных боя, в которых уничтожили 765 немецких самолетов. Были захвачены богатые трофеи, в том числе 1300 самолетов.

Поспешая на запад, мы едва успевали запоминать названия аэродромов, где базировался наш полк. Из Бытея в июле прошлого года прыгнули в Островки, в августе перелетели в Люблин-восточный, в сентябре были в Любитово, оттуда перебазировались в Кшевду. И уже в этом году трижды подсакивали за наземными войсками — в Ласкажев, Мазев и Ополе.

— Ну и быстроходна же наша пехота! — восхищался старший сержант Терентьев. — Едва на крыльях догоняем ее.

При перебазировках больше всех доставалось техническому составу, особенно передовым командам, готовившим новые аэродромы для приема полковых самолетов. Однако никто не сетовал на лишения и тяготы кочевой жизни, все понимали, что без этого обойтись нельзя.

В эти дни — с 4 по 11 февраля — наше внимание занимала Крымская конференция глав правительств Советского Союза, США и Англии. Какие вопросы обсуждает конференция? Что решит? И вот в «Правде» от 13 февраля мы прочитали ответы на интересовавшие нас вопросы. Было ясно, что война на исходе и что политические и экономические проблемы освобожденной Европы будут решать три державы-победительницы.

А пока... Пока наши войска крушили померанский «вал» врага.

Как-то после вылета на разведку зашел разговор о вероятности встречи с воздушным противником. Одни говорили, что встреча с фашистскими самолетами в нынешнее время — почти событие. Другие доказывали, что это зависит от нас самих, от активности поиска.

— Да ведь за примером далеко не надо ходить, — сказал гвардии капитан Батяев. — Если вы жаждете встречи с недобитыми питомцами Геринга, летите с Яковом Михайликом.

— Что ж, — ответил я, — завтра полетим и постараемся найти.

Такие разговоры и раньше были, но не столь жаркие, как на этот раз. Ребята спорили, горячились. Особенно Александр Талов. Он вообще не верил в возможность встречи с противником, утверждал, что теперь можно спокойно летать: истребителей на щецинском направлении нет.

Командир полка молча слушал споривших, давая им возможность высказать свое мнение. Затем, как бы подводя итог разговору, сказал:

— Первый вылет завтра разрешаю выполнять всем желающим встретиться с противником. Михайлик, собирай группу.

Охотников набралось несколько человек. Все они были опытными, искусными воздушными бойцами. С ними не страшен никакой враг. Кроме того, я брал с собой надежную тройку, с которой летал все время и провел не один десяток боев. Это Николай Крючков, Илья Чумбаров и Александр Денисов.

Задача была не из легких, но я надеялся на ратную удачу. За последнее время мне нередко приходилось встречаться с противником. Дело в том, что я взял себе за правило не ожидать, когда он появится в заданном рай-

оне, а искать его. Активно искать и навязывать ему бой. Эту тактику я перенял у своих командиров — Андреева, Лескова и Мельникова. Андреев еще под Москвой говорил:

— Ищи противника и диктуй ему свои условия. Не надо ожидать, когда на тебя набросится фашистский истребитель. Пассивных всегда бьют.

Некоторые летчики были согласны с такой тактикой, но оговаривались, что она приемлема только во время свободной охоты или выполнения задания по прикрытию заданного района.

— А как быть, когда ты сопровождаешь бомбардировщиков и штурмовиков или идешь на разведку? — спросил Василий Лимаренко и сам же ответил: — В таких случаях невольно будешь вести только оборонительный бой. Нельзя же отвлекаться от выполнения основной задачи.

— Оборона тоже должна быть активной, — заметил Евгений Петрович Мельников.

...Утром наша группа, сформированная из всех эскадрилий, получила задание сопровождать Пе-2 к порту Щецин на Одере. Бомбардировщики шли в разрывах кучевых облаков на высоте 2700 метров, а наша ударная группа — несколько выше. При подходе к Щецину мы увидели пожары. На земле шел бой. В небе же было спокойно.

Вот и река Одер, мост возле Щецина, железная дорога. «Не может быть, — подумал я, — чтобы здесь не было зенитной артиллерии и истребителей противовоздушной обороны». И действительно, тотчас же несколько «фоккевульфов», летевших с запада, нырнули в облачность, поднимавшуюся слева от нас отвесной стеной и как бы отделявшую одну сторону Одера от другой. Маневр противника я разгадал: обойти облачность и подкрасться к нам сзади.

— Иду на сближение с «фоккерами». Будьте внимательны! — предупредил я своих друзей.

Мне почему-то никто не ответил. А вскоре я услышал голос Лимаренко. Василий скороговоркой предупредил летчиков об опасности. Как только последний «фоккевульф» зашел за облачность, я повел ребят в набор высоты. Надо было перебраться на другую сторону облачности и атаковать гитлеровцев с тыла, застать их врасплох.

Облака остались внизу. Вражеские истребители шли над их верхней кромкой. Еще минута, и «фоккеры» догонят группу наших бомбардировщиков.

Медлить с атакой нельзя. Выжимаю из «кобры» все, на что она способна. Теперь все внимание прицелу. Вот он, ведущий «фоккер». Огоны! Самолет со свастики сбит. Охваченный пламенем, он беспорядочно падает вниз.

— Один горит, — комментируя результат атаки, сказал кто-то из летчиков с Пе-2.

Следить за падением неприятельской машины некогда: пытаюсь отомстить за своего напарника, на меня набросился один из «фокке-вульфов», которые теперь оказались позади. Однако покушение окончилось для него печально — Николай Крючков навсегда отбил ему охоту ввязываться в бой с советскими истребителями.

Схватка разгоралась. Фашисты во что бы то ни стало стремились прорваться к нашим бомбардировщикам. Илья Чумбарев отправил к праотцам еще одного гитлеровца. Из восьми «фокке-вульфов» осталось пять. Теперь стало легче отбивать их наскоки.

Бомбардировщики уже успели нанести удар по железнодорожной станции, развернуться и лечь на обратный курс. Сейчас будут идти мимо нас.

— Будьте внимательны! — предупредил я их. — Веду воздушный бой впереди и выше вас.

— Видим. Держись! — отозвался Талов из группы непосредственного прикрытия.

«Кажется, все идет хорошо», — подумал я, но тут же увидел новую четверку «фоккеров». Теперь их девять. Два из них кинулись на Илью Чумбарева. Спасая друга, мы с Николаем Крючковым отбили их атаку. Воспользовавшись этой потасовкой, четыре хищника бросились за «петляковыми». Отогнав крутившихся около нас «фоккеров», я передал ребятам по радио:

— Идем на помощь группе непосредственного прикрытия!

Догоняя своих, мы увидели, как два «фокке-вульфа» пристраиваются справа к одной из «аэрокобр».

— «Соколы»! Вас преследуют «фоккеры», скоро перейдут в атаку, — поспешил я предупредить летчиков об опасности.

Не знаю почему, но на мой голос никто не отозвался.

Что за беспечность? Идут себе, словно рядом никого нет. Даю сектор газа вперед до упора. Нет, все равно не успеть. Противник вот-вот ударит из всех точек по нашим.

— Кто идет справа группы? Берегитесь! — еще раз предостерег я однополчан.

Ведущий гитлеровец открыл огонь.

Только теперь летчик забеспокоился. «Растяпа, — выругался я, — не мог посмотреть, что делается за спиной». Беру небольшое упреждение, чтобы отпугнуть «фоккевульфов», но очередь ложится точно по одному из стервятников. Проскакиваю с набором высоты вверх.

— Коля, добавь! — попросил я Крючкова.

Крючков «добавил» так, что «фоккер» горячей головешкой полетел к земле.

А кто же этот тюлень справа в группе непосредственного прикрытия? По номеру машины определяю — Талов. Тот самый Талов, что до хрипоты утверждал, будто в воздухе противника нет и можно летать совершенно спокойно. Теперь, кажется, он лично убедился в обратном. И не только он, но и все его сторонники.

Домой мы возвратились без потерь. Александр Талов едва довел машину. После посадки на аэродроме сразу же заклинил поврежденный мотор, который забарахлил еще над целью.

Торопко, словно под уклон, бежали февральские дни, один одного веселее, значительнее по событиям. Наши летчики научились уничтожать те самые скоростные самолеты с реактивными двигателями, о которых шла речь на недавнем совещании. Нам стало известно, что один Ме-262 сбили генерал-лейтенант авиации Е. Савицкий и майор П. Околелов, второй — майоры И. Кожедуб и К. Титаренко. Значит, профессиональное искусство советских авиаторов превосходит выучку немецких асов, а отечественные истребители «лавочкины» и «яковлевы» с поршневыми двигателями не уступают Ме-262, кроме скорости, ни в чем, а по маневренности держат первенство.

За сорок дней зимнего наступления, сообщалось в «Правде», советские войска обрушили на противника небывалый по силе удар на всем фронте от Балтики до Карпат и продвинулись на сотни километров (с плацдар-

ма на Висле южнее Варшавы до нижнего течения Одера — на 570) в глубь территории фашистской Германии. Части и соединения 1-го Белорусского фронта после длительной осады уничтожили окруженную группировку противника и заняли город и крепость Познань.

— Такие темпы наступления могут быть присущи только героической армии, — читая сообщение Советского информбюро, сказал младший лейтенант Миронов.

— А наша Красная Армия и есть армия массового героизма, — подтвердил майор Шувалов. — «Красная звезда» сообщает, что на первое февраля сорок пятого года у нас насчитывается шесть тысяч четыреста восемнадцать Героев Советского Союза и более шести миллионов ста пятидесяти шести тысяч человек, удостоенных орденов и медалей.

Сначала цифры эти показались нам слишком уж большими, а потом, когда посмотрели, у кого сколько наград — у некоторых летчиков их было более полутора десятков, — пришли к выводу, что, вероятно, так оно и есть на самом деле.

— А сколько ещё наград ожидают своих героев, — сказал майор Ганзеев.

Кто-то, а заместитель начальника штаба, оформлявший наградные документы на однополчан, знал это лучше других. Да и развернувшиеся в марте события свидетельствовали об исключительной отваге, о мужестве воинов Красной Армии. Осуществляя Восточно-Померанскую наступательную операцию, войска нашего фронта расчленили группировку противника, выйдя на побережье Балтики, после чего главные силы повернули на запад, к реке Одер. Наземные войска, как всегда, поддерживала авиация, в том числе и 54-й гвардейский истребительный авиаполк, перебазировавшийся с аэродрома Ополе на площадку в районе населенного пункта Лавица. Под мощным натиском пали города-крепости Кюстрин и Кольберг и вся Восточная Померания, которую обороняла немецкая группа армий «Висла».

В ночь на 16 апреля в полку были получены обращения Военных советов 1-го Белорусского фронта и 16-й воздушной армии о начале Берлинской наступательной операции. Этому знаменательному событию был посвящен специальный митинг личного состава.

Перед развернутыми гвардейскими знаменами части

подполковник Е. П. Мельников зачитал эти исторические документы, затем поставил конкретные боевые задачи перед летчиками, техниками и другими специалистами и призвал их показать в предстоящем сражении новые образцы доблести и отваги, умножить славу советской гвардии.

В этой приподнятой, торжественной обстановке молодые летчики приняли присягу гвардии, после чего начались выступления.

Речи однополчан были краткими, волнующими. Кандидат в члены партии младший лейтенант Абрамов сказал:

— Нам, воинам Советской Армии, наш народ дал все необходимое для того, чтобы как можно быстрее разгромить ненавистного врага и водрузить Знамя Победы над Берлином. Я призываю летчиков-гвардейцев нашего полка показать в этой решающей битве достойные примеры мужества и героизма.

После митинга люди разошлись по подразделениям. В нашей эскадрилье, как и в других, была большая карта Берлина и его пригородов. Возле нее мы и продолжили разговор о предстоящем наступлении.

— Берлин, — вглядываясь в карту, на разные лады произносил Саша Денисов. — Бер-лин... Слово какое-то рычащее. То ли дело — Москва. Песенное, мягкое слово.

— Слово мягкое, — подтвердил майор Шувалов, — а фашисты поломали зубы на подступах к этому городу.

Ребята вспоминали минувшие бои под Москвой и Сталинградом, под Курском и Орлом, в Белоруссии и Польше. Теперь мы на земле врага, и красные стрелы на тактических и оперативных картах нацелены на разбойное логово, где вынашивались планы порабощения нашей страны.

— Даже не верится, — ероша рукой густую шевелюру, мечтательно произнес Василий Лимаренко.

— Во что не верится? — спросил Николай Крючков.

— Скоро будет четыре года, как мотаемся по фронтам, — закончил свою мысль лейтенант.

— Ничего, гвардия! — воскликнул парторг. — Еще один удар, и капут фашистской Германии. Пошли, ребята, на партсобрание. Вопрос один — «Задачи коммунистов в связи с предстоящим наступлением на Берлин».

— Вот это я понимаю — партработа! — весело улыбнулся Александр Денисов. — Пошли, хлопцы!

Выступавшие на собрании коммунисты заверили командование в том, что боевые задачи будут выполнены только на «отлично».

— Я буду драться с врагом беспощадно, — сказал командир звена лейтенант Крылов, — мстить фашистам за Ивана Максименко, Павла Оскреткова и других летчиков, павших смертью храбрых в воздушных боях. Прошу командование, чтобы мне разрешили написать на фюзеляже моего самолета имена Максименко и Оскреткова.

Командир звена лейтенант Денисов заявил:

— Мы, летчики первой эскадрильи, в предстоящих боях будем насмерть бить противника на земле и в воздухе. Сделаем все для того, чтобы с честью оправдать высокое звание члена ленинской партии — партии большевиков.

Выступил и недавно объявившийся летчик младший лейтенант Степанов.

— Мы услышали радостную весть о переходе войск нашего фронта в наступление. Недалек тот заветный день, когда мы добьем фашистского зверя в его логове и водрузим Знамя Победы над Берлином. От имени всех молодых летчиков эскадрильи заверяю командование полка, что мы по-гвардейски выполним свою задачу.

Попросил слова и старший техник-лейтенант Пашенко. Он сказал:

— В своем обращении Военный совет фронта призывает войскам фронта нанести последний сокрушающий удар по врагу. Наши техники, механики и мотористы обеспечат безотказную работу материальной части. Пусть летчики будут уверены: мы не подведем их и не опозорим чести специалистов-гвардейцев.

Решение было предельно кратким, деловым, обязывающим коммунистов во всем показывать пример для беспартийных. И мы в тот же день начали претворять в жизнь это решение.

Известно, что Берлинская операция длилась до 8 мая 1945 года. За это время наступающие войска «с воздуха» поддерживала и прикрывала авиация 4, 16, 2 и 18-й воздушных армий, имевшая всего до 8500 самолетов. Ночью перед атакой наших войск 743 дальних бомбардировщика

нанесли массированный удар по основным опорным пунктам второй полосы обороны противника — Лечин, Лангзов, Вербиг, Зеелов, Фридерсдорф, Дольгелин. Удар продолжался 42 минуты. Каждую минуту на врага сбрасывалось 22 тонны бомб, преимущественно крупных калибров — Фаб-250, Фаб-500, Фаб-1000. С наступлением рассвета начали боевые действия экипажи 16 и 2-й воздушных армий»¹.

Сражение за Берлин началось за два часа до рассвета 16 апреля. От артиллерийского гула, а затем и грома бомбардировщиков дрожали земля и небо. Мы не раз были свидетелями контрнаступлений наших войск, но такой концентрации огня, какая была в это раннее весеннее утро, видеть не приходилось.

— На Берлин! На Берлин! — скандировали мы, ожидая команды на вылет.

Наконец-то зеленая ракета. Полк ведет в бой Евгений Петрович Мельников. В воздухе темно от бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. Самолеты идут волна за волной — одни на задание, другие с задания. «Илы», Пе-2, «яки», «лавочкины», «аэрокобры». Тут же приходится «мессершмиттам» и «фокке-вульфам». Тут же Берлину: четыре воздушные армии действуют на этом направлении.

За день истребители нашего объединения совершили несколько тысяч вылетов, успешно провели 140 воздушных боев. Фашисты недосчитались 165 самолетов. Ожесточенные схватки были и на второй, и на третий день. 18 апреля истребители 16-й воздушной армии уничтожили 175 стервятников. Подполковник Мельников зачитал нам телеграмму командира бомбардировочного корпуса: «Летный состав частей отмечает отличную работу ваших истребителей прикрытия. Прошу объявить благодарность всем летчикам, принимавшим участие в боях 16 и 18 апреля».

Главный удар наш фронт наносил с кюстринского плацдарма. Два вспомогательных удара обеспечивали успех главного — охватить столицу фашистской Германии с северо-запада и юга. Наш 54 й гвардейский истребительный авиационный Керченский полк первые десять

¹ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945. Краткая хроника. М., Воениздат, 1970, стр. 715.

дней операции действовал с аэродрома Шенраде, затем до самого конца войны — с моринского.

Заняв с боями ряд пригородов на подступах к немецкой столице, 20 апреля артиллеристы 1-го Белорусского фронта произвели первые залпы по военным объектам Берлина. На второй день бои шли уже в самом городе, затем войска нашего и 1-го Украинского фронтов соединились и рассекли вражеские силы, оборонявшие главный административно-политический, экономический и военный центр Германии, на две части.

Удар за ударом. Горит, полыхает Берлин. Агонирует фашистская Германия. Мы прикрываем бомбардировщиков и штурмовиков, обрушивающих смертоносный груз на врага.

А потом, когда закончились уличные бои, гвардейцы били по гитлеровцам, отходящим на запад.

Весть о великой победе пришла ночью. Ребята обнимались, стреляли из пистолетов, ракетниц и автоматов в майское небо Морины, ошалело кричали «ура», подбирали пилотки, фуражки и шлемофоны. Это была незабываемая дата.

А спустя месяц с первым эшелоном победителей я ехал домой. Ехал по мирной земле, тихой и радостной после отгремевшей бури.

«До-мой, до-мой!» — весело погромыхивали колеса поезда.

«До-мой, до-мой!» — выстукивало счастливое сердце,

«До-мо-ой!» — заливисто пел паровозный гудок.

— На родину, старший лейтенант? — спросил меня сосед в погонах подполковника, будто еще сомневаясь в этом.

— На родину! — радостно ответил я и посмотрел на восток. Там, над мирной голубизной июньского неба, словно орден Победы, поднималось веселое солнце, и навстречу ему мчался первый эшелон русских воинов-победителей.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Воздушный щит Москвы	3
От битвы — к битве	27
Над Волгой — сполохи войны	47
Крылья крепнут в борьбе	88
Кто с мечом к нам войдет...	106
Третья весна	118
Гроза в соловьином краю	137
Нам салютует Родина	158
Перед броском на запад	188
Только вперед!	205
В огненном кольце	231

Яков Данилович Михайлик

СОКОЛИНАЯ СЕМЬЯ

Редактор **Н. М. Борискин**
 Художественный редактор **А. М. Голикова**
 Художник **В. В. Васильев**
 Технический редактор **Р. Ф. Медведева**
 Корректор **Л. А. Болдина**

Г-83375.
 Сдано в набор 26.1.71 г. Подписано в печать 29.3.71 г.
 Формат 84×108¹/₃₂ — 8 печ. л. = 13,44 усл. печ. л. +
 + 2 наклейки ²/₃ печ. л. = 0,615 усл. печ. л. = 14,558 уч.-изд. л.,
 Типографская бумага № 2 Тираж 65.000 экз.
 Изд. № 3/4232 Зак. № 465 Цена 61 коп.

Ордена Трудового
 Красного Знамени
 Военное издательство
 Министерства обороны СССР
 Москва, К-160

Набрано в 1-й типографии Воениздата
 Москва, К-6,
 проезд Скворцова-Степанова, дом 3
 Отпечатано с матриц во 2-й типографии,
 г. Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., д. 10

Я. Д. МИХАЙЛИК • СОКОЛИНАЯ СЕМЬЯ